

З.ДОУСОН

«Сага о Форсайтах»
продолжается!

ФОРСАЙТЫ

Зулейка Доусон

Форсайты

«АСТ»

1994

Доусон З.

Форсайты / З. Доусон — «АСТ», 1994

«Сага о Форсайтах» Джона Голсуорси – это целый мир. Картина, казалось бы, обычных внутрисемейных коллизий постепенно разворачивается в огромное полотно, а человеческие судьбы волнуют так, будто это реальные люди. Мастерство художника столь мощно, что отношение к его героям может меняться на протяжении всего повествования. С ними не хочется расставаться. И все же было получено только одно разрешение от наследников автора на продолжение саги. Так появился роман «Форсайты»... Идут годы, над Европой сгущаются тучи и скоро разразится гроза, но ничто не властно над человеческими чувствами. Теперь уже новому поколению Форсайтов предстоит бороться за любовь и счастье, противостоять обману и предательству. Каждый из них стремится любить и быть любимым. Но какую цену приходится платить за счастье?..

© Доусон З., 1994

© АСТ, 1994

Содержание

Вместо предисловия	6
Книга первая	7
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	20
Глава 5	28
Глава 6	29
Глава 7	35
Глава 8	42
Глава 9	49
Глава 10	53
Глава 11	62
Глава 12	66
Глава 13	72
Глава 14	75
Глава 15	78
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Зулейка Доусон Форсайты

Что-то будет? Дадут ли нам спокойно вздохнуть? Каким образом все уладится? И уладится ли когда-нибудь? Кто даст на это ответ? Не ждут ли нас новые войны и не появятся ли новые изобретения вслед за еще не освоенными, не ставшими привычными?

Дж. Голсуорси. Предисловие к «Современной комедии»

Да, мой юный поборник справедливости, все бесконечно повторяется. Такова жизнь!

А. Стриндберг. День Святой Пасхи

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Вместо предисловия

Пытаясь точно с зоркостью, которой обычно бывает наделен лишь взгляд, обращенный в прошлое, определить, что положило начало второй по счету кровопролитной войне этого столетия, и таким образом хотя бы отчасти уяснить себе, что вызвало разгул национального самосознания, лежавший в основе ее, историки нередко ссылаются на «Шлезвиг-Гольштейнский вопрос». Говорят, что только три человека во всем мире по-настоящему понимали, к чему все это может привести. Из них троих один, как говорят, был сумасшедшим, второй успел покинуть этот мир, третий же, не кто иной, как сам лорд Пальмерстон, на просьбу помочь разобраться в этом деле глазом не моргнув ответил, что у него все это вылетело из головы. Последующим толкователям следовало бы принять эти слова к сведению, поскольку Старый Пам, при всех своих прочих качествах, Форсайтом, безусловно, не был. Когда речь шла о собственности и владениях (а я что-то не припомню войны, которой двигали бы иные мотивы), Форсайт, подобно слону, никогда ничего не забывал, особенно если конфликт возникал в лоне его семьи.

Война между Форсайтами, вспыхнувшая в 1887 году по поводу постройки некоего дома, затронула пока что четыре поколения этой семьи, которые шли на нее и добровольно, и по призыву, а в настоящий момент звуки рожков и горнов снова звали к оружию, горяча кровь поколения пятого. В любом сражении преимущество всегда остается за тем, кто удерживает высоту, а, согласно летописям форсайтской кампании, высота эта находилась в трех милях от Ричмонда и была известна как Робин-Хилл.

На вопрос, был ли этот клочок земли достаточно велик, чтобы похоронить там с должными воинскими почестями всех сложивших головы на этой пятидесятилетней войне, история прямого ответа не дает. Собственно говоря, там уже покоились останки двух воинов, отдавших войне много лет: Старого Джолиона, доблестного генерала, первым вставшего во главе своего войска, погребенного по древнему рыцарскому обычаю с верным псом Балтазаром, положенным в ноги у него; а рядом – словно для вящей схожести, был предан земле его сын, молодой Джолион, адъютант отца и владелец родового поместья.

Брат Джемс, с которым Старый Джолион в свое время порвал всякие отношения, и сын Джемса Сомс – славные представители противной стороны – были погребены в другом месте. Однако что касается Сомса, то тень этого собственника, уж во всяком случае, бродила там в буковом лесу и рощице в поисках... отмщения или, может, прощения?

Ну а прекрасная дама? – ведь в числе многих других истин, известных каждому школьнику, есть и такая: в каждой доброй ссоре непременно должна участвовать женщина; похищенная Елена, чья сводящая с ума красота была эпицентром этого затяжного конфликта, кто была она?

Ирэн! Это имя означает «мир», но каждый Форсайт, раз взглянув на нее и отведя затем взгляд, навсегда утрачивал это драгоценное состояние души. Из-за нее брат навсегда порывал с братом и кузен дрался с кузеном, находясь по разные стороны линии фронта, разделившей ряды Форсайтов. Из-за нее и сейчас, летом 1939 года, спустя шестьдесят лет, знаменитый английский род, расколовшийся на два лагеря, все еще находился в окопах гражданской войны.

Книга первая

1939

Отзвук песни

*...Любовь,
что на земле не завершилась,
Что дальше?*

Лорд Теннисон

Часть первая

Глава 1

Хитрая Флер Монт

Большую часть из тринадцати лет, прошедших с момента ее последней встречи с человеком, бывшим ее первой – и единственной – любовью, с ее кузеном Джоном Форсайтом, и, уж во всяком случае, все те двенадцать с половиной лет, с тех пор как она поняла, что ее мужу Майклу известно об их незадачливом романе, Флер Монт с успехом потратила на то, чтобы сотворить из себя Настоящую Женщину.

Понимая, что вряд ли найдется мужчина, которому захотелось бы иметь критика у себя под боком, она принялась энергично помогать мужу строить парламентскую карьеру; при ее содействии ему удалось осуществить несколько небольших, но имеющих значение замыслов, и, что особенно ценно, она поддержала его, после того как несколько раз он потерпел неудачу, о чем окружающие обычно помнят куда дольше. Ее имя теперь, после смерти сэра Лоуренса, украшенное титулом, можно было встретить среди имен светских дам, занимавшихся благотворительностью. Она принимала живое участие в заседаниях попечительниц разнообразных обществ, отлично разбираясь не только в планах на будущее чуть ли не на год вперед, но и в финансовых отчетах за последнее полугодие. И кроме того, она была матерью: Кристофера, еще до рождения ставшего Китом, к настоящему времени почти достигшего шестнадцати лет и в будущем одиннадцатого баронета, и его сестры Кэтрин, бывшей на шесть лет моложе и, конечно, обреченной называться Кэт.

Таковы были тяготы жизни и противовесы им, регулирующие и направляющие стопы Флер по неизбежно тернистой магистрали бытия. Если же говорить о жизни вообще, то сказать, что ее жизнь была не так уж плоха или – еще более радужное предположение – что она удалась, означало бы пренебречь переходящим из рода в род принципом и полностью игнорировать тот факт, что речь идет о женщине, чья девичья фамилия была Форсайт.

Форсайты – какую бы фамилию они ни носили: Лэмб, Хэймен, Спендер, Мэйхью, поскольку Форсайт – это не просто фамилия, а скорее биологическая или социальная классификация, – Форсайты по природе своей не способны быть счастливыми, если не завладеют объектом своего вожделения. Для большинства людей их толка это большого труда не составляет, потому что стремились они обычно к богатству, недвижимости, положению в обществе – к тому, что в свое время уже было достигнуто предыдущими поколениями. Но стоит Форсайту в своих желаниях обратиться к сфере чувств, куда люди с инстинктом собственника допуска-

ются лишь после того, как пройдут испытание страданием, или забредают как нищие с протянутой рукой, тогда он – или она – будут скорее всего до конца дней чувствовать себя обделенными. Теоретически догадываясь обо всем этом, Флер, тем не менее, в минуты одиночества все чаще задумывалась – так ли уж для нее обязательно следовать этим путем.

Одним словом, на лбу Флер, все еще безупречно гладком, появилась и тут же пропала морщинка, вызванная мимолетным раздражением, все же проникшим в голову, пока она сидела на кушетке у себя в залитой послеобеденным солнцем art deco¹ гостиной на Саут-сквер однажды в июне 1939 года.

Перед ней стоял ее сын, глубоко засунув руки в карманы и хмуро постукивая ногой по асимметричному чугунному экрану, скрывавшему пустой камин, он неодобрительно изучал шедевр джазового века, висевший над каминной доской.

Близился день его шестнадцатилетия, и мужчина, в которого скоро превратится этот самый Кит Монт, уже сейчас начинал проявлять себя во всевозможных, пока что еле уловимых, мелочах. Об этом можно было судить по огоньку, вспыхивавшему вдруг в его холодных серо-голубых глазах, спрятанных в данный момент сонно полуопущенными веками и ресницами; по высокому надменному лбу, который сейчас скрывался обязательной школьной стрижкой каштановых волос, а особенно по рисунку еще по-детски пухлых губ, прикрывавших идеально ровные белые зубы, в котором просматривалось порой нечто от сытого кота.

– Тут я тебе ничем помочь не могу, и ты сам это отлично знаешь, – сказала Флер. – Раз Финти хочет, чтобы ты пошел с ними, разговаривать не о чем.

– Но у меня ведь опять разыграется сенная лихорадка, – возразил Кит, сам чувствуя по звуку собственного ломающегося голоса, что отговорка, хорошо работавшая прошлым летом, звучит неубедительно.

Флер пожалала плечами, обтянутыми золотистым шелком безукоризненно сидящего костюма.

– Обстоятельство, возникающее по мере надобности, тебе не кажется? На крикетном поле она у тебя не разыгрывается.

И не глядя на сына, Флер поняла, что попала в самую точку, поскольку он тут же начал дергать какой-то случайный махорок на своем спортивном свитере, и прибавила только:

– Ну, не сердись!

Кит вышел из комнаты не столько рассерженный, сколько окончательно убежденный, что дальнейшие пререкания с матерью бессмысленны. Лишь только дверь за ним захлопнулась, он принял независимый вид и взбежал к себе на этаж. Главная его забота с тех пор, как он приехал сегодня утром, чтобы последний раз перед долгими каникулами провести дома субботу и воскресенье, была прямо противоположна мысли, занимавшей его мать, а именно – как стать Настоящим Мужчиной. Достигнув переходного возраста, когда тебя в любой момент может подвести если не голос, то осанка, Кит был постоянно начеку, как бы не попасть впросак или не совершить какую-нибудь неловкость, а в результате ему казалось, что обе возможности подстерегают его на каждом шагу. Когда-то больше всех на свете он любил Финти, и, когда вспоминал об этом не так уж давно утраченном чувстве, на щеках у него появлялись красные пятна, что мужчине не пристало. Но теперь она была бонной Кэт, и, узнав, что не успел он вернуться домой, как его посылают на прогулку с ними обеими в парк, он подумал, что это уж слишком; вот почему он побежал к матери с просьбой, в которой ему было отказано.

Однако Кит понемногу становился прагматиком – это была первая из многих черт, унаследованных им от Флер, и проявившаяся у него при взрослении, – и к тому времени, как он добрался до верхней площадки, фраза матери перестала казаться ему такой уж обидной. По пути в свою комнату, куда он направился за оставленной там школьной курткой, он загля-

¹ Ар деко – декоративный стиль, отличающийся яркими красками и геометрическими линиями.

нул в детскую. Неодолимая Финти – именованная до того, как она поселилась на верхнем этаже дома на Саут-сквер, мисс Мак-Финтлок, – вооруженная щеткой, нетерпеливо дочесывала длинные рыжеватые непокорные волосы его сестрицы. Их как бы светящаяся изнутри масса, сбегавшая на плечи мелкими тугими волнами, отказывалась повиноваться твердому нажиму щетки в руке Финти, проделывавшей эту операцию после завтрака уже вторично, да и сама природа их словно бы не поддавалась рациональному объяснению, по крайней мере с точки зрения бонны со строгим церковно-приходским мировоззрением. Уму непостижимо, откуда у такой хрупкой бледной девочки – ведь она буквально насквозь просвечивает – взялись такие волосы! Можно подумать, что все ее жизненные силы сосредоточились в этом блестящем каскаде кудрей. Невольно приходил на ум эпизод из Библии на ту же тему. Финти мерещилось в них даже что-то от пиктов, когда она заплетала это великолепие в тугую косу, в нетерпении больно дергая непослушные пряди. Девочка же все это покорно сносила и только с робкой надеждой поглядывала на заглянувшего в приоткрытую дверь брата.

– Ну, будет вам! Вы так и до вечера не кончите, – сказал Кит, понимая, что искренне испытываемое им сочувствие, увы, не отразилось в его голосе, и пожалев, что, дав распоряжение, не сумел заставить себя хотя бы подмигнуть, как скорей всего поступил бы его отец. – Мама сказала, чтобы я вывел собаку.

Оказавшись после ухода сына снова в одиночестве, Флер вернулась к своим мыслям, которые в последнее время подтачивали ее душевное равновесие, как мыши деревянную переборку. Не зная отказа ни в одной прихоти, удовлетворить которую могли бы деньги, общественное положение и обожавший отец, ей не так-то легко было смириться с печальным обстоятельством, что то единственное, чего она действительно желала, ей было иметь не суждено. Возможно, она так никогда и не сумела бы примириться с этим, но теперь уже много лет она и этот неумолимый факт научились сосуществовать, не нанося друг другу особого ущерба. И уж конечно, если при таком неудачном соединении порой что-то разрушалось, для постороннего взгляда это оставалось незаметным, так как происходило в душе Флер.

Почти двадцать лет тому назад, в тот день, когда состоялась ее свадьба с Майклом – увы, не с Джоном! – поднимаясь вверх после приема, чтобы переодеться, она на какой-то миг почувствовала, что происходящее невыносимо; с ней была тогда ее троюродная сестра Джун Форсайт, сводная сестра Джона, бывшая значительно старше его, которая делала все, чтобы помочь Флер справиться с накатившим на нее отчаянием, с той мукой, которую, как ей казалось, никаких человеческих сил не хватит вынести. Теоретически никто не мог выполнить это лучше Джун, поскольку ей самой довелось узнать в юности, что такое разбитое сердце и крушение всех надежд, кроме того, судьбы ее и Флер были в известной степени переплетены. Однако, убеждая Флер, что, раз решив что-то, нужно быть твердой до конца, она не сумела найти с ней верный тон. Все правда, некогда она решила добиться любви Джона, а теперь... теперь стала женой Майкла.

– Да, – сказала она Джун тогда, – я, наверно, его позабуду... если умчусь далеко-далеко.

В то время Джун восприняла эти слова как признак того, что к Флер возвращается душевное равновесие, и ушла, благословив ее на прощание. Это было второе благословение, полученное Флер за тот день: «Отныне и до веку... Джон уйдет из твоей жизни...» Разве можно было оправиться от этого удара – никогда не иметь! Никогда не быть с ним! В ту минуту она готова была навсегда утратить покой, лишь бы вернуть то, что потеряла.

Для Флер, получившей гены в наследство от матери-француженки и отца Форсайта, поражение стало стимулом к действию, и она упорно держалась намеченного плана, хотя временами скорей напоминала утопающего, который хватается за соломинку. Постепенно она достигла кажущегося совершенства своей теперешней жизни. Но совершенство в отсутствие любимого – вещь жестокая. Не скажешь, конечно, что это нож в сердце, но ноющую боль под ложечкой вызвать порой может. Что и случилось с Флер. Как ни старалась она, как ни добивалась сво-

его, мудрые слова поэта древности², сказавшего, что «бегущие за море сменяют не душу свою, а лишь небо над головой», были ее единственным утешением. Понесенная утрата, возврат к жизни и, наконец, отказ тринадцать лет назад от Джона, когда она уступила его «этой» американке, оставили неизгладимый след в ее душе, и теперь, жарким летом этого тревожного года, Флер, проникательно и без сантиментов оценивая положение, должна была признать, что попытка забыть не удалась. Если в чем она и преуспела – и то дорогой ценой, – то лишь в умении обманывать себя. Уже какое-то время она чувствовала, что в душе ее что-то готово вот-вот оборваться, однако определить, что именно даст сбой, она не могла. Зазвонил телефон, и Флер рассеянно взяла трубку.

– Флер, милочка! – Для человека, разменявшего девятый десяток, голос, который принадлежал Уинифриду Дарту, урожденной Форсайт, родной тетке Флер, звучал вполне бодро.

Флер чуть отвела трубку ото рта – чтобы голос не выдал ее душевного состояния, распрощиться с которым она пока что не была склонна.

– Здравствуй, Уинифрид!

Флер уже давно обходилась без всяких добавлений к именам родственников, как своих, так и Майкла, делая исключение только для своей матери. Называла тетку просто Уинифрид; по именам обращалась и к родным Майкла. Даже свекровь была для нее просто Эм, и нельзя сказать, чтобы сиятельная леди Монт была против этого уменьшительного имени. Что касается Уинифрида Дарта, в своей еще молодости усвоившей ту же манеру – что по тем временам было достаточно смелым поступком – и в течение нескольких сезонов собственную мать называвшей Эмили, – то она только приветствовала устранение прибавки к своему имени, считая, что она только старит ее.

– Флер? У тебя голос звучит так, будто ты говоришь откуда-то издалека. Ты не больна? Или это просто что-то с телефоном?

Флер повысила голос:

– Так лучше?

– Да, да! Вот какая у меня к тебе просьба – не могла бы ты попросить Майкла позвонить мне сегодня, когда он вернется вечером из парламента. Если, конечно, у него найдется для этого минутка.

Флер была озадачена.

– Конечно... Но... Ты, надеюсь, не забыла, что мы ждем тебя сегодня к ужину?

– Нет, моя прелесть, этого я не забыла.

В голосе Уинифрида проскользнуло раздражение. После того, как она переболела зимой ревматизмом, да еще весной два раза упала – без особых, впрочем, последствий, – она стала излишне чувствительна к своему возрасту, всюду ей чудились какие-то намеки на этот счет.

– Мне просто нужно посоветоваться с Майклом по одному поводу и не хотелось бы заводить разговор при постороннем человеке.

– Понимаю. Конечно, я скажу ему. Уверена, что он улучит минутку и позвонит тебе.

Уинифрид смягчилась. Не хватало еще превратиться в то, что всю жизнь она терпеть не могла, – в сварливую старуху. Как говорится, старость не радость.

– Кстати, что представляет из себя твой гость? – спросила она уже теплее.

– Понятия не имею.

– Да? Он что, умом не блещет?

Вопреки своему настроению, Флер улыбнулась.

– Пока что я с ним еще не знакома. Вчера мы ждали его к чаю, но, вместо этого, он прислал слугу с огромным букетом и нижайшей просьбой извинить его хозяина, которого задержало какое-то срочное дело.

² «Coelum non animum mutant qui trans mare currant» (Гораций, Эпистолы).

– Вот это я понимаю! Красивые жесты у испанцев в крови. Посмотреть хотя бы на танго. Флер была признательна тетке за эту нечаянную ошибку и воспользовалась ею, чтобы отвлечься от прежних мыслей.

– Он же не испанец, Уинифрид. Он – аргентинец. Кстати, и танец тоже.

– Да ну? – сказала Уинифрид, обращаясь скорее всего к самой себе. Лишь только раз ей довелось соприкоснуться с этой прекрасной испано-американской страной – это было, когда ее, ныне покойный, супруг Монтегью осенью 1889 года отправился в Буэнос-Айрес, забрав с собой собственные пожитки, которые уместились в одном чемодане, а заодно и жемчуга Уинифрид. Это была последняя капля, переполнившая чашу терпения Уинифрид по отношению к ее благодетелю, и не столько потому, что жемчуга эти Монти сам подарил ей, а потому, что заплатить за них ювелиру пришлось ее отцу Джемсу. То, что он прихватил с собой еще и какую-то экзотическую балеринку, чьими щедрыми ласками он – по передаче ожерелья – рассчитывал вволю насладиться, ставилось Дарту не в столь уж большую вину. Куда преступней было лишить женщину, урожденную Форсайт, ее основных сокровищ – драгоценностей и спутника жизни. И действительно, открыв футляр и обнаружив, что жемчугов в нем нет, Уинифрид испытала самый страшный за всю свою жизнь удар! Собственно говоря, только следующей весной, когда набедокуривший Дарту вернулся из Аргентины (в трюме! Еще один удар, поскольку никто из имевших отношение к Форсайтам – даже слуги – никогда не путешествовал в подобных условиях!), Уинифрид смогла с уверенностью сказать, которая из этих двух потерь больнее затронула ее. Что там ни говори, а жемчуг всегда жемчуг, а вот Дарту в мятом костюме, в просивших каши ботинках ценности уже не представлял.

– Маме кажется, что он просто обаятелен, – сказала Флер. – Может, и правда.

– Ни на минуту не сомневаюсь. У Аннет всегда был прекрасный вкус. Что касается меня, то я для разнообразия буду только рада новому знакомству. Последнее время я никого, кроме Форсайтов, не вижу.

* * *

Как у тетки, так и у племянницы в результате разговора настроение заметно повысилось, особенно у Уинифрид, которая теперь каждый раз, собираясь в гости, цепенела при одной мысли, что ей предстоит здороваться за руку «бог знает с кем». Узнать, что Майкл позвонит ей попозже, было для нее большим облегчением, пересилившим чувство неловкости от того, что она скрыла от Флер, как обстоит дело в действительности. Ей нужен был вовсе не совет Майкла, а его помощь. На счастье, племянник ее был человеком таким обязательным, что можно было не сомневаться – достаточно попросить его о чем-то, и будьте уверены, он обязательно исполнит вашу просьбу. Что же до ее замечания, будто последнее время она никого, кроме Форсайтов, не видит, так ее единственным желанием было находиться как можно чаще в их обществе. Короче говоря, Уинифрид решила встретиться со своим прошлым и для этого ей нужно было содействие Майкла.

Когда Монтегью Дарту, потеряв равновесие – и в результате этого жизнь, – скатился с лестницы в Париже в 1913 году (от испанской танцовщицы к тому времени осталось только смутное воспоминание), большинство семьи сочло это чудесным избавлением (в духе Форсайтов было посмотреть на происшедшее именно с такой точки зрения – никто из них особенно не рассчитывал на радости загробной жизни). Тем не менее нежные чувства Уинифрид к мужу еще теплились и даже окрепли немного после того, как он покинул этот мир. В его молодости – и ее, разумеется, – Монти был орел – вот слово, которое шло ей на ум. Как старомодно звучит это слово сейчас! А оно с самого начала точнее всего определяло Монти – наряду со многими другими, всплывшими позднее. Мот и паршивая овца были любимыми определениями ее отца, входившими в его привычный лексикон: «Ну конечно! Этот человек просто...

Так я и знал!» Другие слова: «мошенник», «пропойца», «бабник» и того хуже – возникали, по мере того как выявлялись соответствующие качества; окончательный вердикт, вынесенный Уинифриду мужу, был: «Всему есть предел», хотя фразу эту она произнесла только один раз.

И все же Уинифрида любила мужа, и его уход из жизни оставил некую пустоту. Она никогда не полагалась на его советы, не хотела от него материальной поддержки, а ближе к концу и вовсе потеряла к нему всякий интерес, но было у него одно качество, которым не обладал ни ее сын Вэл, ни ее отец Джемс, ни даже брат Сомс, – владел этим качеством только Монтегью Дарти. Он не был Форсайтом, и уже это делало его в ее глазах единственным в своем роде.

Глава 2

Встреча в парке

В Кенсингтонских садах, примыкающих к Гайд-парку, только самые последние из поздно зацветающих деревьев еще стояли в цвету – главным образом испанский каштан, розовый боярышник и душистая белая липа, – тогда как все остальные: медный бук, сумах, японская вишня, европейские платаны и английский дуб – прямо древесная Лига Наций – были снова свободны и легки и могли теперь неделя за неделей, пока созревающие плоды и ягоды снова не отяготят их ветвей, кланяться и покачиваться на ветру. Свежий восточный ветер, с рассвета суливший ясный день, сейчас, после обеда, не давал гуляющим подолгу задерживаться у клумб и задавал не по сезону быстрый темп пешеходам на Главной аллее. И все равно парк казался тихим, не потревоженным ничем, кроме ветра и мелодий из «Барбары Аллен», доносившихся из раковины оркестра, благоразумно отделенной от шумливых людных мест Гайд-парка змеевидным озером Серпантин. До чего жаль, что рытье окопов, начатое в прошлом году, не остановилось там.

Пока небольшие группы и иные конфигурации людей, которые мог предъявить без ущерба для своего достоинства любой город, совершали по извилистым дорожкам свой слегка затрудненный ветром променад, можно было с большой долей вероятности определить, что в мозгу у всех у них, без исключения, бродит одна и та же мысль: «И чем только все эти люди занимаются, если могут позволить себе с такой расточительностью тратить здесь свое время, не совершая при этом служебного проступка?» Из этого разумного вопроса можно было сделать вывод, что к себе вопрос этот никто не относит. Таким образом, эти слоняющиеся граждане, сами того не подозревая, поддерживали теорию, что взаимная неприязнь может служить народному единению не хуже, чем иные более гуманные побудители.

Небольшая компания, которая, без сомнения, могла привлечь внимание любого встречного художника, – брат, сестра и бонна с собакой, – выехав с Саут-сквер четверть часа спустя, была высажена шофером под сенью огромного памятника принцу Альберту и оттуда двинулась через парк в северном направлении по Ланкастерской аллее. Как всегда, находясь в общественном месте – а иногда и в частных владениях, Кэт держала Финти за руку, тогда как Кит, опережая их на несколько шагов, шел ближе к обочине, крепко держа в руке конец прочного кожаного поводка, туго натянутого жаждающим движением псом.

Когда его покупали пять лет тому назад после нелепой гибели динмонта Дэнди («Молодца Дэнди» – потомка Славного Дина, как он значился в анналах Собачьего клуба, – кличка, тут же бесцеремонно переделанная Флер на Дэна), выбор пал на него потому, что этот пятнистый комочек оказался самым мелким из пяти щенят его помета. Флер с самого начала пыталась убедить всех, что неразумно брать новую собаку сразу же после необдуманного столкновения Дэнди с подводой угольщика, потому что ее непременно избалуют до невозможности. Кроме того, она и Майклу говорила, что собаки породы, на которой настаивал их десятилетний сын, слишком велики, чтобы держать их в городе хотя бы временно. Но при молчаливом, граничившем с тайным одобрением, согласии обитателей Липпингхолла – загородного поместья

Монтов, где считали, что одной собакой меньше, одной больше, вне зависимости от породы, – это уже ни на что не повлияет, торжественное обещание, данное мальчиком своему отнюдь не жестокосердному отцу, сделало свое дело. Флер, конечно, проиграла. И далматин был куплен.

Но быть самым мелким в своем выводке – статус скорей всего временный, что подтвердит вам каждый любитель собак или доморощенный социолог, и с той минуты, как Майкл, встреченный возгласами неподдельного восторга своих детей, принес его домой, пегий щенок принялся упорно наверстывать упущенные возможности своего физического и эмоционального развития. Он превратился в энергичного, веселого долговязого пса и, забыв, что некогда был заморышем, уже не первый год таил обиду, что его по какому-то недомыслию не пропускают в вожаки стаи. Поскольку соображение это засело в его узкой в черных кляксах башке довольно прочно, далматин был уверен, что лучше всех знает, что ему делать, и потому рванул вперед, чтобы быть первым на пути, ведущем в пьянящий мир звуков и запахов, который представлял собой парк в этот день.

По мере того как маленькая процессия продвигалась вперед по пути, указанному ага-тово-черным носом, которым заканчивалась белоснежная собачья морда, девочке, неуверенно замыкавшей шествие, приходилось несколько раз переходить на шаркающую побегу, чтобы не отстать; однако никаких серьезных препятствий на пути им не встречалось, пока, обойдя прямоугольник с двух сторон, они не свернули к Итальянскому саду и не двинулись на юг. Финти твердо придерживалась сомнительной теории «видимость – это уже почти реальность» и в целях воспитания в своих подопечных честности и прямолинейности старалась приучить их где только можно держаться прямых линий и прямых углов.

И вот тут-то пес вдруг заартачился. Впервые на этой прогулке он мог не только унюхать воду, но и видеть, и на него нашло непреодолимое желание броситься в нее. Ничего не скажешь, фонтаны и декоративные пруды всегда соблазнительны – по этой причине Финти и хотела поскорее проскочить опасное место. На скамейках, расставленных вдоль прудов геометрических очертаний, сидело немало народа; иные помогали детям пускать кораблики с самой разнообразной оснасткой по подернутой рябью воде. Имелось даже несколько собачонок – жеманных созданий, судя по гримасе, которую соорудил пес, – но они предпочитали сидеть в тени, под скамейками своих хозяев. Однако общеизвестно, что люди являются носителями микробов и прочей заразы, и Финти, не сомневавшаяся, что сенная лихорадка мастера Кита – предвестник летней простуды, которая непременно затянется на пол-лета, решила не искушать судьбу.

До этого момента возмужалость Кита сомнению не подвергалась – если не считать того факта, что он вообще находился здесь, и к тому же в обществе своей сестры и своей... то есть ее, бонны! Слава богу, от него не требовалось поддерживать разговор. Кэт и Финти вполне согласны были гулять в молчании, лишь указывая время от времени друг другу на какой-нибудь листок, перышко или цветочек. Ну, и к тому же он был с собакой – маскота, указывающая, что чего-то он да стоит, – и таким образом словно сообщал каждому, кто мог в чем-то усомниться: «К вашему сведению, я здесь прогуливаю свою собаку, а эти две особы пожелали сопровождать меня», что было ему большой поддержкой. Поэтому, когда пес вдруг натянул поводок и стал, хрипя и выдираясь, рваться в сторону вождя пруда, мальчик, чтобы образумить – автоматически выкрикнул его кличку, постаравшись, чтобы голос прозвучал как можно громче и внушительней. Увы, суровые законы справедливости, правящие в детской, таковы, что, поскольку выбирать щенка разрешили Киту, Кэт, тогда еще совсем маленькая, была удостоена права выбрать по собственному усмотрению ему имя. Не задумываясь над тем, что полоски и пятнышки далеко не одно и то же, маленькая дочка Флер без лишних размышлений назвала далматина именем любимого героя лучшей и любимой книжки, вследствие чего выкрикнуть ему пришлось:

ТИГРА!

Идиотская кличка! На один ужасный момент Киту показалось, что его голос прозвучал на весь парк. Ну, конечно же, ребенок, гулявший невдалеке со своими родителями и увлеченный игрой с ними в прятки, замер на месте и перестал смеяться. Кит проклял день, когда сестре его позволили дать псу эту дурацкую ребяческую кличку. И как только это допустили! Над этим нелепым именем будут смеяться все прохожие, пусть некоторые про себя. Кит и не подозревал – да и вряд ли в такой момент этот факт мог бы утешить его, – что парк буквально кишел Тиграми, Зайчиками, Барсучками и Мишками, получившими свои имена в те благословенные времена, когда никто и понятия не имел, что может быть неловко перед посторонними из-за своего поступка. А, да ладно! Сознание, что и другим приходится испытывать те же страдания, редко кого-то утешает. При звуках собственного голоса, выкрикнувшего эту нелепую кличку, Кит почувствовал себя так, будто с его прошлого сдернули покрывало, изодрав в клочья тонкий слой его возмужалости, ко всему еще собака, совершенно игнорируя своего юного хозяина, уперлась всеми четырьмя лапами и сдвинуть ее с кратчайшего пути к желанной воде было невозможно.

– Давайте сюда, мастер Кит, – торопила его Финти, шагающая теперь впереди с младшим вверенным ей чадом, тогда как старшее билось с заартачившимся псом. Этот неуместный совет бывшей бонны только распалил Кита, и он окончательно решил, что следует употребить власть. Чувствуя, что все взоры по-прежнему прикованы к нему, он взял собаку за ошейник, отстегнул поводок и жестом, испокон веков ассоциировавшимся – так, по крайней мере, было ему известно по книгам – с уверенностью в себе и решительностью, занес над головой кожаный ремешок, готовясь стегнуть Тигру. Тигра поджал зад, и тут оба, и собака и мальчик, вздрогнули при звуке неожиданного горестного вопля:

– Не надо! Кит, ну не надо же!

Худенькая ручка вцепилась в руку бонны, вторую Кэт умоляюще протянула к брату, в светло-зеленых прозрачных глазах-льдинках отразился ужас, легкий румянец, появившийся на ее щеках от пребывания на свежем воздухе, мгновенно слинял. Бонна, которую девочка потянула за руку, обернулась на ее крик. Когда Финти увидела, что испугало Кэт, ее брови нахмурились, сблизившись с поджатыми губами, и вообще все черты лица сердито сбежались к маленькому острому носику, сделав лицо похожим на пудинг, преждевременно вынутый из духовки.

Чтобы остановить Кита, одного отчаяния сестренки было мало – она была еще «ребенком», откуда ей было понимать, сколь важно проявить в нужный момент свою готовность действовать мужественно, но, увидев выражение лица своей бывшей бонны, он тут же опустил поводок. Эта вторичная пауза предоставила возможность Тигре удрать, что он и сделал, кинувшись бежать уже не к воде, которая вдруг потеряла для него всю свою привлекательность, а напрямик по дорожке, мимо бонны и девочки, дальше в парк, на свободу. И моментально скрылся из виду.

– Черт! – выругался под нос Кит, употребив самое невинное из все увеличивавшегося запаса известных ему взрослых слов, и, сделав вид, что не расслышал еще одну – бессмысленную – команду Финти, погнался за собакой.

Он пробежал – вернее, протрусил – шагов сто, прежде чем обнаружил непослушного пса, всем своим видом показывая, что исход погони интересует его мало, – подсознательная реакция на необходимость уступать силам, которые он перерос, однако не научился еще переигрывать.

Тигра сидел, просительно приподняв переднюю лапу, у ног девочки, стоявшей на берегу Долгого пруда. В руке у девочки был бумажный кулек с наломанным хлебом, и она бросала его уткам, устремившимся к ней со всех сторон. Подойдя ближе, Кит увидел, что она повернулась к собаке и смотрит на нее с такой лаской, с такой жалостью, что он вдруг почувствовал укол совести. Девочка сунула руку в кулек, достала оттуда корочку и протянула Тигре, который

принял ее, как причастие. Судя по росту, Кит решил, что эта золотоволосая девочка должна быть года на три-четыре старше его сестры, хотя волосы ее были заплетены в косу, завязанную где-то на уровне талии большим синим бантом. Когда она бросала кусочки хлеба в воду, коса моталась из стороны в сторону. Да, она, безусловно, была значительно старше Кэт (у Кита была привычка оценивать представительниц противоположного пола в сравнении со своими ближайшими родственницами, которых он не особенно жаловал на настоящей стадии своего развития). В девочке он не нашел ничего общего с сестрой – она показалась ему веселой, было в ней что-то солнечное, вероятно, благодаря цвету волос. Спасибо еще, что не пришлось оттаскивать собаку от воды или – того хуже – от чьих-то объедков, а всего лишь подойти к этой симпатичной девочке. И тут он услышал какой-то странный звук. Звук этот издавал его пес – он тихонько и нежно поскуливал, не отводя преданных черных глаз от лица девочки.

Поравнявшись с ними, Кит услышал воркующий голос девочки, словно отвечавшей на чей-то вопрос:

– Извини, миленький, больше нет. Прибежал бы раньше, я б тебя угостила. Птички, наверное, не обиделись бы.

Прислушиваясь, Тигра склонил голову сперва на одну сторону, потом на другую. Поза его, казалось, говорила, что он как порядочный пес все прекрасно понимает, только нельзя ли ему еще чуть-чуть посидеть у ее ног, ну, на всякий случай, чтобы окончательно убедиться. И в этот момент он услышал за спиной шаги хозяина и, бросив через плечо настороженный взгляд, шмыгнул между кромкой воды и девочкой и припал к земле.

– Знаешь что, – сказал Кит самоуверенным тоном, – возьми-ка ты его за ошейник. А то он сорвался с поводка. И кроме того, ему запрещено попрошайничать.

Девочка улыбнулась.

– Да я ему совсем малюсенький кусочек дала, – сказала она и посмотрела на Тигру, который, скосив глаза, напряженно ловил ее взгляд. – Смотри, он просит прощенья.

Кит, зная, что прощения псу следует просить за проступок куда более тяжкий, решил не упускать шанс и сделал стремительное движение к Тигре, но тот, сообразив, что к чему, быстро отскочил и снова бросился бежать, шмыгнув на этот раз в приоткрытую калитку, которая вела во внутренний садик, окружавший стацию Питера Пэна. Вокруг никого не было, и Кит помчался во весь дух. Ему хотелось поймать собаку и покончить с этой дурацкой историей. К тому же хотелось избежать насмешек со стороны девчонки по поводу его неумения обращаться с собственной собакой. Но вместо смеха услышал за спиной легкие шаги. Она спешила на помощь.

На этот раз Кит бежал изо всех сил, и погоня длилась не больше минуты, однако за это время он успел зазеленить брюки, так как Тигра заставил его выполнить несколько рискованных прыжков на поросшей травой площадке, последний из которых навлек на его голову окончательный позор – не удержавшись при резком повороте, он шлепнулся на землю, сильно испачкав при этом брюки. Явный урон достоинству! Растянуться на траве прямо на глазах у этой девчонки, а ко всему этот негодяй опять расселся у ее ног. Кит нахмурился, ожидая услышать ее хихиканье, но реакция девочки опять была вовсе не та, что он ожидал. Бросив на Кита все тот же взгляд, откровенно выражавший искреннее сочувствие, она нагнулась к собаке и крепко взяла ее за ошейник.

– Ты его на этот раз чуть было не поймал.

Кит сообразил, что говорит это она ему, а не Тигре.

– Это же сущая дрянь, – ответил он хмуро, с запозданием на несколько секунд, которые ушли на то, чтобы обтереть о свитер приставшую к ладони грязь.

– Поводок у тебя? Мы успеем надеть и защелкнуть его прежде, чем он опомнится.

– Нет, я... Он там у моих... – Кит так и не закончил своего расплывчатого объяснения и умолк, не отводя завороченного взгляда от незнакомой девочки, в чьем обществе прошли три

из самых трудных минут его жизни, в то время как она проделала простую, однако совершенно поразительную вещь. Тряхнула головой, так что длинная золотистая коса оказалась у нее на груди, и затем, не выпуская из правой руки ошейник Тигры, потянула левой за конец ленты и ловко, одним движением, выдернула ее. В следующий момент она снабдила собаку новым поводком из синего атласа, привязав его к ошейнику крепким затяжным – как успел заметить Кит – узлом. А когда он поднялся на ноги, она, ничуть не торжествуя, передала ему свободный конец ленты.

– Не такой уж он и плохой. Просто вообразил, что попал в другую сказку.

Темные ласковые глаза улыбнулись. Девочка кивком указала на статую мальчика Питера, игравшего на дудочке собравшимся вокруг него сказочным существам. Откинув распустившуюся косу за спину, она ласково похлопала собаку по узкой морде.

– Ты захотел стать Нана? Боюсь, что для этой роли ты не подходишь. – Она взяла в руки бляху. – Господи! Ты ведь и правда не из той сказки. Бедненький Тигра!

Тигра снова выразительно склонил голову сперва на одну сторону, потом на другую. Эта новая знакомая, носящая с собою лакомые кусочки, знает его имя?

И в этот миг Кит чихнул.

Среди множества осаждавших его во время этой прогулки забот Кит совсем было забыл о своей весьма удобной в некоторых случаях болезни, затихающей – как он полагал – с возрастом. Не привыкшая к такому небрежению болезнь улучила момент и отплатила ему как следует, настав на него несусветный чих, который ему, приличия ради, с трудом удалось заглушить, уткнувшись носом в рукав фланелевой куртки. Когда Кит поднял на девочку слезящиеся глаза, ему показалось, что она, протягивая ему атласную ленту, сказала: «Аскот», но, не успев переспросить, еще раз громко чихнул.

– Гудвуд³! – сказала она и на этот раз чуть-чуть хихикнула. Кит снова посмотрел на нее внимательно, желая удостовериться, что поймал-таки ее на предательском смешке. Когда перед глазами у него прояснилось, оказалось, что она снова забрала у него из рук самодельный поводок и протягивает взамен квадратик узорчатой лужайки. Это был ее носовой платок, и Кит взял его, понимая, что в тот момент, когда ему пришлось воспользоваться рукавом, обнаружилось, что своего при себе у него нет. Кроме того, он чувствовал, что неодолимый приступ надвигается на него в третий раз, и потому сконфуженно отвернулся от нее, чтобы справиться с собой. Повернувшись, он увидел, что девочка ведет Тигру из садика Питера Пэна. Собака примерно шла рядом с ней. Кит поплелся за ними.

– Здорово это тебя, – сказала она.

Прежде чем заговорить, Кит засунул насквозь промокший квадратик пестрой лужайки поглубже в карман – недоставало вдобавок ко всему вернуть его владелице в теперешнем виде. Затем взял у нее конец ленты.

– Спасибо! – сказал он хрипло, потом откашлялся и еще раз поблагодарил, на этот раз приветливей.

Он хотел попросить ее повторить, что она сказала перед этим, но она объяснила сама.

– Сенная лихорадка ужасно неприятная штука. Мой брат тоже ею страдает. А наш дядя говорит, что начинается она всегда с Аскота, а заканчивается Гудвудом.

Поскольку один пожилой родственник Кита, с которым он обычно виделся раз в год во время летних каникул, при каждой встрече повторял эту сентенцию, мальчик сумел глубокомысленно хмыкнуть в ответ. Но тут девочка посмотрела вдаль и даже приподнялась на цыпочки, чтобы заглянуть через его плечо. Кто-то кричал пронзительным голосом:

– Энн, милочка! Мы уходим.

³ Аскот (в июне) и Гудвуд (в июле) – места проведения известных летних скачек.

Кит обернулся и увидел появившуюся из-за поворота дорожки крошечную старушку довольно несуразного вида. Ей должно быть лет под сто, подумал Кит, а может, она даже ровесница Уинифрид – тетки его матери, чей возраст был, на его взгляд, неисчислимым. Однако старушка эта была, казалось, достаточно шустра; огромная шляпа, насаженная на сооружение из оранжевато-седых волос, при ходьбе ерзала у нее на голове, как плохо закрепленное гнездо. И ко всему подбородок! На него – как на крюк – можно было бы повесить фонарь. Рядом с ней шел мальчик, одного роста и совершенно той же масти, что девочка, только на вид – гораздо младше. Чувствуя, что к нему постепенно возвращается ощущение собственного превосходства, Кит тут же решил, что мальчик – какая-то размазня. Должно быть, младший брат этой девчонки, а старушка скорей всего их бабушка. Ну и ну! Выходит, не все несносные люди на свете обязательно его родственники!

Девочка остановилась, в последний раз почесала собаке за ухом, сказала торопливо «До свидания!» и побежала догонять своих. Тигра дернулся было вслед за ней, но мягкий поводок остановил его. Кит приказал вновь послушному псу «к ноге!» и еще раз посмотрел вслед девочке и двум ее спутникам, которые уже дошли до поворота дорожки. Последнее, что он увидел, было ее оживленное личико – она весело махнула ему на прощание и скрылась за поворотом.

Глава 3 Встреча на набережной

Идя по окутанной ранними сумерками набережной Виктории, Майкл Монт, видный член парламента от Мид-Бэкса и – что не слишком хорошо звучало в приложении к имени человека столь эгалитарных настроений – баронет в десятом поколении, неотступно думал о том, возможно ли каждый день уходить с работы домой со все более и более тяжелым сердцем. А ведь именно так обстояло дело. Мысль о неизбежности чудовищных последствий, грозивших стране в случае, если правительство Англии будет и дальше придерживаться своего теперешнего курса, лежала на сердце тяжелым грузом. А то обстоятельство, что он не был уверен, какого курса следует держаться ему самому, казалось, удваивало вес этого груза. Где остановиться, где та граница, за которой уже нельзя потворствовать Германии в попытке ее умиротворить, и в то же время как избежать неверного шага, который мог бы привести Англию к участию в еще одной войне в Европе? Решить этот вопрос было так же невозможно, как вычислить величину π .

Он остановился, оперся локтями о парапет и провел рукой по коротко подстриженным сидящим усам, с недавних пор украсившим его верхнюю губу. Его лицо, от природы насмешливое – клоунское, по мнению некоторых, из-за сочетания чуть заостренных ушей и неулыбчивых глаз, – именно благодаря этим усам и недавно появившемуся печально-вдумчивому выражению, слегка постарело, несмотря даже на шапку светлых мальчишеских волос. Немного постояв, он повернется и пойдет домой на Саут-сквер. Но последние месяцы у него вошло в привычку – если позволяло время – обязательно пройтись вечером вдоль реки до Иглы Клеопатры, а то и чуть подальше, радуясь, что вырвался из Вестминстерского дворца, и постоять, вглядываясь в противоположный берег, а то и просто в бегущую воду. Это время, когда он мог полностью отключиться от своих государственных дел, казалось ему удивительно целебным. Последние месяцы он, от природы легкий, мягкий человек, постоянно испытывал раздражение, и после шума нижней палаты эти несколько свободных тихих минут доставляли ему ни с чем не соизмеримое удовольствие. С недавних пор потерпели фиаско даже либеральный скептицизм Майкла и стремление оставаться гуманным там, где о гуманности не могло быть и речи, которые его противники в парламенте окрестили «монтизмом». Когда-то это они были

основой, на которой он строил свою карьеру, теперь, однако, пошатнулась и она, так что он получил возможность по-настоящему оценить иронию поэта, сказавшего:

...и снова
Улажен кризис, и небо прояснилось.
Не зря велись переговоры —
Я цел! Молчи же, совесть!

Мутная вода была вся в воронках. Перефразируя доктора Джонсона, Майкл подумал, что Темзе-матушке, по всей видимости, надоел и Лондон, и совместное с ним существование; даже мягкий вечерний свет не сумел вызвать ответные блики на ее усталой поверхности. Рассеянно глядя на движущуюся массу мутной воды, Майкл задумался над предательской повторяемостью событий. Двадцатый век, в сущности, наступил с Бурской войной; спустя двадцать лет был отпразднован День перемирия, положивший конец Великой войне, в которой принял участие и он сам. Теперь, еще через двадцать лет, к ним снова приближалась война, которая должна была положить конец всем войнам, вот только Мэйфкинга на этот раз не было и помощи, по-видимому, не предвиделось. Кажется, все тот же добрый доктор сказал, что второй брак это торжество надежды над опытом. Что же, тогда, значит, вторая война? Коллективный опыт, тонущий в массовом безумии? По всей вероятности, война, которая положит конец всем войнам, еще впереди, думал он, та самая, после которой весь мир окажется поверженным в прах, чтобы дать нам начать все сначала, с атомов! Майкл криво улыбнулся: требовалось все больше усилий, чтобы заставить себя верить, будто это всего лишь комедия, и снова, опуская имена и даже не кивнув в сторону знаменитого лексикографа, он пришел к заключению, что если требуется название, то иначе как «комедией ошибок» этого не назовешь.

Ему показалось, что вдоль парашюта кто-то идет, направляясь к нему. Кто угодно, только бы не парламентарий, взмолился он и, повернув голову, вздохнул с облегчением: молитва его была услышана, к нему приближался какой-то бродяга, протягивая мозолистую руку испокон веков принятым и понятным жестом. Майкл всю свою жизнь был тем, что в бродяжническом мире именуется «легкая пожива», и, увидев руку человека, высывающуюся из обтрепанного рукава не по росту маленького пиджака, он тут же сунул собственную руку в карман брюк и нащупал там полкроны.

Майкл повернулся, протягивая монету, но, к его удивлению, бродяга попятился и затряс рукой тем же общепринятым жестом, должным означать, с одной стороны, отказ, а с другой — страх обидеть. Не поднимая головы, он пробормотал:

– Нет, нет, не надо... Это я просто так, по оплошности...

Но Майкл настаивал и продолжал протягивать деньги, сокращая разделяющее их расстояние.

– Вот, пожалуйста! Право, это меня не разорит, уверяю вас...

Он слегка постукал нищего по плечу указательным пальцем, пытаясь всучить ему монету, и только когда бедняга, продолжая упорно отмахиваться, повернулся к нему, Майкл впервые как следует разглядел его лицо. Не успела еще память подсунуть воспоминание о каком-то неоплаченном долге, а у него внутри уже что-то сжалось. Неудивительно, что человек этот прятал от него лицо.

Поняв, что он узнан, человек распрямил плечи, но по-прежнему не хотел встречаться с Майклом глазами.

– Сперва не узнал вас, сэръ... капитан Монт... Извиняюсь за беспокойство.

Майкл смотрел на него со все нарастающей жалостью – задубелое лицо с въевшейся пылью, затравленный взгляд карих глаз – как у зайца, увиденного в прицел охотничьего ружья, подумал он, – поношенный костюм, рубашка с отсутствующим воротничком... Майкл смотрел

на все это, понимая, что перед ним то, что осталось от человека, который когда-то был ему ближе брата родного, имей он такового. Майкл произнес его фамилию:

– Льюис!..

Младший сержант Льюис – вот кем был этот человек во время войны, когда служил денщиком у Майкла.

– Простите, сэр, что побеспокоил... Очень сожалею, – повторил он, а сам уже отходил бочком в сторону, норовя улизнуть.

Майкл ухватил его за рукав с опаской – как бы не порвать ветхую ткань.

– А я так вовсе не сожалею. Возьми-ка это для начала, а не то я кину ее в реку.

Он сунул серебряную монету в карман пиджака, надеясь, что в подкладке нет дыры.

– Спасибо вам, сэр. – Затравленность в глазах обозначилась еще сильнее. – Рад видеть вас в добром здоровье.

– Сожалею, что не могу сказать того же тебе. Давай-ка рассказывай мне обо всем сам.

Майкл подвел его к ближайшей скамейке, обращенной к реке, и сел. Льюис остался стоять в позе, которую нетрудно было принять за стойку «смирно».

– О Господи! – воскликнул Майкл и неожиданно расхохотался: – Те дни давным-давно миновали для нас обоих. Собственно говоря, я теперь что-то вроде твоего слуги, так что, будь добр, сядь.

* * *

На сердце у Майкла так и не стало легче, когда приблизительно час спустя он вошел в двери своего дома. Отныне на него ложилась еще и доля вины, что – он это прекрасно сознавал – было нелепо, однако скинуть этот груз не давала вообще-то мало свойственная парламентариям здравость суждения. Вина в том, что он имел дверь, которую мог отпереть своим ключом, собственный дом в центре города, поместье за городом и жену, имеющую собственный капитал. Одним словом, вина в том, что он «кое-чего добился». Социалистические принципы и богатая жена в одной постели плохо сочетаются. Он прямоком поднялся наверх и застал Флер почти в полном параде.

Она стояла наклонившись над туалетным столиком, поправляя серьгу в ухе, и он залюбовался изящной линией ее спины. Облегающее изумрудно-зеленое муаровое платье шелестело при каждом движении; его яркий чистый цвет уничтожал рыжеватость, проглядывающую в ее темно-каштановых волосах. Майкл понимал, что здесь прежде всего и кроется его вина – в этом прекрасном, живом, быстром разумом, совершенном создании, чьим обожающим супругом он состоял уже почти двадцать лет, к сожалению, для нее всего лишь «faute de mieux»⁴. Она улыбнулась, увидев его отражение в зеркале, улыбнулся в ответ и он, правда не сразу. На него сверкнули ее – тоже изумрудные – серьги, которые их дочка маленькой называла зелеными бриллиантиками.

– Наконец-то! – сказала она. – На душ у тебя есть ровно десять минут.

Майкл хлопнул ладонью по лбу.

– О, Майкл, неужели ты забыл? Но ты сможешь побыть дома?

– Недолго. На полночь назначено голосование. К этому времени мне придется вернуться.

Флер не нахмурилась и не произнесла ни слова, но по мелькнувшему у нее в глазах знакомому выражению скуки, в то время как она продолжала заниматься своим туалетом, меняя изумруды на гранаты в жемчужной рамочке, нетрудно было понять, что требования, предъявляемые его работой, начинают ей надоедать, что она устала от ее непрестанного вторжения в их жизнь. Он подошел и поцеловал ее в плечо. Прикосновение губ к атласной коже пробудило

⁴ За неимением лучшего (фр.).

у него желание не ограничиться одним поцелуем, но он удовлетворился долгим взглядом на воплощенное совершенство, смотревшее на него из зеркала. Как бы ни расходилось его собственное желание с желаниями жены, ясно было, что сейчас не тот момент наводить мосты. И таких моментов что-то давно не подворачивалось, подумал Майкл.

– Извини, дорогая! Меня перехватили по пути. Форма одежды?

– Фрак, будь любезен.

Он уже направился в свою комнату для переодевания, когда она окликнула его:

– Кит приехал, и ему не терпится увидеть тебя. И еще Унифрид просила тебя позвонить, пока она дома на Грин-стрит.

Майкл постарался оставить иронию при себе.

– Ладно! Сперва разделаюсь с домашними обязанностями. Я мигом.

Глава 4 Ужин в доме на Саут-Сквер

Приблизительно за месяц до этого званого ужина мать позвонила Флер из Франции и сказала, что познакомилась с очень интересным интеллигентным человеком и ей хотелось бы, чтобы в следующий раз, когда он будет в Англии, Флер тоже познакомилась с ним. Флер, зная, что все знакомые ее матери в избытке наделены этими двумя качествами, пропустила сообщение мимо ушей. Аннет перебралась на постоянное жительство в Париж еще за несколько лет до смерти Сомса Форсайта в двадцать шестом году, а после того, как он умер, навевывалась в Англию и совсем редко. Но она регулярно разговаривала с Флер по телефону и научилась улавливать любой оттенок в голосе дочери. Теперешний его тон говорил об ennui⁵ и легком раздражении, и в грассирующем голосе самой Аннет засквозила ирония.

– Он из Ар-ргентины, но по-английски говорит замечательно. Увер-рена, что тебе не будет с ним скучно, Флер.

– Ну, раз так, обязательно пошли его сюда. Ты мне хочешь что-то рассказать о нем?

– Нет, нет. Il est tres mondain⁶. Насколько я понимаю, он финансист или что-то в этом роде. Если тебе интересно, он сам тебе все расскажет.

Флер не уделила предполагаемому визиту почти никакого внимания: все переговоры шли по телефону через Аннет, легкое осложнение внесли лишь две-три телеграммы, полученные ею от аргентинца, – всякий раз с изменением даты его визита. Когда накануне он прислал извинения, что не сможет в тот день быть у нее к чаю, Флер решила, что на этот раз мать ее сильно ошиблась в своей оценке и что аргентинец нагонит-таки на нее скуку. Меньше всего ей нужно было сейчас, когда жизненные дивиденды и так шли на понижение, распинаться перед человеком, который никак не выкроит времени, чтобы дать себя развлечь. Поэтому, когда в назначенный час все ее гости – за исключением одного – собрались, Флер подумала, что вот теперь-то как раз и принесут заключительную телеграмму или еще один роскошный букет с оправданиями и извинениями. Сквозь гул голосов в гостиной до нее донесся стук копыт и шорох колес подкатившей к дому коляски. Ее циничные догадки получали подтверждение. Без всякого сомнения, это посыльный из цветочного магазина со специальным поручением. Чего, однако, она не ждала, пока прислушивалась к происходящему за дверью, одновременно направляя течение разговора в двух разных компаниях, это услышать в холле мужские шаги и глубокий низкий голос, в сравнении с которым ответы горничной звучали пискляво. Они остались без лакея, поскольку еще весной, взбешенный вторжением в Чехословакию, он вступил в армию. От миниатюрной горничной Тимс трудно было ожидать, чтобы она всегда оказывалась

⁵ Скука (фр.).

⁶ Он человек очень светский (фр.).

в подобных случаях на высоте положения, но и она никогда не впустила бы посыльного в дом. Шаги не смолкали и приближались к гостиной. Не мог же это быть их запоздавший гость. Ну, кто в наши дни станет держать экипаж? Нет, это уж слишком!

Повернувшись, Флер увидела в дверях высокую фигуру незнакомца. Тимс с трудом попевала за ним. Он уже отдал ей шляпу и трость и свободным движением скидывал плащ, пока она старательно выговаривала его фамилию, оповещая о прибытии гостя.

– Мистер Алли... Холлиан... Мистер.

– Александр Баррантес, – сказал он с поклоном.

На секунду в комнате воцарилась полная тишина, и тут же быстрый ум Флер совершенно точно определил, зачем ее матери понадобилось так настаивать на этом знакомстве. Секунда прошла, он шагнул к ней, так что она не успела даже отделиться от остальных гостей. Взял ее протянутую руку и снова наклонил голову; его рука была теплой, сухой, рукопожатие приятным.

– К вашим услугам, леди Монт. Прошу извинить меня за бессовестное опоздание.

Флер встретила взгляд его больших, спокойных, непроницаемо карих глаз, и в тот же миг в ее собственных ореховых глазах вспыхнул огонек. Неожиданно для себя она инстинктивно почувствовала, что необходимо предотвратить любую попытку проникнуть в ее мысли.

– Что вы, сеньор Баррантес. Вы, как почетный гость, имеете полное право приехать последним. Моя мать говорит, что вы хотели бы познакомиться с нашей семьей. Мы все перед вами.

Если не считать Майкла, собравшееся общество состояло главным образом из членов семьи Уинифрида Дарти – ее сына с женой и дочери с мужем, – но поскольку Флер была единственным ребенком, все они составляли ее ближайшую английскую родню; были, правда, еще родственники по мужу, но ее мать не раз подчеркивала, что аргентинец хотел познакомиться именно с Форсайтами.

Флер разделалась с представлениями быстро.

– Это мой муж Майкл, это двоюродные братья и сестры: Вэл и Холли Дарти и Джек и Имоджин Кардиган, а это миссис Уинифрида Дарти, моя тетя. Прошу извинить за такое количество разных фамилий, но большинство из перечисленных по происхождению Форсайты.

– Мы довольно своеобразная порода, – сказала Уинифрида, не отнимая у него руки. – Интересно, почему у вас возникло желание познакомиться с нами?

– Все очень просто, миссис Дарти. Я сам наполовину англичанин, но никогда не встречался ни с кем из своей английской родни. Когда мать леди Монт рассказывала мне о своей семье в Англии, я подумал, что, познакомившись с ней, я смог бы представить себе и собственную семью. Простите меня за откровенное признание, но я, право же, чувствую, что вдруг очутился среди своих.

Уинифрида, не обладавшая даром Флер легко уходить от разговора, вдруг почувствовала себя под взглядом огромных темных глаз как старая олениха, внезапно остановленная светом фар. Он отпустил ее руку, и очарование рассеялось.

И тут, как всегда, вылез Джек Кардиган:

– Ну надо же! Никогда не представлял себе, что форсайтский род может быть принят как парадигма.

Имоджин, которой чувство юмора Джека успело несколько приестся за тридцать три года совместной жизни, заметила полушутливо:

– Не обращайтесь внимания на слова моего мужа, сеньор Баррантес. Сами мы давно уже не обращаем.

Пока все дружно смеялись над Джеком, Флер взяла гостя под руку и, положив свою на рукав безукоризненно сшитого фрака, повела всех в столовую.

* * *

В Испанской столовой Флер, не менявшейся с тех пор, как молодые Монты поселились в доме на Саут-сквер вскоре после свадьбы, стройный, элегантный Александр Баррантес был идеальным, единственно возможным дополнением. Сторонний наблюдатель (это мифическое существо), увидев его на фоне ярких фарфоровых фруктов, мавританской панели, поднимавшейся над мозаичным полом, старой бронзы, тисненой кожи и копии принадлежавшей Сомсу картины Гойи – женщина определенного возраста и назначения в каскаде черных кружев, мгновенно опознанная аргентинцем, – мог бы заподозрить, что с этой целью он и был специально нанят на этот вечер. В комнате, задуманной так, чтобы она излучала знойные страсти, их вдруг еще прибавилось.

И как же он сумел очаровать всех! Флер следила за тем, как ее гости один за другим подпадали под чары утонченного иностранца. Она посадила его во главе длинного и узкого, не покрытого скатертью стола между собой и Уинифридом. По другую сторону от нее сидел Вэл и напротив него Джек – бедный Вэл, но кому-то же надо было. На другом конце стола поместился Майкл, по бокам от него Холли и Имоджин. Со своего места Баррантес, казалось, смог привлечь к себе внимание всех ее гостей с легкостью фокусника, приглашенного на детский праздник. Даже уши Майкла заострились больше чем всегда. «А Майклу идет белый жилет», – отметила Флер. Только Холли продолжала держаться несколько отчужденно, но по собственному горькому опыту Флер знала, что Холли внимательно следит за происходящим. Вэл и Имоджин были завоеваны быстро, можно было подумать, что они встретили давно потерянного из виду друга детства. Странно, подумала она. Как это Вэл умудрился стареть в ногу с женой, а не со своей черноглазой сестрой, с которой у него во внешности было много общего. Он и Холли одинаково поседели, у обоих было множество схожих морщинок вокруг глаз. Говорят, это происходит, когда вместе старятся люди, вполне довольные друг другом. Что ж, эта пара была похожа на пару стаффордширских фарфоровых собачек, сидящих по обе стороны очага! Интересно – Флер даже не попыталась остановить вытекающую отсюда мысль, – интересно, усилилось ли сходство Джона с Холли, его незаметной сестрой, или с годами он стал похож на свою жену? Стала ли та американка ему истинной подругой жизни? Довольны ли они друг другом, хорошо ли им там вместе на просторах Грин-Хилла?

По доходившим до нее слухам, главным образом – от Уинифрида, забывавшей иногда об осторожности, похоже было, что да.

Флер ухватила обрывок разговора, который шел поблизости от нее. Вэл через стол задал Баррантесу какой-то вопрос, речь шла о лошадях. Ничего удивительного: у Вэла в Суссексе был конный завод. Хм, выходит, что и у аргентинца есть ранчо? Отсюда следует, что еще до конца ужина его пригласят посетить Уонсдон. Уонсдон! Самый звук его был неприятен Флер. Пусть себе едет, если хочет. Дикая лошадь не смогла бы загнать ее туда – туда, где они с Джоном случайно оказались вместе. Тогда, много лет тому назад, она гостила у своего кузена Вэла, а Джон – у своей сводной сестры Холли. Это была их вторая встреча, после первой – роковой в галерее Джун Форсайт на Корк-стрит. В Уонсдоне они полюбили друг друга. Господи, какие же мы были глупые, сколько раз думала она впоследствии, – их любовь ограничивалась словами и взглядами, а не поступками. Один-единственный поступок в то время, и история изменила бы свой ход. Но история была единственным врагом, против которого она была бессильна. Теперь Джон жил там же, в Грин-Хилле, а с ним жена и двое детей...

Громко загоготавший в ответ на чью-то остроту Джек заставил Флер вновь сосредоточить свое внимание на гостях. Смех Джека был настолько неприятно резок, что у нее чуть не заболело ухо, хотя посадить его она постаралась подальше от себя, но так, чтобы это не выглядело нарочито. По-видимому, чтобы добавить что-то свое, он прервал последнее заме-

чание аргентинца, которое она пропустила мимо ушей. Баррантес вежливо выждал, пока Джек выскажется, и продолжал с того же места. Загадочный иностранец, безусловно, обладал шармом, – казалось, что он способен очаровать кого угодно и при том выглядеть так, будто это не стоит ему ни малейшего усилия. Да, видимо, он знал секреты. И, снова уйдя на миг в собственные мысли, Флер поняла, что раскусила она его с такой легкостью потому, что секреты эти были знакомы и ей самой.

Джек снова загоготал.

– Нет, послушайте... Это я должен запомнить.

Он был легкой добычей: достаточно показать ему палец – и он готов хохотать. Однако и он не был забыт. Флер перенесла внимание на тетку и поняла, что цепь побед была полной: если судить по румянцу, расцветшему на ее щеках, она чувствовала себя юной девушкой на балу!

Воспользовавшись следующей удобной паузой, организованной, как показалось Флер, все тем же аргентинцем, Уинифрид предприняла попытку объяснить запутанные родственные отношения, связывающие сидящих за столом: сообщила, что Флер была дочерью ее покойного брата и, следовательно, урожденная Форсайт, но что и Холли была Форсайт в девичество, будучи дочерью ее покойного двоюродного брата, поэтому Вэл и Имоджин являются двоюродными по отношению к Флер, тогда как она и все остальные – троюродные по отношению к Холли. Судя по выражению лица Баррантеса, эти сведения о генеалогии поглотили его внимание полностью.

– Тогда, значит, всем вам очень повезло, вы счастливое семейство, миссис Дарти, – сказал он.

– С чего это?

– Потому что вы так близки между собой. В семьях к тому же таких больших – это встречается не часто.

Уинифрид не могла не согласиться с последним замечанием. Улыбнувшегося ей в ответ Баррантеса можно было счесть за образец искренности.

Флер поймала себя на том, что против воли глаза ее настойчиво устремляются к нему, стоит ему отвернуться в сторону. Она отметила, что у него тугая без единого изъяна кожа, не смуглая, а скорей загорелая, и совершенно гладкая, будто натертая канифолью; выпуклый лоб и довольно длинный прямой нос делали его похожим в профиль на греческого поэта; полный, но четко очерченный рот никогда не фальшивящего хориста; длинные конечности, придававшие ему грациозность танцовщика. Темные глаза под тяжелыми веками, неожиданно живые и открытые, говорили о высоком интеллекте. Волосы, как и глаза, были темные, почти черные, слегка волнистые, и когда на них падал свет люстры, в изгибе волны вдруг вспыхивали искры.

На всей его внешности с головы до пят лежал налет безупречной эlegantности. Может ли темнота быть так светла! И еще от него пахло духами, тонкими и нежными, смесь... чего? Амбры? Кедр? Запах, который, как сразу поняла Флер, мог – дай она себе волю – в считанные минуты лишить ее здравомыслия.

Позже был один момент, после того как Имоджин мимоходом сообщила, что ее отец однажды побывал по делам в Буэнос-Айресе, когда Флер заметила, что Уинифрид и Вэл тайком переглянулись, однако так и не поняла, что мог означать этот обмен взглядами. Но это была единственная задоринка, остальное время за ее испанским столом все шло как по маслу. К концу обеда Баррантес так разошелся, так интересно говорил на самые разнообразные темы, что все пришли от него в полный восторг, и Флер, в нарушение своих правил, даже допустила в столовую политику. Прежде, как было известно всем, касаться этой темы у нее за столом категорически воспрещалось, но и теперь она внимательно следила за ее развитием. Аргентинец принялся расспрашивать хозяина дома насчет голосования по мирному разрешению вопроса. Майкла, который все еще придерживался со всех сторон критикуемых пацифистских тенденций, который прилежно слал открытки Союзу во имя мира и который вышел из членов Клуба

левой книги только потому, что не мог больше игнорировать московские процессы, втянуть в разговор на эту тему оказалось нетрудно. По его мнению, демократии, увы, не хватило мужества, чтобы действовать в соответствии со своими принципами.

Как говорят, это был самый многолюдный плебисцит: свыше одиннадцати миллионов человек приняло участие, и подавляющее большинство голосовало за мир. Однако правительство усмотрело в этом лишь очередной приступ псевдопатриотизма.

– Вы, следовательно, за мир любой ценой, сэр Майкл?

– Во всяком случае, почти любой ценой, как лорд Эвербери.

– Вроде как тот человек, который почти бросил бить свою жену, так, что ли? – осведомился Джек.

– Без сомнения, и это уже лучше, чем ничего.

Джек на время угомонился.

– Думаю, что из нас, сидящих за этим столом, многие уже дорого заплатили за войну, – вопрос заключается в том, не будет ли цена мира еще того выше?

Флер решила, что можно не беспокоиться: легкая светскость Баррантеса говорила о том, что ему по плечу любая тема.

– По-моему, дело обстоит так – войны никто не хочет, но если уж она начнется, каждый будет готов внести свой вклад в общее дело, – вступила в разговор Холли, – по крайней мере с таким настроением мы с Вэлом ехали в Трансвааль.

– Вот именно! – сказал Майкл. Он не хотел затевать спор с кем-то из гостей, тем более с Холли, но чувствовал потребность сделать что-то вроде официального заявления. – Вот только жаль, что мало кто из нас спешит со своим вкладом в мирное время. Я случайно встретился со старым знакомым, который сделал взнос, по крайней мере за троих.

– Кто это был? – спросила Флер.

– Да так, приятель со времен войны, некто по фамилии Льюис.

Уинифрид наострила уши.

– Из шропширских Луисов?

– Нет, тетя. Скорей из майл-эндовских. Он был моим денщиком. – Вместо того чтобы сжать кулак в знак недовольства собой, Майкл запустил на миг пальцы в волосы. – Бедняга! Он рассказал мне свою историю, и мне стало стыдно идти домой, где меня ждет ужин. Человек четыре года провел в окопах во Франции, а после этого вот уже двадцать лет ему приходилось просить милостыню на улицах, чтобы не умереть с голоду.

– Но раз он был вашим денщиком, значит, он состоял в регулярных войсках? – спросил Баррантес без большого энтузиазма, словно ему не хотелось вступать в препирательства с хозяином дома. – А в этом случае разве ему не полагается пенсия?

– Да, он был в регулярных войсках. Но после войны король и страна больше не нуждались в нем, как и в тысячах других ему подобных. Он попробовал заняться торговлей – так, маленькая лавчонка, вложил в нее все свое выходное пособие и во время депрессии потерял все до последнего пенни. Встать на ноги после этого он уж не смог и, решив, что судьба толкает его снова стать солдатом, вступил добровольцем в Интернациональную бригаду. Сейчас он вернулся из Испании, и сил, по-видимому, у него ни на что больше нет.

– А почему бы ему не вернуться в Майл-Энд?

Вопрос Имоджин прозвучал скорей небрежно, чем бессердечно, – в глубинах под пышной грудью у нее билось сердце отнюдь не жестокое, просто ей не доводилось якшаться с людьми не своего класса. И еще, что можно сказать в ее оправдание, она скорее всего не была одинока в своих чувствах, их испытывали и другие гости, собравшиеся в Испанской столовой Флер в тот вечер; не была бы она одинока и на многих других сборищах Форсайтов.

– Увы! По всей видимости, семьи у него нет, а те немногие ровесники, которые умудрились пережить сражения на Сомме и Пассхендэйле, отвернулись от него, сочтя, что он симпатизирует коммунистам.

– А он симпатизирует, Майкл? – озабоченно спросила Уинифрид. – Не опасен ли он?

– Ну, если считать Киплинга радикалом, тогда, может, и так. Единственно, кому он был предан в те времена, когда я знал его, были Король и Отечество. Верный слуга Его Величества!

– Но Испания?

Тон Уинифрид высек на миг насмешливую искру в глазах аргентинца, никем, однако, не замеченную. Майкл упрямо помотал головой.

– Испания явилась отдушиной для того поколения, тетя. От нас туда поехало около трех тысяч, все, как один, добровольцы, и более пятисот не вернулось домой.

– Главным образом поэты и интеллигенты... идеалисты всякие, – вставил Вэл.

– Не совсем так. Да, конечно, туда поехали Оден, Спендер и их единомышленники, но большая часть были неудачники из рабочего класса, как мой денщик, люди его возраста и моложе. И уж поверьте мне на слово, сказать, что в старине Льюисе сидит поэт, – это уж слишком.

– Добавлю, что не сидит в нем и патриот, – сказала Уинифрид, расправив подложенные по моде плечи. – Я не понимаю, как это может возникнуть желание лезть в чужую войну?

– Ему просто хотелось где-то приносить пользу, – терпеливо ответил Майкл. – В Англии ему ходу не было, Испания же предоставила поле для такой полезной деятельности – та «война, где легко было решить, кто прав и кто виноват», как пишет Оруэлл. Льюис просто хотел не подпустить к власти фашистов и защитить более или менее порядочное, законно избранное правительство, только и всего...

– Но сражался-то он на стороне большевиков, – сказал Вэл, – а такое разве прощается?

– Простить – нет, нельзя, – согласился Майкл. – Но я сомневаюсь, что во всех совершенных зверствах повинны коммунисты. Что же касается Льюиса... Как можно осуждать его за то, что он поверил в «Манифест»? Что сделал для этого горемыки наш теперешний строй? Оставил его без работы, без жилища и без надежды и на то и на другое.

– Но где же он живет, Майкл? – спросила Холли.

– Где придется. Какое-то время околачивается в Итонской миссии – так, по крайней мере, он сказал мне. А ночи, подозреваю, проводит на Набережной, укрываясь листьями «Манчестер гардиан».

– Но это же ужасно! – доброе лицо Холли омрачилось. – А ты не сможешь помочь ему?

– Попытаюсь, но он не из моего округа. Я пообещал ему поговорить с его депутатом, но, откровенно говоря, я просто не представляю, что еще можно сделать, кроме как подавать ему милостыню. – Рука Майкла снова потянулась к волосам. – Чем больше я над этим думаю, тем больше убеждаюсь, что единственные права, предоставляемые конституцией члену парламентского комитета, это безнаказанно поливать помоями кого вздумается и слать письма в «Таймс» с гарантией, что их напечатают. В данном случае мне хочется использовать и то и другое. Не такая уж высокая цена за всеобщее избирательное право, как ты считаешь?

Последние две минуты Флер внимательно прислушивалась к словам мужа. Майкл становится циником? Неужели ее настроение передалось в конце концов и ему?

– Майкл страдает оттого, что его месту в парламенте ничто не грозит, – сказала она, обращаясь ко всем сидящим за столом вообще и ни к кому в частности. – Чем меньше от него требуется усилий, чтобы быть переизбранным, тем больше он старается.

Уинифрид и Имоджин что-то пробормотали в знак согласия, но недостаточно громко, чтобы перевести разговор в другое русло.

– Он что, впал в отчаяние? – раздался среди наступившего затишья голос Баррантеса.

– Кто, Льюис? Пока нет. Когда человек доходит до ручки, на него обычно нападает апатия, это как раз то, что происходит с ним. Но как знать? Разве можно себе представить, как он воспринимает жизнь?

– Ирония судьбы... – Баррантес задумчиво выпятил полные губы. – Человек столько лет сражался за демократию, и именно она бросила его на произвол судьбы. Тогда как теоретически ему бы и быть хозяином положения.

– Да, теоретически, – грустно отозвался Майкл. – А на деле демократия служит нам, поскольку мы – господа, правящая верхушка, и поддерживать нас значит поддерживать существующий порядок. Льюису и ему подобным нужно нечто другое. Никакого значения для твердой власти они никогда не имели и иметь не будут и нужны разве что для статистики: естественно, что после этого ждать от них особой преданности не приходится.

– «El tener y el no tener»⁷.

Баррантес не стал объяснять смысл этого выражения. Возможно, он даже не заметил, что употребил его.

– Итак, – продолжал он все в том же нравоучительном тоне, – привилегированные классы и все остальные по-прежнему образуют два разных народа?

На что Майкл смог лишь ответить печально и безнадежно:

– Увы, да!

Джек, который сумел уловить из разговора главным образом ключевые слова, изрек:

– Что ж, к привилегированному классу принадлежим все мы, собравшиеся здесь. И не вижу причины от этого отрекаться.

Обе его ближайшие родственницы мгновенно повернулись к нему с выражением страдания на лице, говорившим, что они уже не надеются услышать от него хоть что-то путное.

Замечанием его воспользовался Баррантес.

– Вот именно, мистер Кардиган. Но не все из нас от рождения.

Вторично за этот вечер в комнате воцарилось гробовое молчание. Форсайты могли поговорить о бедности и лишениях с любым, но при условии, что этот любой не был ни бедняком, ни человеком обездоленным.

Баррантес, казалось, не заметил общего замешательства. Уинифрид, не отличавшаяся быстротой реакции, задержалась с выводами. Ее априорное восприятие гостя Флер было несколько путаным. Ведь объявил же он в начале вечера, что половина его родни ничем не отличается от них самих? Как же мог он в таком случае оказаться человеком без привилегий? Разве что он не знал этих людей, что, конечно, прискорбно. Нет, это надо выяснить.

– Я поняла из ваших слов, сеньор Баррантес, что ваша мать была англичанкой?

– Прошу прощения, миссис Дарти, но вы меня не так поняли. Моя мать родом из Севильи. Английская кровь у меня от отца. Это его семьи я не знал, потому что он не женился на моей матери. А фамилию Баррантес я получил от усыновившего меня отчима.

– А-а, – разобравшись наконец, сказала Уинифрид. – Понимаю.

Флер предложила дамам перейти в гостиную.

* * *

– Твой гость, Флер, просто очарователен, – сказала Уинифрид, стараясь закрепить свое первоначальное и более приемлемое мнение об аргентинце, чтобы как-то сгладить скрытый смысл продолжавшего смущать ее последнего замечания. Отказавшись от рюмки ликера, она уселась на угловой диванчик; отказалась от ликера и Холли, стоявшая у нетопившегося камина,

⁷ Иметь и не иметь (исп.).

когда к ней приблизилась Тимс. Не найдя среди дам желающих выпить, она пискнула, обращаясь к Флер, «мэм» и покинула комнату.

– Он, безусловно, прекрасно владеет словом, и, я уверена, Вэл не мог не отметить, как хорошо он разбирается в лошадях. – Напряженно прислушивавшаяся Флер не уловила в мягком голосе Холли и тени насмешки. Может, в кои-то веки сыграло роль ее чувство справедливости.

Имоджин села рядом с матерью, уютно устроившись в подушках.

Хотя ее фигура, некогда роскошная, с приходом среднего возраста округлилась и стала просто полной, в больших темных глазах, с которыми прекрасно сочетался искусно подобранный оттенок волос, все еще оставалось что-то от прежней загадочности. Никакой загадочности в ней, разумеется, не было, а если когда и была, то за полжизни, прожитой рядом с Джеком Кардиганом, она окончательно выветрилась, но иллюзия сохранялась и была приятна.

– Знаешь, он напоминает мне кого-то.

– Да? – Уинифрид, сама того не замечая, чуть нахмурилась, словно та же мысль мелькнула и у нее, но не задержалась. – Кого же?

– Прямо не знаю, – ответила Имоджин с отсутствующим видом, который, как послушный спаниель, приходил к ней по первому зову.

– Это всегда так раздражает, – сказала ее мать.

Флер подошла к Холли, стоявшей у камина: Холли разглядывала картину над камином.

– Это Мондриан?

– Да, нам хотелось повесить здесь что-нибудь геометрическое, и де Стил, как мне кажется, уловил, что нам надо.

– Отрицание формы – насколько я знаю, таков был их принцип?

– Ну, это так, реклама. Они отказываются от формы, чтобы яснее видеть субстанцию. – Флер внезапно рассмеялась горькой мысли, промелькнувшей в голове. Она была уверена, что Холли поймет семейный подтекст, сказав в заключение: – Думаю, из всех Форсайтов только у меня у одной есть Мондриан. А как он тебе?

Холли ответила, подумав:

– Очень талантливая картина и изысканная... Но, на мой вкус, слишком уж авангардна.

И снова в голосе Холли не проскользнуло, казалось, ни малейшего желания уколоть, хотя вполне возможно, все сказанное ее кухней с нежным взором вполне могло выражать то, что она думала о хозяйке дома. Пока что Флер удавалось отгонять то и дело подкрадывавшиеся – как волк к овчарне – циничные мысли, и тем не менее этот коварный зверь спровоцировал ее на следующий вопрос:

– А как поживает Джон?

Флер не видела Холли больше года – а Джона тринадцать лет, – так что прозвучал он вполне невинно даже после того, как она прибавила:

– По-прежнему доволен своей фермерской жизнью?

Обе стояли лицом к картине, и Флер совсем не нужно было переводить взгляд на свою кухню, чтобы убедиться, что врасплох ее нехватишь. Холли с улыбкой разглядывала Мондриана. Даже голову чуть склонила набок, любуясь.

– Да. Даже очень. И Энн тоже, и детки у них просто прелесть.

– Хм...

Осознанно или нет, – а Флер вовсе не собиралась истолковывать что-то в благоприятном свете, а то как-то очень уж благополучно проходил вечер, – Холли только что поставила крест на последних тринадцати годах ее жизни, долгих годах существования без Джона, после того как она в конце концов отказалась от него в пользу этой американки Энн; поставила крест на этих годах и бросила их плыть по воле волн, как бутылку с запиской в несколько отчаянных слов. Распалившийся востроглазый зверь не отставал.

– А его мать?

– Она по-прежнему в Париже. Кстати, мы...

Восклицание, раздавшееся за их спиной, переключило внимание Холли.

– В чем дело, тетя? – так Холли в силу запутанности их сложных семейных связей называла свою свекровь.

– Я сказала, что ты ведь сможешь зайти к ней в Париже? Верно?

Холли помолчала.

– Да... – ответила она без большой уверенности.

– Вы туда собираетесь? – быстро спросила Флер.

Теперь они с Холли сидели друг против друга в широких креслах орехового дерева, стоявших по обе стороны камина.

– Да... мы едем завтра. В Курветских конюшнях появились арабские скакуны, о которых давно мечтал Вэл. Мы решили съездить посмотреть.

– Безусловно, – сказала Уинифрид. – Так что для вас будет проще простого заглянуть к Аннет, пока вы находитесь там. Это просто замечательно!

– Да... – сказала Холли, избавляя Флер от необходимости сказать то же самое.

Глава 5 Письмо в газету «Таймс»

При тусклом желтоватом свете небольшой настольной лампы, скудно освещавшей его завешанный карикатурами кабинет, совестливый член парламента от Мид-Бэкса снова запустил руку в волосы, готовясь использовать второе из своих конституционных прав, чтобы помочь своему бывшему денщику. Он писал письмо в газету, обнаруживая, что в половине второго ночи вдохновение если и приходит, то без большой охоты. Он вернулся из парламента около часу и за полчаса написал, чувствуя на себе иронический взгляд Белой Обезьяны, поглядывавшей на него из висевшей над столом рамы, несколько малоубедительных вариантов письма. После того как на башне парламента куранты снова проиграли музыкальную фразу Генделя, Майкл взял черновик последнего и внимательно прочитал его.

Его произведению, написанному достаточно хорошо, явно не хватало искры Божьей. Он откинулся в кресле и поднял глаза к потолку. Нужно бы процитировать кого-нибудь. Но вот кого?

Ответ – принимая во внимание поздний час – был на удивление удачен. Майкл пересек комнату и взял с полки тоненький томик, озаглавленный «Притворство». Кого же и процитировать, как не Уилфрида.

Книжка была перенасыщена злобой и горечью. Просматривая стихотворения, Майкл недоумевал, как это удалось избежать подобных чувств ему самому? Ведь они оба воевали приблизительно в одних и тех же местах, хотя Уилфрид какое-то время был авиатором. Мы побывали под равными по силе бомбардировками, думал он, и в конце концов угодили в один и тот же госпиталь. Более того, мы освободились от одинаковых идеалов и уцепились взамен за те же лживые посулы, только вот после войны я жил единственно надеждой, Уилфрид же не видел ее вовсе.

«Мы поколение, проигравшее выборы, еще не успев до них дорасти», – сказал он как-то. Наверное, главным образом этим объясняется его злобность, думал Майкл. Но произошли еще одни выборы – вернее, жеребьевка, – где на билетиках были написаны имена их обоих. По-видимому, он родился под счастливой звездой, потому что Флер вытащила из шляпы билетик с именем Майкла, а не Уилфрида.

Майкл вспомнил каменистую отмель того отрезка времени на исходе второго года их брака, когда Уилфрид Дезерт – главный шафер на их свадьбе, не кто-нибудь! – признался в

любви Флер. На протяжении нескольких тягостных недель Майкл жил под угрозой одновременной потери и жены, и лучшего друга. Он был уверен, что взаимностью Флер Уилфриду не отвечает, но в том-то и таилась опасность, потому не отвечала она взаимностью и ему самому. Майкл тогда еще не знал подробностей ее единственной большой любви, но понимал, что его сватовство увенчалось успехом лишь потому, что бесспорный фаворит в скачке, где призом была ее любовь, непонятным образом сошел с дистанции перед последним препятствием. Вместо того чтобы остаться в списке – «в скачке участвовал также Майкл Монт...» – он легко пришел к финишу, не имея соперников, и сорвал приз. И если Флер, совершенно очевидно, не любила ни одного из них, то почему бы ей было не уйти к Уилфриду. Все-таки что-то новое.

Да, это было томительное время. Затем неожиданно Флер решила, что останется с ним, и Уилфрид уехал на Восток. Майкл так никогда и не понял до конца, почему она решила именно так. Ну да ладно!

Взгляд его остановился на строчках беспощадных мерных ямбов – кажется, как раз то, что нужно. Он вернулся на предыдущую страницу, чтобы прочесть стихи с начала. Это был плач по забытым жертвам Великой войны – по тем, кто уцелел. С присущей ему горькой иронией Уилфрид назвал стихотворение «Панегирик».

Дописывая последнее двестишестое, Майкл почувствовал, что кто-то легко дотронулся до его плеча. Он поднял глаза и увидел Флер. Она стояла над ним, волосы ее были слегка прижаты подушкой. Спиной он ощущал тепло шелкового кимоно, накинутого поверх рубашки.

– Я тебя разбудил, дорогая? Прости, пожалуйста.

– Я увидела свет. Наверное, проспала совсем недолго.

Тыльной стороной ладони она прикрыла зевок, и Майкл уже в который раз подумал – до чего же она бывает хороша сонная.

– Это твое письмо?

– Еще нет, но скоро будет. Одно из «жертв» Вестминстера! Как тебе это нравится?

Флер взяла письмо и внимательно прочитала. Дойдя до стихотворения, она негромко продекламировала:

Чем быть живым среди живых
лишь по названию,
Забытым заживо,
Не лучше ль было б
Лежать среди своих в Полях Забвения,
Где только маки красные о нас напоминают, —

и вернула листок на место.

– Гм. В нем много горечи, но оно, видимо, соответствует действительности. Никто тебе спасибо за это не скажет.

– А я на спасибо и не рассчитываю. Мне говорят, что в этом главная сила слуги народа. Он улыбнулся, но она уже отвернулась.

– Уж больно ты усерден, Майкл. Пойдем спать.

Глава 6

Утро

В семье, так же как и в научном мире, существует основной закон, неоспоримый и применимый во всех без исключения случаях. Этот закон гласит, что материя неистребима. Да, ее можно распылить в виде энергии или разложить на составные части, и тем не менее при измерении всегда выясняется, что общая сумма частей остается неизменной. Так обстояло

дело и на Форсайтской Бирже, в том плавильном тигле, где проходило проверку и испытание на прочность все, что касалось семьи, и который прежде находился в доме Тимоти на Бэй-суотер-роуд, а теперь, по прошествии нескольких десятилетий, небезуспешно возродился в элегантно обставленной мебелью в стиле ампир гостиной Уинифрида на Грин-стрит. К этому стилю вернулась раскаявшаяся и исправившаяся Уинифрида после краткого и пустого увлечения экспрессионизмом в двадцатые годы. Сейчас в комнате царила золоченая бронза. Ближе к полудню на следующий день после ужина у Флер там обсуждались все присутствовавшие, но наибольший интерес вызывал ее вчерашний гость. О нем говорили наперебой, разобрали буквально по косточкам и в конце концов сошлись на том, что аргентинец – загадка.

Проводив рано утром на поезд ночевавших у нее перед поездкой в Париж Вэла и Холли (которые настойчиво просили ее этого не делать), Уинифрида уже ни о чем другом думать не могла. Возможно, останься она наедине с Вэлом, он охотно поддержал бы разговор об аргентинце. Судя по всему, тот пришелся ему по душе, но кроме него рядом была еще и Холли. При всей своей любви к невестке, Уинифрида с некоторым раздражением чувствовала, что поскольку Холли очень сдержанна в своих суждениях, то волей-неволей следует и самой Уинифриде на нее равняться. Так что к тому времени, как часам к одиннадцати прибыли ее теперешние гости, она чувствовала, что ее, говоря языком заядлых курильщиков, «аж ломает».

Имоджин привезла с собою двух невесток, и, несмотря на уверения, что они заглянули ненадолго и ни в коем случае не останутся к завтраку, так как должны встретиться со своими мужьями в клубе Джека, очень скоро выяснилось, что она разделяет страстное желание матери обсудить события вчерашнего вечера – и в первую очередь гостя – и уже по пути сюда всеми силами разжигала к ним интерес.

Одним словом, все, что имело место накануне вечером, было разобрано и рассмотрено в мельчайших подробностях. Как этот иностранец вошел в гостиную! – а приехал он в экипаже – представляете? Рост, умение держаться и обаяние... брюнет, хорош собой. А какой собеседник! Такой учтивый и такой эрудированный!

Своим воодушевлением и убежденностью Уинифрида и Имоджин вогнали своих слушательниц чуть ли не в экстаз, делясь с ними наблюдениями и выводами, которых, повинувшись правилам светских приличий, не могли себе позволить в гостиной на Саут-сквер накануне вечером. Следует отметить, что их аудитория благодарно принимала любую сплетню, однако то, что они слышали, заставило бы и более благочестивых дам наострить уши. Уже приближалось время полуденного коктейля – время, имевшее в глазах кардигановских жен особую прелесть, а впереди их ждали еще новые чудеса.

– А потом мама спросила его насчет семьи его матери-англичанки – и, как вы думаете, что он ей сказал?

Ответом было молчание; обе, затаив дыхание, ждали, пока Имоджин, выдержав паузу, продолжит рассказ:

– Он сказал, что это его отец родился в английской семье и что он не был женат на его матери.

Невестки удовлетворенно перевели дыхание.

– Но кто же он тогда?

Это спросила Селия Кардиган, двадцатидвухлетняя жена Джона, старшего сына Имоджин. Она сидела у рояля на позолоченном табурете, изящно скрестив ноги и выставив напоказ свои новые туфли, которые, по-видимому, ей еще не перестали нравиться. Кабинетный рояль красного дерева за ее спиной – реликвия из дома Тимоти⁸ – издал бы, наверное, какой-нибудь

⁸ Тайком перекупленный у человека, приобретшего его на аукционе после смерти Тимоти, Сомсом, тем самым спасшим рояль первоначально от печальной участи украшать собой чью-то гостиную в Фулеме, а в более широком смысле ради пушей славы Первой империи. – Примеч. автора.

тревожный аккорд, будь на то его воля. Вместо рояля вопрос подхватила вторая невестка, двадцатилетняя Сисили, совсем недавно вышедшая замуж за Джемса, младшего сына Имоджин. Она с живостью наклонилась вперед, опершись о козетку, стоявшую рядом с бабушкой.

– Да! И где мать Флер откопала его?

– Откуда нам знать, мои милые, – сказала Уинифрид. – Он рассказывал что-то о своем отчине, о его ферме – у них они называются ранчо – в Аргентине. Насколько я понимаю, у него конный завод, он разводит лошадей для игры в поло, что очень интересно для нашего Вэла. К концу вечера они очень подружились. Но остается загадочным его происхождение. Сам он, безусловно, до кончиков ногтей джентльмен... – В отношении этого последнего пункта она была непреклонна, поскольку для Уинифрид нетленными были некоторые прежние светские критерии (первыми среди них числились манеры и внешность), и с каждым прожитым годом она все более убеждалась в их нетленности. Селия мило улыбнулась, однако ее прелестные глаза были потуплены.

– Но как же это возможно? Я хочу сказать, быть джентльменом... Если он действительно незакон...

– Селия! – Логика Уинифрид чуть не угодила в собственную ловушку.

– Как бы то ни было, судя по вашим рассказам, он просто душа. Везет же Флер! – заключила неустрашимая Селия.

– Жаль, что мы не видели его, – все это так романтично... и загадочно, – сказала Сисили.

Имоджин снисходительно улыбнулась, высвобождая свои тела из кресла. Две эти юные особы успешно заменили дочерей, которых так и не послал ей Бог, и она сразу же, не задумываясь, приняла их в свои объятия и полюбила. Сыновья ее выросли на удивление трезвыми юношами – здоровыми и здравомыслящими, – а какими еще могли получиться сыновья Джека? – так что она воспринимала причуды Селии и Сисили как некую справедливую компенсацию. Привязанности Уинифрид всегда соответствовали привязанностям ее детей, и она уже с удовольствием предвкушала появление будущих «очень маленьких Кардиганов», как она называла их, хотя с их появлением на свет она неизбежно должна будет превратиться в прабабушку! То, что девочки эти еще до замужества были лучшими подругами, рассматривалось исключительно как чудесный дополнительный подарок к празднику. Они почти никогда не показывались порознь, и их ровесник, новоприобретенный кузен Джон Хэймен, считавший (и не так уж необоснованно), что отпущенная семье квота мозгов перешла по диагонали от внучатого дяди Джорджа к нему, называл их всегда Гвендолин и Сисили⁹.

Большие бронзовые каминные часы с легким скрежетом продвигали филигранные стрелки вверх к цифре, обозначающей полдень. В предчувствии боя эти стрелки целомудренно прятали от глаз – правда, иногда с легким опозданием – время, когда гостям предлагают коктейль.

– Он остановился у них? – Вопрос задала опять-таки Селия, которая, поняв намек све-крови и сверившись с каминными часами, поднялась прощаться. Но его с таким же успехом могла задать и Сисили, голоса подруг были похожи так же, как похожи друг на друга были эти темноволосые, миловидные с озорными порой глазами девочки, – голоса звучали совершенно одинаково, и, когда их обладательницы начинали тараторить, перебивая одна другую, можно было подумать, что говорит кто-то один.

– Нет, – ответила Уинифрид, – в «Дорчестере».

В раздавшихся восклицаниях звучало нескрываемое разочарование.

– Он занял там свой обычный номер – люкс, – прибавила Уинифрид, сама не зная, что хотела сказать этим, кроме того разве, что он привык, бывая в Лондоне, останавливаться в этой гостинице и собирается прожить там довольно долго.

⁹ Героини комедии Оскара Уайльда «Как важно быть серьезным» (1898).

– О?! – снова воскликнула Сисили. – Значит, мы так и не увидим его, разве что Флер пригласит нас к себе.

Хотя сама понимала, что вряд ли можно мечтать о такой возможности: в глазах кардигановских невесток Флер была чуть ли не неземным созданием, ходячим совершенством, удручающе далеким от простых смертных, вроде них самих. Если бы аргентинец остановился на Саут-сквер, они могли бы заглянуть как-нибудь днем «на ура», по их выражению. Что же касается официального приглашения, рассчитывать на это было трудно.

– Разве что вы познакомитесь с ним здесь. – В глазах у Уинифрида блеснул огонек, когда она увидела, какое впечатление произвели ее слова.

Направившиеся было в гостиную молоденькие женщины в мгновение ока снова оказались у ее кресла.

– О, бабушка! Вы пригласили его к себе? На какой день? Когда вы ждете его? Как по-вашему, он придет?

Они заговорили разом, перебивая друг друга, не скрывая восторга, от которого с каждой соскочило лет по пять по крайней мере. Уинифрида даже руку подняла, чтобы приостановить поток их слов.

– У меня нет ни малейшего представления, когда он придет, но я не вижу, почему бы он мог не прийти. Я сказала, что буду рада видеть его у себя в любой день, и он принял приглашение с радостью. Так что вполне возможно, ваше желание осуществится.

Без сомнения, и прежде бывали минуты, когда Уинифрида чувствовала себя доброй волшебницей по отношению к этим юным созданиям, чей жизненный опыт и благоразумие ни в какое сравнение с ее не шли, но даже имей она в своем распоряжении волшебную палочку, вряд ли ей удалось бы сотворить что-нибудь подобное тому, что произошло в следующий момент, или внести в происшедшее какие-то улучшения.

Горничная Уинифрида, Миллер, высколенная *in situ*¹⁰ на Грин-стрит давно уже ушедшей на покой Смизер и потому куда более уверенно справлявшаяся с незнакомыми фамилиями, чем бедняжка Тимс на Саут-сквер, открыла дверь гостиной и возвестила:

– Мистер Баррантес, мадам!

Старые часы только начали вызывать свою мелодию, когда в дверях появилась высокая фигура человека, движения которого были в меру неторопливы, а уши и не думали гореть. С первым ударом наступившего часа ресницы Сисили Кардиган затрепетали, как они не трепетали ни разу с того дня, десять месяцев тому назад, когда Джек Кардиган, опустившись на одно колено, храбро предложил ей сменить свою прежнюю фамилию на теперешнюю.

Небольшое, но какое важное в эти годы! – преимущество в возрасте позволило Селии внешне сохранить спокойствие, но зато в желудке у нее возникло ощущение, будто там резвится целый рой бабочек.

Пока прелестная мелодия в до мажор лилась с каминной полки, Баррантес одним спокойным взглядом выразительных темных глаз успел охватить все женское общество, медленно опустив затем на миг пушистые ресницы. Потом незаметно поправил манжеты – жест, свидетельствующий о почтении, – и на мгновение замер на пороге комнаты.

– Может, я не вовремя, миссис Дарти, – мягко сказал он, переводя взгляд на часы – отзвуки боя еще не успели растаять в дальних углах комнаты. – Пожалуй, сейчас уже слишком поздно для утреннего визита?

– Ни в коем случае! Если бы вы не пришли, я осталась бы в полном одиночестве – моя дочь и внучки как раз собрались уходить. Вы должны выпить рюмку хереса и позавтракать со мной, сеньор Баррантес, вы прекрасно выбрали время.

¹⁰ На месте нахождения (лат.).

То, что они пока еще не овладели искусством точно выбирать время, объяснялось тем, что двум юным миссис Кардиган были совершенно недоступны ни безукоризненная светскость Флер, ни ее официальные приемы. Они попытались сыграть в загадочность, когда Уинифрид по очереди представляла их гостю, сознавая при этом, что помочь им в этот момент мог разве что ангел-хранитель. Но какие у него глаза! А духи, запах которых долетел, когда он протягивал руку, – такой тонкий и волнующий! Эх, им бы так!..

* * *

Утро следующего после ее званого ужина дня Флер провела в тихой ярости на свою мать. Достаточно было поднять телефонную трубку, соединиться с Парижем и сказать ей все, что она думает по поводу ее штучек. Это было бы проще простого; Флер знала совершенно точно, что хочет сказать, и прекрасно догадывалась о том, что ответит ей мать.

Она просто слышала их разговор:

– Ну как тебе понравился месье Бар-р-рантес, Флер?

– Он не так уж неотразим, как ты – и он сам – воображаете, мама.

– Mais – pourquoi pas?¹¹

– Mais pourquoi?¹²

– Ah! la quelle dommage!¹³

Нет, она не станет звонить. Их отношения с матерью прочно покоились на взаимном понимании, а не на обмене секретами. Так зачем же выяснять, что толкнуло ее мать безрассудно направить к дочери возможного любовника. Флер понимала, что всеобщее представление о французах как о людях романтически настроенных ошибочно, что все они – включая ее мать – были людьми весьма практичными. Аннет прекрасно видела, что дочь ее настроена нервно, знала, что нервна она была с детства, что любые ограничения раздражают ее, хотя порой и кажется, что она вполне смирилась с уздой обстоятельств. Итак, весьма практичная француженка – мать Флер, чтобы развлечь ее, подобрала ей на забаву этого видного иностранца. Прекрасно! Если он к этому расположен, пусть не щадит усилий, так как Флер при ее теперешнем настроении не так-то легко развеселить. Пытаясь добиться успеха, он должен будет превзойти самого себя, иначе она и не заметит его стараний.

Запрятав заготовленный ультиматум в глубине души (авось когда-нибудь пригодится), Флер пошла наверх в детскую. Она обещала Кэт съездить с ней в книжный магазин – до чего же эта девочка обожает книги.

* * *

То же самое утро началось для отца и сына с того, что старший Монт предложил помочь младшему с приготовлением уроков на понедельник. Предложение было вполне искренне, но, возможно, Майкл не проявил бы такой готовности, знай он, что предметы, в приготовлении которых требовалась помощь, были перевод латинских стихов и квадратные уравнения.

– Ну, в математике ты и сам отлично соображаешь, – сказал Майкл, – а ученого учить – только портить.

Младший Монт ничуть не огорчился, поскольку никакого секрета цифры для него не представляли. Вообще-то, если верить отчетам по успеваемости, преподаватели в своем большинстве считали Кита «хорошим учеником». Из этого родители заключали, что если ни один

¹¹ Но – почему нет? (фр.)

¹² А почему бы да? (фр.)

¹³ Ну вот – какая жалость! (фр.)

предмет не пробуждает в нем жажды знания, то и трудностей ни один для него не представляет. Мальчик – хотя «мальчиком» ему оставалось называться уже совсем недолго, – по мнению хэрроуских учителей, учился «легко», однако никто ни разу не отметил, что делает он это с энтузиазмом.

Латинский поэт оказался Вергилием; его изгнанные и сосланные троянцы, несмотря на все злоключения, пережитые в бурном море, умудрились достичь берега Альба-Лонги вовремя, как раз к концу семестра. Пододвинув к столу два стула и положив перед собой «Энеиду», десятый и будущий одиннадцатый баронеты пыхтели над запутанными стихотворными фразами древнего эпоса, которые Кит должен был до понедельника переложить в хорошую прозу.

По правде говоря, пыхтел главным образом Майкл. Он вспомнил, как в возрасте сына зубрил нескончаемые отрывки Восьмой книги к дню школьного акта в Винчестере, и сейчас время от времени узнавал какие-то строфы, однако вспомнил он также, что никогда не был вполне уверен в своем переводе.

Кит выискивал незнакомые слова – их было не так уж много, – тогда как Майкл перелистывал страницы касселевского «сокращенного изложения», где латино-английский раздел оказался, на беду, куда более «сокращенным», чем в его время.

В чем-то неуверенный, Майкл вернулся к тексту.

– Понимаю, что толку от меня мало, но кто это говорит – Эней? Или король Эвандер? Конечно, Эней! Он все время разглагольствовал по поводу своей судьбы.

Кит, в памяти которого падежные окончания сохранились лучше, понял, что говорил все-таки Эвандер, и на всякий случай отметил что-то в тетрадке, не посчитав нужным поправлять отца. Скупость жеста быстро становилась основным принципом его поведения в делах, не представлявших для него большого значения.

* * *

В ожидании Кита, побежавшего за своим блейзером, Майкл, стоя под тяжеловесной рамой слишком большой для их холла картины Гогена, вскрывал вторую утреннюю почту, перед тем как отправиться на заслуженный, по мнению всех членов семьи, завтрак в ресторан. Поскольку ножа для разрезания бумаги под рукой не оказалось, он на собственном опыте познавал, что, как правило, вес вложенного в конверт листка бумаги обратно пропорционален значимости на нем написанного. Приглашения! Майкла нельзя было назвать человеком недоброжелательным, но мысли, возникавшие у него в голове по мере того, как он бросал на поднос вместе с конвертами твердые карточки, которые выглядели как вафли, купленные в дорогой кондитерской, были достаточно неприязненны. Само качество бумаги начинало возмущать его, однако он был достаточно честен, чтобы признать, что сам является порождением уклада жизни общества, оказавшегося способным так прореагировать – или, лучше сказать, никак не реагировать – на кризис, нависший над государством, а может, и над всем миром.

Что-то заставило его снова взять последнюю карточку. Она выделялась из прочих своим казенным видом, наверное, что-то связанное с благотворительной деятельностью Флер – в этом случае она хотя бы заслуживает внимания.

«Галерея Думетриуса приглашает

(следовали их имена, выписанные четким красивым почерком)

на торжественное открытие выставки испанских художников в своем новом помещении в Берлингтон-Гарденз в среду, 23-го августа, 1939 г.».

Звездочка, начертанная все той же точной рукой в нижнем углу карточки, приглашала его обратить внимание и на обратную сторону приглашения. Майкл перевернул карточку; такая же аккуратно вычерченная звездочка указывала на добавление:

«Представляется также небольшого размера картина Гойи из наследия Форсайта».

У Майкла мелькнуло смутное воспоминание о каких-то документах на этот счет, полученных в начале года из Национальной галереи – государственного «хранителя» некогда частной коллекции, переданной Сомсом Форсайтом в дар благодарной стране. Наверное, Флер занималась этим делом, он, во всяком случае, не имел к нему никакого отношения. К моменту смерти ее отца коллекция состояла из семидесяти с чем-то картин – некоторые из них были весьма ценные: например, Маклиз, Морланд, два старых Кроума, один ранний Тенье, Фрагонар, конечно, Гойя и, по меньшей мере, четыре Гогена. Флер пожелала сохранить только одного из них, вот этого, хотя отец в своем завещании предоставил ей полную свободу действий и она могла взять себе все, что хотела. Еще она заказала копию картины Гойи для своей Испанской комнаты, и это было все.

Что ж, они, конечно, сходят на выставку галереи Думетриуса и посмотрят на старую прелестницу, укутанную в свои черные кружева, в окружении картин, созданных ее соотечественниками. Только на какую Испанию будут они смотреть? Испанию Гойи?.. бедняги Льюиса?.. или генерала Франко?

Майкл еще раз посмотрел на приписку. Небольшого размера картина Гойи? Врожденное чувство юмора – лучшее и самое его живучее качество – вернулось к нему. Старый Форсайт порадовался бы, увидев ее.

Кит сбежал по лестнице, прыгая через ступеньки, и, обменявшись обезоруживающей улыбкой и любящим взглядом из-под нахмуренных бровей, отец и сын отправились в Сент-Джеймс-парк немного прогуляться.

Глава 7 Три завтрака

Доставив обратно в детскую дочь с едва уместающимся в руках ворохом книг, Флер отправилась на поздний завтрак с Динни Дорнфорд, двоюродной сестрой Майкла по материнской линии. Этот уик-энд Динни с мужем проводила у своей тетки Эм – вдовой титулованной дамы. В обычное время нужды в этом не было: у Динни и Юстэйса был собственный достаточно поместительный дом на Кэмпден-Хилл. Летние парламентские каникулы, поскольку Юстэйс был членом нижней палаты и одновременно Суда Королевской Скамьи, они жили вместе с родителями Динни на Мызе Кондафорд, выдерживая постоянный наплыв избирателей. Но этим летом дом в Кенсингтоне находился в распоряжении строителей и декораторов, еще и наполовину не закончивших возложенную на них задачу превратить мезонин в детскую спальню, комнату для игр и так далее. Поэтому, когда оказалось, что в пятницу в полночь Юстэйс должен явиться в парламент, чтобы принять участие в голосовании, а у Динни в понедельник рано утром запись на очередной прием к врачу, их захватила к себе в качестве гостей на уик-энд Эм.

Ресторан на Норт-Одли-стрит был невелик, и широкое окно, заставленное со стороны улицы конусообразными лавровыми деревьями в кадках, недостаточно заслоняло их от прохожих. Но Динни не захотела идти куда-то еще, четырехмесячная беременность скорее красила ее, но жара не располагала к прогулке. Собственно, и есть ей совсем не хотелось, но тетка уже начала кудахтать над ней.

– Ее любимое выражение сейчас – «поздняя беременность», – сообщила Динни, – она вычитала его в какой-то случайной брошюрке у своего доктора и, решив, что оно как раз относится ко мне, непрестанно кудахчет. Ведь она специально приехала из Липпингхолла, чтобы приготовить дом к нашему приезду. Мы же в понедельник уедем обратно. Она – душка, но я уже мечтаю о покое Кондафорда. Мама куда спокойней.

Уже несколько лет в семье Чарруэл – девичья фамилия матери Майкла, произносимая всеми ими Черрел, – господствовало мнение, что Динни и ее муж Юстэйс Дорнфорд, кавалер ордена Бани второй степени и член нижней палаты парламента от Оксфордшир-Уэст, просто не стремятся обзавестись потомством. Единственно, кто избегал разговоров на эту тему, была мать Динни, леди Чарруэл, считавшая, что она не вправе вмешиваться. Сама мать троих детей, недавно узнавшая к тому же от Хьюберта и Джин, что на свет собирается появиться пятый внук, она была настроена философски. В Кондафорде всегда считали, что Динни – прирожденная мать и жена, однако после того, как столь печально закончился ее первый роман, довольно долго казалось, что она не станет ни тем ни другим. Однако, когда в своих отношениях с мужчинами Динни приблизилась к стадии «теперь или никогда», появился ниспосланный Провидением Юстэйс. Леди Чарруэл не сомневалась, что и рождением ребенка займутся те же Высшие Силы.

Но титулованная дама и ее невестка видели вещи по-разному (про нее говорили, что она вообще ни с кем ни на что одинаково не смотрит). Она никогда не испытывала стеснения, а если бы вдруг когда-нибудь испытала, то, будучи непоследовательной от природы, не стала бы руководствоваться этим чувством. Она настаивала, что задержка обусловлена «чем-то химическим... Как-никак Юстэйс – католик... Ну, и вообще», и, встретившись с Динни, не упускала случая сообщить ей об этом. Сейчас, когда стало известно о беременности племянницы, наблюдение, которым она любила делиться с другими, утратило значение, и у нее появились новые заботы – о том, что полезно или вредно Динни, которая выросла в деревне и отличалась завидным здоровьем. Собственно говоря, единственной угрозой для ее здоровья а се moment¹⁴ была пыль, подымавшаяся при снятии чехлов с кресел и диванов в гостиной лишь изредка обитаемого дома. Именно этим и занималась руководившая дворцовым теткой, когда Динни уходила, чтобы встретиться с Флер и позавтракать с ней. Отсюда и кудахтанье, как она выражалась.

Флер высказалась прямее:

– Ну знаешь, ждать семь лет первого ребенка – срок и правда порядочный.

Динни кивнула и тут же удивила кузину своей откровенностью.

– Ты права. Боюсь, что это из-за меня.

Флер чуть свела брови в знак того, что ей и без слов понятно, что именно хотела сказать Динни. Возможно, Эм и была права?

– Нет, нет, не биологически, – возразила Динни. – Просто я хотела увериться.

– Увериться? В чем?

– В себе. И еще в том, что Юстэйс нужен мне сам по себе, а не потому, что я обязана ему тем, что стала женой и матерью.

Ждать семь лет, чтобы в этом увериться! Что-то в этом библейское, подумала Флер. И почему-то тут же вспомнила, что семь лет минуло уже дважды с тех пор, как ей самой не удалось стать женой Джона и матерью его ребенка.

– Скажи мне честно, Флер, – сказала Динни, – ты бы решилась иметь еще одного ребенка в моем возрасте?

Динни была на четыре года моложе своей кузины.

¹⁴ В настоящий момент (фр.).

– Если бы мы хотели третьего, то, наверное, решилась бы. Но у нас с Майклом все обстояло иначе. Мы приступили к делу еще совсем молодыми.

И сразу же вспомнила уже в который раз за последнее время, – что когда-то, прежде чем они с Майклом приступили к делу, она была еще моложе.

Кит, правда, родился летом, прибавила она, решив слегка запутать следы прежде, чем Динни заподозрит что-то неладное в ее настроении. К концу обычно ужасно устаешь, но у тебя это будет осенью – тогда легче.

– Гм! Я никогда не любила осень – мне всегда казалось, что это время заканчивать, а не начинать.

– Динни, мне кажется, у тебя приступ меланхолии. Не волнуйся. Несколько добавившихся фунтов ужасно действуют на нервы. Кажется, будто таскаешь невероятную тяжесть, но и это проходит.

Словно решив подвергнуть испытанию избитое, трогательно обманчивое поэтическое изречение, разрозненные тучи, уже с часу дня собиравшиеся на небе, выбрав момент затишья, вдруг прорвались, и хлынувший ливень залил тротуар за окном. Пока официант убирал со стола, кухни наблюдали потоп. Динни откинулась на спинку стула, вдыхая вливавшийся в растворенное окно посвежевший воздух, и Флер подумала, что никогда еще не видела ее такой хорошенькой: нежный румянец на щеках, рыжеватые волосы и отсутствующий взгляд темно-голубых глаз. Удовлетворенность что-то да значит!

– Обожаю запах хорошего ливня в Лондоне, – сказала Динни. – Дизель и яблоки.

Флер наморщила нос, когда уличные запахи дошли и до нее. Сама она предпочитала сухую погоду.

– Ничего не поделаешь, – сказала она. – Придется заказать кофе.

Динни выбрала *the samomille*¹⁵, считая, что это успокаивающе действует на ребенка. Мальчик ли, девочка ли, – спокойный ребенок в наши дни – Божья милость.

– У вас намечены имена?

– Нет еще. Мне всегда нравились ветхозаветные: Джошуа, Ревекка, особенно Давид. Юстэйсу, если родится мальчик, хочется дать ему семейное имя, но мне кажется, виной тому мысли о войне – продолжение рода, на всякий случай. К сожалению, дорнфордские мужчины носят... скажем, распространенные имена. Отец его всего лишь Артур, но еще имеются дяди – Персиваль и Гэвин...

– Рыцари Круглого стола, – прервала ее Флер. – Хоть Этера Пендрагона нет, надеюсь.

Лояльная Динни улыбнулась.

– Как Юстэйсу удалось избежать угрозы стать храбрым Ланселотом?

– Его назвали в честь деда. Мне кажется, что и с собственным сыном он последует этой традиции.

– Ну что ж, имя Артур в наши дни звучит скучновато – если, конечно, носит его не член королевской семьи, – но все же оно не так распространено, как большинство черреловских.

– Ну, наши не многим лучше – Конуэй, Лайонел, Хилери, Адриан. Потому-то я так мечтаю о девочке. Но, в общем, мы еще ничего не решили. А как вы с Майклом выбрали?

– Нам обоим нравилось имя Кристофер. Я хотела, чтобы он вырос человеком твердым. Майкл хотел любознательного сына, Рэн и Колумб казались нам достойными того, чтобы с них брать пример. А с Кэтрин все было просто.

– Вам повезло. В настоящий момент у нас установилось перемирие, но долго это не продлится. Наш «Мюнхенский договор» весьма шаток. Мне бы хотелось дать ребенку длинное имя, которое мы могли бы потом сократить по собственному желанию, – ну, как Кит и Кэт. А Юстэйс говорит, что хочет имя, которое ребенок с первого же раза научился бы произносить

¹⁵ Настой ромашки (фр.).

по буквам. А если уж обращаться к Библии, нужно искать имя, в котором не больше четырех букв, говорит он, иначе он от голосования воздержится. Похоже, что нам остаются только Адам и Ева.

– Или Каин и Авель.

– Или Хам и Сим... А то еще Ной. – Динни усмехнулась. – Скорей всего, придется тыкать булавкой в телефонную книгу. – Она задумчиво пригубила свой настой. – Бедняжка Юстэйс, он вовсе не упрямится, только в детстве ему хотелось, чтобы его называли Истюс, однако няня холодно отнеслась к этому, и он вовсе не хочет, чтобы сын его столкнулся с подобными трудностями. Вообще-то он ужасно милый.

Динни нежно улыбнулась, и на какой-то затянувшийся момент Флер испытала к ней чувство острой зависти. Динни, как и самой Флер, не позволили выйти замуж за человека, которого она страстно любила, – в ее случае это был Уилфрид, тот самый Уилфрид, который познал за несколько лет до этого «муки и мрак отчаяния» безответной любви к Флер, – и эта общность судьбы установила крепкую связь между двумя женщинами, над причиной которой сами они мало задумывались. Однако, не в пример Флер, Динни удалось избавиться от осколков своего разбитого сердца прежде, чем она вышла замуж. В конце концов, это выход – разумеется, лучше вынести осколки за дверь, чем постоянно наступать на них.

– А как Юстэйс? Все время в парламенте? Как и Майкл?

– Последнее время просто пропадает там. Или в своей «операционной». Он всего себя готов отдать избирателям, ну а те, конечно, рады взять как можно больше.

– Майкл недавно цитировал Уилфрида, – сказала Флер, наблюдая за Динни сквозь опущенные ресницы.

– Уилфрида? – Впечатление было, что она с усилием восстанавливает имя в памяти. – Почему?

– Чтобы доказать что-то в своем письме в «Таймс», насчет какого-то ветерана. Ты же знаешь Майкла. Он спит и видит, как бы побороться за правое дело.

– А Уилфрид всегда выискивал, как бы камня на камне от такого дела не оставить. – Динни слабо улыбнулась и посмотрела в окно на затихающий, перед тем как обрушиться с новой силой, дождь. Возможно, она сознавала, что взгляд Флер устремлен на нее, – возможно, однако, что ее это несколько не беспокоило.

И все потому, что она удовлетворена жизнью, думала Флер – сосредоточенность на себе ей заменила забота о других. В той или иной степени эта издревле присущая человеку готовность послужить была свойственна всем Черрелам. Отец Динни и ее дядя дослужились до высоких чинов и званий. Конуэй – генерал, Лайонел – судья, Хилери священнослужитель, Адриан – профессор. И Майкл унаследовал от матери стремление ставить на первый план интересы других в ущерб собственным – чувство, несмотря на долгие годы близости, остававшееся в представлении Флер столь же чужеродным, как иноземное зерно для Руфи. А у Динни это было в крови. Она страстно любила Уилфрида, но преданность мужу помогла ей вновь обрести сердечный покой. Что ж – некоторым это по плечу.

– Знаешь, Динни, – мы все восхищаемся тем, как ты сумела заставить себя забыть Уилфрида. Ты когда-нибудь думаешь о нем?

Флер прекрасно сознавала, что вопрос – да и предшествующая ему фраза – были несколько ехидны, но что поделаешь, преувеличенное спокойствие Динни затрудняло сохранение собственного.

И снова Динни неожиданно произнесла не те слова, которых ждала от нее Флер.

– Флер, помнишь – как-то ты сказала мне, что получила предохранительную прививку еще до появления Уилфрида?

Флер прекрасно помнила. Тогда же она сказала, что если когда-нибудь расскажет об этом – о том, как получила прививку, – то только Динни, и никому другому. Но больше она никогда

не возвращалась к этому разговору. Может, и к лучшему – у нее закралось подозрение, что она понемногу теряет иммунитет.

Поэтому Флер только кивнула и прямо посмотрела в глаза кузине.

– Должна признаться, – продолжала Динни, – что в то время я была так поглощена своей первой любовью, что не поняла, что ты хочешь этим сказать...

– Но теперь-то понимаешь?

– О да! Видишь ли, мне прививку сделал Уилфрид... милый Уилфрид.

– А Юстэйс?

– Юстэйсу я досталась уже без микробов, когда мне инфекция не грозила – когда я была продезинфицирована.

Продезинфицирована! От этого слова на Флер пахнуло карболкой. Но в приложении к Динни оно сверкало как новый пенс – в нем было что-то положительное, надежное и настоящее.

– Вторая любовь обычно приносит больше радости, – прибавила Динни.

Флер оставила эти слова без комментариев – у самой у нее второй никогда не было.

– Поэтому я отвечу тебе – да, я думаю об Уилфриде, – продолжала Динни, – но о Юстэйсе я думаю больше.

Поскольку в ином случае вопрос терял всякий смысл, Флер бодро сказала:

– А я о Майкле. Мы с тобой удачно вышли замуж, Динни, и разумно. К тому же за людей исключительных. Будем надеяться, что оба они скоро сделают настоящую карьеру.

Дождь прекратился так же внезапно, как начался, и только с листьев лавровых деревьев еще продолжали неслышно падать капли. Флер заплатила по счету, и они с Динни постояли немного в дверях, решая, понадобится ли им полосатый зонтик, который держал, стоя у них за спиной, прислуживавший им официант. В канавах еще журчала вода, но воздух заметно посвежел. Флер махнула, отпуская его.

– Я пойду с тобой, – сказала она. – Давно не видела Эм.

Темно-синяя блестящая дверь дома на Маунт-стрит была распахнута перед ними невозмутимым Блоуром – при исключительной высоте роста и манере держать голову откинутой назад физиономия его воспринималась как некая окаменелость.

– Миссис Дорнфорд. Миледи. Леди Монт находится наверху.

Проследовав за дворецким наверх в гостиную, где чехлы до сих пор были сняты не со всех кресел, они увидели мать Майкла – осторожно перемещаясь среди сдвинутой мебели, она была похожа на какую-то крупную болотную птицу, с крючковатым клювом, выпяченной грудью, в красивом, но мало соответствующем оперении.

– А, Флер! А Майкл знает, что Липпингхолл очутился в нейтральной зоне? Выдумки Совета. Я сказала им, что это сушая ерунда, – мы можем расквартировать десять человек, не беря никого в дом, особенно теперь, когда садовник перешел в налоговое управление. Торговцам его глухота не будет помехой. Босуэлл без Джонсона прежним уже не будет. Террасу на спуске к реке он все же утрамбует. Хорошо, если бы это была одна семья. Не забудь поговорить с Майклом. Динни, ступай наверх – при твоём весе нагрузка на щиколотки слишком велика.

* * *

В расположенной на первом этаже столовой Уинифрид – не менее изысканной, чем гостиная, хотя, на глаз пуриста, несмотря на все инкрустации по дереву из бронзы и из перламутра, не вполне отвечающей излюбленному стилю французского императора, – на завтрак была подана копченая утка, восхитившая бы любого гурмана; не менее вкусны были артишоки и мусс из омара, предшествовавшие ей. Но самые большие надежды Уинифрид возлагала на

ягодный пудинг, который был еще впереди. Как хорошо, что ее осенило ограничиться одним шампанским.

Разговор шел о театре – они обсуждали новую драму Раттигана, премьера которой должна была состояться в Хеймаркете, – что ни говорите, он настоящий художник; о музыке – оба согласились, что современные английские композиторы понемногу возвращаются к мелодии – и началось это с Вогана Уильямса; об искусстве – оба с уважением относились к мнению собеседника – хотя нет, вы правы, национальная коллекция обязательно должна начинаться с Ренессанса, ну, или с того, с чего они вообще начинаются. И, если сама Уинифрид ни на секунду не позволила бы себе заподозрить гостя в том, что он будет так же мило соглашаться и с другими людьми, чье мнение отличается от его собственного, а иногда и резко расходится с ним, неужели кому-то могло захотеться заронить сомнение в ее душу?

Все то время, пока подавался и съедался пудинг, вполне оправдавший ожидания, ей не раз вспоминалось замечание Имоджин. Да, что-то в нем было, что-то знакомое. И потому, что само знакомство это было приятно и не тайло – насколько она могла судить – никакой угрозы, Уинифрид до самого конца завтрака нисколько не препятствовала естественному ходу своих мыслей. Иногда что-то в памяти воскрешал его взгляд, иногда какой-то поворот головы, а иногда какая-то мелочь в манере держаться – манере, как она не преминула себе напомнить – сугубо иностранной.

– И тем не менее для вас должно быть немного странно... – задумчиво пробормотала Уинифрид – шампанское было виной тому, что фразу она закончила мысленно, ловко увязав ее с предыдущим разговором.

– Вы о чем, миссис Дарти?

– Ну как же, о том, что, находясь в Англии, вы в то же время не знаете – а может, человек, с которым вы разминулись на улице или с которым сидите рядом в театре, является вашим кузеном, или тетей, или дядей?

Баррантес неожиданно улыбнулся – лучший ответ, улыбка, которая отразилась и мягко засияла в его темных внимательных глазах. Он приложил к губам салфетку, и этот жест помог ему скрыть от пристального взгляда то, что могло выдать его мысли. Потом, положив на край стола прямо перед собой руки, он сложил вместе кончики пальцев и только тогда посмотрел на Уинифрид; в этот момент он был слегка похож на человека, который слишком искусно и слишком долго занимался тем, что подсмеивался над добровольной жертвой.

– Боюсь, что я ввел вас в заблуждение. Я не объяснил вам должным образом свое положение, и – вы абсолютно правы – выглядит это несколько странно. Видите ли, миссис Дарти, на самом деле я знаю, кто такие мои английские родственники.

– Но мне казалось, вы говорили, что не знаете их.

– Я имел в виду, что они не подозревают о моем существовании, но я-то их знаю.

– Понимаю, – сказала Уинифрид, пока что ничего не понявшая, но надеявшаяся что-то понять с помощью прямых вопросов. – Кто ж был ваш отец в таком случае, если я могу задать вам этот вопрос?

– Ну конечно, вы можете задать мне его – в юности я совершенно измучил тем же вопросом свою мать. В ответ она мне говорила только, что он был *un ricaro*.

Поскольку в годы ее молодости не был моден испанский язык, Уинифрид не говорила на нем, но само слово и то, как Баррантес произнес его, говорили о принадлежности к одной из наиболее уважаемых профессий. Она громко повторила: «*un ricaro*», и Баррантес одобрительно усмехнулся ее стараниям точно воспроизвести его акцент.

– А что означает это слово? – спросила она.

– Мошенник... негодяй, если предпочитаете.

– О? – сказала Уинифрид, явно не предпочитавшая ни того ни другого.

– Он умер несколько лет тому назад. Те изыскания, которые я смог провести, дают мне основания считать, что по роду занятий он был просто джентльменом... и происходил из семьи вполне достойной.

– Да?

Звучало это многообещающе. Всегда нужно доверять первым впечатлениям.

– Почему же вы не пойдете и не познакомитесь с ними? Лицо его на миг отуманилось.

– Боюсь, что они встретили бы меня не слишком радушно.

– Ну, знаете, даже принимая во внимание все обстоятельства, я представить себе не могу... – Уинифрид была очень довольна этой фразой, дававшей ей возможность одним махом отмести сообщенные им вызывающие некоторое беспокойство подробности, – я просто представить себе не могу, чтобы им не доставило огромного удовольствия знакомство с вами.

Признательность засветилась в глазах Баррантеса. Уинифрид, не ожидавшей такой реакции на свои слова, показалось просто, что глаза его стали серьезней, как-то странно расширились, потемнели. Он медленно приподнял лежащую на столе ладонь. Задавая свой последний вопрос, Уинифрид непроизвольно протянула ему руку, и тут же врожденная вежливость хозяйки по отношению к гостю заставила ее остановиться. Теперь на ее худенькую руку, покрытую с тыльной стороны сетью голубоватых жилок, лег гладкий палец Баррантеса, и он сказал ей негромко и очень серьезно:

– Скажите мне, дорогая миссис Дарти, совершенно честно – принимая во внимание все обстоятельства, доставило бы это удовольствие вам?

* * *

Покидая устричный бар на Дьюк-стрит после отличного завтрака из трех блюд, которые он проглотил не смакуя, Кит подстроился к небрежной походке отца и весь коротенький отрезок улицы до Пиккадилли ощущал, как растекается по телу тепло от выпитой им доли бутылки лучшего имевшегося в ресторане шампанского. Вообще-то до дня рождения оставалось еще пять недель – он приходился на самый конец семестра, – но (как Кит уже говорил Майклу накануне вечером и о чем несколько раз писал) это был последний длинный уик-энд перед тем событием. Майкл понимал, куда клонит сын, понимал, что все это не что иное, как благовидный предлог, и тем не менее решил уступить. Для Кита же тот факт, что предок выставил по этому поводу бутылку «шипучки», имел значение ритуала вступления: он испытывал приятное чувство, если не сказать возбуждение – оттого, что оказался допущенным в широкий мир, где для настоящих мужчин не существовало запретов и препятствий, а все остальные были просто раззявами. По правде говоря, пробуждающаяся изворотливость, которая должна была хорошо послужить ему в только что обретенном мужском мире, уже сыграла свою роль при выборе ресторана. Зная, что отец любит рыбу – «разновидность белка», которую вообще-то Кит терпеть не мог, – он смекнул, что, согласившись пойти в заведение на Дьюк-стрит, выигрывает дважды. Во-первых, в названии месяца отсутствовала буква «р» и, следовательно, он не рисковал, что, приветствуя его вхождение в круг любителей устриц, кто-то угостит его этими отвратительными сырыми моллюсками¹⁶. Второе и гораздо более важное соображение – ресторан этот щеголял тем, что у них пьют преимущественно шампанское, поэтому Кит считал, что можно и потерпеть копченую семгу на столе, когда сам ешь омлет, – не такой уж большой компромисс, если это открывает доступ к «шипучке».

Перейдя на северную сторону Пиккадилли, Кит, настороженно прищутив глаза, смерил взглядом терпеливую очередь, безропотно извивавшуюся у здания Королевской Академии, где открылась Летняя выставка. Он и в обычное время с неприязнью ждал дозы культуры,

¹⁶ Истинные любители устриц включают их в свой рацион в период с сентября по апрель.

ожидавшей его в приказном порядке по субботам, чтобы как-то ослабить чувство радости от пребывания на свободе, но хоть в этот уик-энд можно, казалось бы, обойтись без нее? Когда человеку вот-вот стукнет шестнадцать. При всем умении Кита «по-взрослому» владеть лицом, Майкл прочитал выражение, промелькнувшее в глазах сына, и громко расхохотался:

– Nil desperandum!¹⁷ Я и сам небольшой любитель подобных мероприятий. – Майкл, прищурившись, посмотрел на небо, где тяжелые мрачные тучи вытесняли остатки солнечного сияния. – Все равно мы не войдем в помещение до дождя. У нас в распоряжении не больше трех минут. Как насчет того, чтобы заглянуть к бабушке – дать ей шанс вспомнить, что на носу твой день рождения?

Они быстро миновали Пассаж и прошли уже половину следующей улицы, когда безо всякого предупреждения небеса разверзлись. В двух шагах от них находилась небольшая картинная галерея с навесом над крыльцом, и они успели заскочить под него прежде, чем у них на куртках появилось с дюжину мокрых пятен. Оказалось, что свое убежище они делят с маленькой собачкой и внушительных размеров дамой, соединенными поводком. Майкл притронулся к шляпе, и в ожидании, пока природа израсходует свои запасы, все четверо замерли в приличном случае типично английском молчании.

Собачка нюхала воздух слишком коротким носом и мела тротуар излишне длинным хвостом, демонстрируя непреднамеренное соединение пекинеса и приспособления для чистки садовой ограды, и с серьезным видом взирала на льющиеся с неба потоки дождя. Ее задумчивые глаза-пуговицы выражали, казалось, одну вполне разумную мысль:

– Ничего не поделаешь – лето!

Глава 8 Послеобеденные часы

Возможно, снова напомнила Майклу о Уилфриде, чьим *fidus Achates*¹⁸ он всегда был, именно утренняя встреча с Энеем. Или, может, воспоминания вызвал летний ливень, пахнущий летними травами и плесенью. Воспоминание об Уилфриде, который полюбил Флер, но не был любим ею. Уилфриде, который спустя несколько лет полюбил юную Динни и был любим ею, хотя большой радости от этого, увы, не получил. Уилфрид Дезерт – неумный ищущий поэт, нашедший в конце концов вечный покой в мрачных объятьях какой-то реки на Дальнем Востоке. Майкл только тут сообразил, что они стоят напротив квартиры на Корк-стрит, где жил когда-то Уилфрид, на том самом месте, где он уже когда-то прятался, томимый жуткими подозрениями в отношении своей жены и лучшего друга. Кто живет там теперь? – подумал он, прислушиваясь к шуму дождя, – в этой маленькой квартирке, где решалась судьба всех их троих, где разыгрывалась почти бессюжетная драма в стольких-то актах.

Акт 1: Встреча. Она уже замужем.

Акт 2: Еще одна встреча. (Она обдумывает, не расстаться ли с мужем.)

Акт 3: Первый поцелуй. (За которым вскоре последует прощальное объятие.) Она остается на Западе. Он уезжает на Восток.

Занавес.

Кто бы ни жил здесь сейчас, Майкл пожелал ему, чтобы жизнь его в этой квартире протекала безмятежно.

Навес над их головами крикнул – на него обрушился новый поток. Летний ливень – лучший способ промокнуть до костей: тучи шли сплошной чередой, если даже кинуться бежать изо всей мочи, все равно не добежишь, вымокнешь. Кит выглянул на улицу и неприязненно

¹⁷ Не отчаивайся! (лат.)

¹⁸ Верный Ахат (лат.).

сморщился, словно погода нарочно подстроила все это, чтобы испортить ему настроение, Майкл неохотно подтолкнул сына локтем и указал на дверь позади них:

– Похоже, без культуры нам все-таки не обойтись. Вот же не повезло.

Очутившись внутри галереи, которую он не узнал, Майкл подумал, что двенадцать шиллингов, заплаченные за спасение от дождя, оказались слишком дорогой ценой. Чувствуя, что настроение его падает, он стал перелистывать каталог.

– «Наша галерея с гордостью представляет главные работы живущего в изгнании русского художника Владимира Сулова, чей радикальный подход к рисунку и композиции, категорически запрещенный в его родном городе Ленинграде, определяет его место в авангарде неоформалистического направления...» О Боже! А как насчет искусства? Пошли, надо же что-то получить за свои двенадцать шиллингов. Будем рассматривать это как воспитание характера.

Следуя за большинством посетителей – всего их было человек семь, – они начали свой обход слева и дальше уже шли по часовой стрелке.

Майкл в свое время повидал тысячи подобных выставок и на словах одобрял все современные концепции: преобладающий сатирический дух послевоенных лет, диссонансы века машин, сумасшедшие картины, отражающие безумие наших дней, идеи, освободившиеся от формы, и так далее. Но что-то в нем – скорее в его корнях, вросших в девятнадцатое столетие, – не хотело соглашаться с утверждением, что до «Великого Разрыва с Formой» и увлечения абстракционизмом в искусстве господствовал сентиментализм. Когда в модных галереях затевался разговор о напряжении, контрастах, контрапунктах и в воздухе, подобно волнам, носились и другие еще не воплощенные идеи, ему всегда хотелось задать еретический вопрос – а как насчет Красоты? И сейчас, глядя на произведения Сулова и понимая, что кое-что они из себя представляют, Майкл был уверен, что вопрос стоил того, чтобы его задать. Красота – куда она, бедняжка, девалась в наши дни? Робко притаилась за пышными юбками Надежды и Веры, насколько он может судить. Но тут Майкл рассмеялся сам над собой. Неужели он такой закоренелый консерватор в душе? Но ведь, без сомнения, думал он, без всякого сомнения, к этому должно было прийти. Мы уже так долго живем в распадающемся, раздробленном мире, двадцать лет занимаемся тем, что удовлетворяем свои низменные страсти. Веру заменил анализ, вместо Надежды пришло умение жить одним днем, моментом даже. Мы так долго жили подобным образом, что из нашей жизни почти исчезла ее суть. Мы безвозвратно измельчили себя. Современная жизнь оказалась на краю пропасти. Поэтому нам ничего не остается, кроме перегруппировки сил. Рывок в прошлое или «laisser-aller»¹⁹ неизбежен, так почему бы не начать теперь? Снова белое против черного, силы света против власти тьмы. Истина и Красота (вот она где!) против совсем уж неизвестно чего. Назад к основам жизни! Начнем Великий Возврат к Forme!

Поскольку его мысль не приветствовалась звуками фанфар, Майкл продолжил обход. Шествие замыкал Кит.

Рассматривая полотно за полотном, Кит сохранял ледяное молчание, что немало смутило бы его отца в человеке одних с ним лет. Но мальчишка вовсе не выглядел надутым, у него скорее был вид человека, открывающего в себе новые возможности. В заднем помещении галереи они подошли к главному экспонату выставки – картине, чуть ли не вдвое превышающей размерами следующую за ней по величине. Майкл внимательно следил за сыном, стоявшим перед картиной. Кит прищурился и жестко, оценивающе вглядывался в нее, затем потянул воздух носом с видом человека, пытающегося определить трудно уловимый запах.

Наконец он сказал:

– Похоже на схему строения атома.

¹⁹ А ну все к черту! (фр.)

Майкл снова посмотрел на картину. В общем, да. Чем-то напоминает. Тут только он прочел название: «Окончательный анализ» – можно интерпретировать и так. Да, вполне возможно, именно так представлял ее себе и этот Суслов – неотвратимый и логический конец всего теперешнего. Гм!.. Может, мальчик понимает толк в живописи? Говорят, способности часто возрождаются через поколение: а уж насчет того, чтобы увидеть толк, старый Форсайт не имел себе равных.

– Знаешь, папа, тебе следовало бы купить ее.

Майкл удивленно повел головой.

– Ты думаешь? Почему?

Кит одарил отца взглядом, который обычно приберегал для преподавателя математики, почтенного Смэджера, постоянно требовавшего от него изложения хода мыслей там, где и так все было ясно.

– Купи ее и храни лет двадцать на чердаке, а потом достань и объяви утраченным шедевром. Какой-нибудь недоумок обязательно клюнет.

Дальше до самого выхода они шли, как и прежде, в молчании, только у Майкла все время было чувство, что его пребольно толкнули чем-то в живот. Возможно, не только талант возрождается через поколение. Что же, со временем будет видно.

Остановившись у последней картины – смело задуманного триптиха, который для лучшего эстетического восприятия требовалось обойти вокруг, Кит заметил странно знакомую фигурку – что это знакомая, он понял сразу же, однако сказать, кто это, не мог. Ему понадобилось несколько секунд, прежде чем он сообразил, что особа, порхающая между картинами в дальнем конце галереи, была не кто иная, как чудаковатая старушка в парке, которую он принял за бабушку той девчонки и ее брата. Да, конечно, это была она. Кит огляделся по сторонам, ища взглядом девочку, но не нашел, а когда обернулся еще раз, оказалось, что и старушка исчезла. Не дай бог иметь такую родственницу! Заканчивая обход триптиха, Кит обнаружил, что и сам потерял родственника. Куда девался отец? А-а? Стоит у выхода, жестом подзывая его к себе. Прекрасная выставка – но с него довольно!

Уже на выходе Кит задержался у двери, не потому, что ему захотелось посмотреть еще один «oeuvre»²⁰, а потому, что уголком глаза увидел нечто неожиданное. В боковой витрине стояла небольшая картина – пастель в серебряной раме, на простой деревянной подставке.

– Послушай, это что, мамин родственник?

Ничего не подозревающий Майкл пригнулся, чтобы рассмотреть получше.

Пастель изображала мальчика лет восьми с сияющими глазами и блестящими волосами, который стоял у перил наверху лестницы. На нем была полотняная матроска, нахмуренные брови говорили, что он не уверен, каким способом лучше спускаться вниз, однако считает, что держаться за перила все же вернее. Майкл подумал, что картина весьма мила и название «Пробуждение» очень подходит ей. И тут его взгляд остановился на подписи художника: «Джолион Форсайт, Королевская Академия художеств». Дата была 1909 год.

– А я и не знал, что у нас в семье есть художники, – сухо сказал Кит, словно обидевшись, что от него что-то скрывают.

– Не знал и я, – признался Майкл. Кажется, имя одного из Старых Форсайтов было Джолион? Но он занимался чаем. Господи! Его вдруг осенило. Ведь это же галерея Джун Форсайт! Ну конечно же! Здесь он впервые увидел Флер, впервые встретился с будущим свекром, впервые столкнулся, так сказать, со всем своим будущим. И он так спокойно разгуливает по галерее, когда в любой момент владелица ее может дотронуться до его плеча... По спине у Майкла побежали мурашки. Он всегда испытывал неловкость в обществе этой крошечной пожилой кузины Флер и не имел ни малейшего желания возобновлять их давно прекратившееся знаком-

²⁰ Труд (фр.).

ство. Невольно придав лицу холодное выражение, он бросил взгляд назад на галерею. Узнает ли он ее после стольких лет?

Кит продолжал расспрашивать его о художнике:

– А у дедушки были в коллекции его картины?

– Что-то не припомню. Нет!

– Значит, он многого не стоил.

Они вышли из-под навеса на просыхающий тротуар. Майкл решил резко изменить маршрут: его матери еще представится шанс посеребрить ладонь внука. «Как насчет искусства?» – вот вопрос, который он больше никогда не задаст в шутку. Они вернулись на Пиккадилли, где истратили дополнительно один пенс на вечернюю газету, чтобы узнать, в каком кинематографе идет «двойная программа», и достойно завершить день.

Случилось так, что Джун Форсайт была в это время у себя в галерее, но Майкл напрасно опасался – даже столкнувшись лицом к лицу, она вряд ли узнала бы его, поскольку за последнее время зрение ее сильно ухудшилось. Из ложной гордости – в ее случае это было всего лишь негибимое утверждение своей самостоятельности – она отвергала саму возможность завести очки. Только представить себе всю эту суету – сначала идти к доктору, потом в оптику... Это когда у нее столько незаконченной работы! Полностью соглашаясь со словами философа, что нет судьбы, которую нельзя было бы пересилить презрением, Джун научилась так кривить лицо, что проблема фокусного расстояния оказалась благополучно разрешенной. Не так уж трудно слегка перекривить черты лица, которому самой историей было предназначено выражать нетерпение.

Как бы то ни было, каждую пятницу большую часть дня после обеда она проводила в тесной задней комнатке, где с раздражением проверяла арифметические подсчеты вполне компетентного бухгалтера, работавшего у нее неполный рабочий день. То, что сейчас была суббота, нисколько не улучшило ее испортившегося еще накануне настроения.

Было очень приятно повидать вчера детей. Она получила удовольствие от прогулки в парке с племянницей и племянником, но такие прогулки отнимали много времени, которого потом ни на что не хватало. Вдобавок дела у Сулова шли из рук вон плохо. «Посетители выставок просто безнадежны, – думала Джун. – Ну почему они не могут поверить в то, что он талантлив, и расхватать его картины, пока они доступны. Лет через двадцать пожалеют, что этого не сделали. Несомненно, им больше по душе ненавистный соцреализм, который насаждается государством, сурово ограничивающим творческую свободу». Ее русский вынужден был бежать из собственной страны, чтобы сохранить свой исключительный талант на благо человечества.

Дождь снова забарабанил по гудроновой крыше пристройки, где находился ее кабинет, и Джун вздернула свой говоривший о решительности подбородок. Ее оранжево-седые волосы заколыхались вдруг, и довольная улыбка объединила бесчисленные крошечные морщинки на лице. Вот это удача – ничто так не способствует превращению мещан в ценителей искусства, как непродолжительный ливень.

* * *

Юная Кэтрин Монт, сокращенно Кэт, находилась, сама еще не зная этого выражения, между двух огней. Поскольку она, по мнению окружающих, всегда довольствовалась собственным обществом, ее оставляли одну чаще, чем рекомендуется в тех случаях, когда нужно направлять молодой ум к традиционному образу мышления. Хотя Кэт иногда играла в куклы и нежно любила своего старого мишку, обычно она принимала подаренные игрушки с затаенным разочарованием – ну почему это не книга! Разочарование заразительно – дарители видели, что их подарки, часто привезенные из путешествий по чужим краям или купленные за боль-

шие деньги, принимаются вежливо, однако в ее словах благодарности отсутствует компонент, который сам по себе вознаграждает человека, вручающего дар. Из-за этого и из-за некоторых других мелочей, проявившихся за годы ее недлинной жизни, ребенок, который никогда никого не беспокоил, стал считаться «трудноватым». Чем больше захватывало ее чтение, тем чаще ей позволяли уединяться с книгой, и в конце концов чтение многое что заслонило ей. Вот в этом мире чудесных спасений, любви, смерти и трагедий ее и поджидали трудности, разрешить которые она не могла.

Поскольку Финти не позволяла ей читать за столом, она промечтала весь завтрак, не разбирая, что ест – капусту, шпинат или то и другое вместе, и лишь только ей позволили встать из-за стола, бросилась к источнику своего затруднительного положения, лежавшему на подоконнике в ее комнате. Там она сидела и сейчас, спустя полтора часа, скрестив по-турецки ноги, уютно устроившись с книгой и так и не разрешив свою проблему. А тревожило ее вот что. На прошлой неделе она закончила «Гордость и предубеждение», за этим романом последовала «Джейн Эйр», которую она дочитала сегодня утром, пока ожидала, что ее возьмут в книжный магазин. Она дочитала бы ее еще вчера, но тайное дежурство на лестничной площадке, с тем чтобы проследить уход сверкающих, напудренных, звонкоголосых гостей матери, слишком утомило ее, и она уже не смогла читать при свете своего маленького фонарика. Она знала, что, за исключением высокого темноволосого человека, все это были их родственники, но при помощи воображения – а воображения у нее хватало – они быстро превратились в иноземных принцев и никем не uznанных цыганских королей. Впервые сомнения начали одолевать ее сегодня утром. Она успела хорошо углубиться в «Грозовой перевал», но только сейчас по-настоящему осознала всю сложность своего положения. Как, ну как могла она отдать свое сердце герою книги – а она считала это совершенно необходимым каждый раз, когда начинала новую, – не нарушив верности двум его предшественникам. Как влюбиться в печального, задумчивого Хитклифа и не потерять мистера д'Арси или мистера Рочестера? И того хуже, если, конечно, это станет возможным, – как сможет сама она противостоять Элизабет, и Джейн, и своей тезке Кэтрин? Почему никто не научит ее? Почему в начале книги не напечатаны инструкции на этот счет? Или какие-нибудь примечания? Все это так трудно. И, охваченная тревогой, на которую бывают способны девочки в обременительном десятилетнем возрасте, Кэтрин Монт, не глядя на тяжелые капли летнего ливня, будто слезы, стекавшие по оконному стеклу, снова погрузилась в чтение, захваченная им и недоумевающая.

Расставшись со свекровью и кузиной, Флер решила прогуляться по Саут-Одли-стрит и потом пройти домой через Грин-парк. Надо будет по дороге взглянуть на витрины хозяйственного магазина: необходимо купить новый кофейный сервиз для утреннего завтрака. Она свернула за угол, и сразу же ее внимание привлекла фигура стройного высокого человека в темном, идущего не спеша по противоположному тротуару в ту же сторону, что и она. Металлический наконечник тщательно свернутого зонтика постукивал в такт его легким шагам. Она машинально и с приятным чувством отметила его изящество и стройность, и только тут до нее дошло, кто это... Конечно же, это был Баррантес. Он улыбнулся, узнав ее, потом переложил зонтик в левую руку и почтительно приподнял правую, как бы спрашивая позволения нарушить ее планы. Неотступен, как тень! Вот именно, он был похож на удлинненную вечернюю тень или искусно вырезанный из бумаги силуэт: вкрадчивый, взвешивающий каждое свое движение и в то же время скрытный, не раскрывающий ничего из того, что происходило у него в душе. Флер внимательно следила за ним, пока он пересекал улицу. Она подозревала – почти безо всяких к тому оснований, опираясь лишь на редко изменяющую ей интуицию, – что он принадлежит к той породе людей, которые умеют неожиданно возникнуть перед знакомыми, причем появление их никогда не бывает неуместным, никогда нежеланным, они всегда знают, когда пора откланяться, и тем не менее непременно возникают. В будущем не мешает быть настоже.

– Леди Монт! – с легким – типичным для него, как тотчас подумала Флер, – поклоном, он взял ее руку в перчатке, осторожно соразмеряя силу своего рукопожатия с ее легким. – Наша неожиданная встреча дает мне шанс поблагодарить вас еще раз, – его «bel canto» голос звучал певуче, завораживал.

– В этом нет никакой нужды, сеньор Баррантес, – возразила Флер резче, чем хотела.

– О-о? Вы уже получили мои цветы?

Еще бы! У них дома, на Саут-сквер, уже ощущается нехватка ваз.

– Получила. Чудесные!

– Не менее чудесен был вечер.

Единственное, чего хотела Флер, это продолжить свой путь, но раз уж он шел в том же направлении, они пошли рядом в ногу по посветлевшему тротуару, чуть менее пыльному, чем перед дождем. Его, по-видимому, вполне удовлетворяло воцарившееся между ними молчание, согласованный звук их шагов и легкое постукивание зонтика в промежутках. Флер, не разделявшую этого чувства, постепенно начало раздражать его непринужденное спокойствие. Она сделала еще несколько шагов, прежде чем положить конец ситуации, предполагавшей некоторую душевную близость.

– Скажите... – начала она, и в тот же момент ее случайный спутник произнес:

– Хотел бы я знать... – После чего оба остановились на месте. Он снова слегка наклонил голову. Ничто не тревожило гладкой поверхности его самообладания. – Простите! Прошу вас...

Флер уже забыла, что, собственно, она хотела сказать. Ей просто хотелось нарушить как-то затянувшееся молчание, поэтому она возразила:

– Нет, нет. Что вы хотели спросить?

– Вы можете счесть это за излишнюю смелость с моей стороны.

– Это уж предоставьте судить мне самой. – Флер тут же поняла, что пожалеет о своих словах, сказанных исключительно для того, чтобы овладеть положением. Что бы он ни сказал теперь, она вынуждена будет согласиться.

– Мне очень важно узнать ваше мнение относительно одной вещицы, которую я увидел сегодня утром, и я хотел попросить вас... Это совсем недалеко отсюда... Но я забылся. – Он вдруг резко нахмурил брови, и это невольно подтвердило искренность его слов. – У вас, без сомнения, другие планы.

– Нет, – ответила Флер быстрее, чем следовало, но ее охватило желание возразить не медля ни минуты, опровергнуть любое его представление о себе. – Немного времени у меня есть.

– Отлично! – воскликнул он, громко пристукнув зонтиком по тротуару. Из чего Флер поняла, что сделала большую ошибку, плохо воспользовалась своими картами. Чувство это было для нее новым. Баррантес осторожно взял ее под руку и перевел через улицу, после чего они свернули на Хилл-стрит и пошли в восточном направлении.

Затем они пересекли Беркли-сквер, по Брэтон-стрит дошли до Нью-Бонд-стрит и по Клиффорд-стрит до Корк-стрит. Все это время ни один из них не проронил ни слова, которое нарушило бы то, что встречные, по всей вероятности, воспринимали как молчаливое согласие давних друзей. Перестук по тротуару четырех каблуков и его зонтика создавали ритм, следуя которому шла Флер, полностью погруженная в свои мысли. Никогда прежде ей не приходилось встречать кого-то, кто мог бы потягаться с ней в искусстве держать в руках все нити светских отношений. Его умение владеть собой, любезность, манеры, его шарм и – превыше всего – живость ума были абсолютно равны ее собственным, ставили их на одну доску. Она видела в нем противника и в то же время понимала, что есть в его характере что-то родственное. На самом краю сознания формировалось что-то неясное, подобно тому, как несколько раньше формировались обложившие горизонт темные тучи, таившие в себе угрозу летнему дню. Еще

вчера вечером слабое подозрение насчет этого закралось ей в душу, а сейчас она уже была совершенно уверена в том, что он прекрасно сознает их схожесть и, более того, готов преподать какие-то дотоле неизвестные ей законы мастерства. Фантастическая мысль! И тем не менее она физически ощущала ее, а его безукоризненная учтивость по отношению к ней полностью это подтверждала! И фатализм, который в другое время Флер считала бы опасным потворством, завладел ею, заменив собой азарт борьбы. Может, принять вызов? Существует ли для нее возможность применить как-то свою энергию в этом мире утраченных возможностей? «Мама знает лучше!» En avant!²¹

Находясь в таком настроении, Флер обнаружила, что, к счастью, она оказалась способна не выказать удивления, узнав место, к которому подвел ее аргентинец. Подобно пациенту, приходящему в себя после наркоза, она сознавала, что подверглась операции, но не испытала никакой боли, поняв, что они стоят перед галереей Джун Форсайт – места, где она впервые встретила Джона.

Баррантес подошел к меньшей из двух витрин, боковые стенки которых образовывали небольшой раструб, выходящий в прихожую. Он жестом пригласил ее подойти. Стоя совсем рядом с аргентинцем, поскольку раструб даже в самом широком своем месте не был достаточно поместителен, Флер увидела в витрине небольшую пастель, стоявшую на подставке.

– Это, должно быть, ваш родственник, леди Монт, – сказал он, – Джолион Форсайт.

Она взглянула на подпись художника – фамилия, которую когда-то носила она сама, и дата. И в памяти возник отзвук голоса молодого человека, произнесшего слова, на всю жизнь застрявшие у нее в сердце: «Форсайт? Знаете, ведь это и моя фамилия. Может, мы родственники?» – это были первые слова, которые она услышала от него.

– Да, – услышала свой голос Флер – он звучал будто издалека, хотя ей казалось, говорит она как обычно. – Он двоюродный брат моего отца.

И тут она поняла, что слова аргентинца, рикошетом отскочившие от стекла, которое отделяло ее от картины в серебряной рамке, содержат и еще одно значение. 1909 год. Маленькому мальчику в матроске было на вид лет семь или восемь, так же как и ей самой в то время. Она смотрела на детское личико под шапкой светлых волос. Сомнений быть не могло – однако в душе ее, пока она стояла в узенькой прихожей, ощущая легкую дрожь в коленях, не было места жалости. Флер невольно дотронулась до стекла. Как хорошо было бы проникнуть внутрь, потрогать его волосы, разгладить морщинку между бровями, с детства придававшую ему сходство со львенком. Конечно, мальчик был не кто иной, как Джон!

– Очаровательная вещица, на мой вкус, – сказал Баррантес. – Видно, что художник работал с увлечением. Качество не так часто встречающееся. А мальчуган сосредоточен на чем-то.

Да, он всегда был на чем-то сосредоточен. Как удалось иностранцу найти столь точное слово!

Чтобы глаза не выдали ее собственных чувств, Флер все ниже наклонялась к картине и в конце концов коснулась лбом витрины. Приложившись к холодному стеклу, она мгновенно выпрямилась и снова насторожилась. Отражающийся в стекле Баррантес внимательно наблюдал за ней, не двигаясь, точно приготовившийся к прыжку кот. Она повернулась к нему и светски улыбнулась: голос и глаза ее были холодны и тверды, как стекло.

– Вот именно, сосредоточен! Я думаю, что это мой двоюродный брат Джон Форсайт, хотя мне казалось, что его отец писал исключительно акварели.

– Ага! Я так и думал, что история картины должна быть вам известна...

Оборвав себя, он поспешно толкнул зонтиком входную дверь, распахнул ее и, отодвинувшись к противоположной витрине, прижался спиной к стеклу, в то время как крупная женщина, державшая на руках собачонку с приплюснутым носом, проследовала мимо них через

²¹ Вперед! (фр.)

тесную прихожую. Выйдя за дверь и остановившись под навесом, она, не обращая внимания ни на что, кроме неба, к которому был возведен ее недоверчивый взгляд, повернулась и, громко выразив свое недовольство, зашагала к Пиккадилли. Баррантес оторвался от витрины, но не выпустил дверь из рук.

– Итак, решение принято, – сказал он.

– Какое?

– Я куплю ее! – Он снова сделал свободной рукой приглашающий жест и застыл в этой элегантной позе, так что Флер, которой вовсе не хотелось входить в помещение, где все напоминало о нежнейших минутах ее жизни, ничего не оставалось, кроме как быстро придумать, почему она не может это сделать. Того и гляди, его мелкие козыри заберут все ее онеры.

– Я не могу...

– Это займет не более минуты...

– Мне нужно вон в ту кондитерскую...

– Тогда я догоню вас там.

Он сделал шаг к двери, положил свободную руку на то место, где глубоко под жилетом должно было находиться его сердце, и, отвесив легкий поклон Флер, без слов исчез за дверью, ведущей в галерею Джун Форсайт.

Глава 9 И, наконец, вечер

Домой на Саут-сквер Флер вернулась уже под вечер, держа в охапке увесистый знак преданности, завернутый сперва в папиросную, а затем в коричневую оберточную бумагу, с головой, полной новых досадливых мыслей, перетасованных с заново взбаламученными старыми. Входя в кондитерскую, она надеялась, что успеет уйти оттуда, прежде чем появится аргентинец. Но он оказался прав – покупка в галерее Джун заняла у него всего несколько минут, и не успела Флер расплатиться за два кулька карамелек – один для Кита, чтобы захватить с собой в школу, и другой для него же, чтобы разделить с сестрой, – она, даже не повернув головы, знала, что Баррантес уже поджидает ее на улице за дверью. Если бы она могла приклеить к нему этикетку «пошляк», будь он «de trop»²², она поставила бы его на место одним словом или даже взглядом. Но ни в чем подобном обвинить его она не могла. Он не отнял у нее больше времени, чем обещал; его поведение все это время было безупречным; он был внимателен и спокоен. И все же – а может, как раз поэтому – его предупредительность начинала приводить ее в бешенство.

Выйдя из кондитерской, они снова пошли в ногу по ярко освещенной солнцем Корк-стрит. Скорей бы расстаться! Он нес под мышкой прямоугольный, завернутый в оберточную бумагу пакет, и зонтик теперь уже висел на сгибе локтя.

– Итак, вы купили картину моего кузена.

– Купил. И, как мне сказали, купил очень дешево – похоже, что цены на работы вашего родственника растут.

– Трудно поверить!

– Нет, правда! Владелица галереи сама сказала мне. Она даже собирается позднее в этом году устроить его ретроспективную выставку.

Гм! Джун. Они не виделись после того, как она последний раз рассталась с Джоном. Флер ощутила прилив нерадостной гордости оттого, что интуиция посоветовала ей воздержаться от посещения галереи вместе с аргентинцем.

– Итак, я стал обладателем подлинного Джолиона Форсайта, – сказал Баррантес.

²² Человек, позволяющий себе лишнее (фр.).

Всякий раз, как он произносил это имя, Флер чувствовала, что нервы ее напрягаются все больше.

– Хотя, конечно, – продолжал он, и его улыбка незаметно перешла в странную гримаску, – я никогда не мог бы считать себя ее законным владельцем.

Они уже подходили к следующему углу. Здесь она должна расстаться с ним. Флер так сосредоточилась на этой цели, что, когда из «Олбани» вышел какой-то человек и, приподняв шляпу, хотел что-то сказать ей, она, не заметив этого, холодно отвернулась. Человек пошел дальше, но, очутившись под прикрытием ближайшего тента, остановился и проводил внимательным взглядом знакомую даму, занятую разговором с незнакомым ему господином.

– Я надеюсь, снисхождение к моей просьбе не мешает вам быть на месте в назначенное время.

– Забудьте об этом, однако теперь уж мне придется взять такси.

Еще несколько секунд, и она уедет. Баррантес уже поднял руку. Вывернувшись из Сэвиль-роу машина приближалась к ним; шофер опустил в ней все окна, тщетно пытаясь устроить сквозняк. Аргентинец открыл дверь, подержал ее и осторожно прикрыл после того, как Флер села, ощутив через платье жар нагретой черной кожи. Она наклонилась к шоферу, чтобы сказать, куда ехать, и чуть не коснулась щекой лица аргентинца, пригнувшегося ко второму опущенному окну.

– Благодарю вас за то, что вы потратили на меня время, и за вашу помощь, – произнесли его губы, находившиеся в шести дюймах от ее собственных. На миг ей показалось, что непрозрачный колпачок, вроде тех, что нахлобучивают иногда на головы отдыхающих ястребов, сдвинулся, открыв его глаза. – Прошу вас, разрешите мне... – спокойно и в то же время настойчиво прибавил он, передавая ей прямоугольный пакет.

Еще до того, как Флер успела запротестовать, она подставила руку и придержала пакет, чтобы он не упал, тут же ощутив тяжесть переданного подарка. В следующий момент Баррантес подал знак шоферу. Последнее, что она увидела, когда машина, встроившись в поток уличного движения, уносила ее вместе с лежащим у нее на коленях портретом Джона, был аргентинец, склонивший голову в прощальном почтительном поклоне.

Этот новый образ что-то понявшего Баррантеса продолжал упрямо присутствовать на периферии ее мыслей, пока она переодевалась, чтобы отправиться в ресторан «Монсеньор» на обед с Мессенджерами – с Вивианом и его второй, молоденькой, женой Ноной. Но внимание ее было приковано к постели, занявшей почетное место на принадлежавшем когда-то ее бабушке Эмили пемброкском столе, на котором было уже расставлено с дюжину семейных портретов. Она сидела спиной к туалетному столику и, не отрываясь, смотрела на портрет, закинув ногу на ногу, обхватив себя руками, погруженная в свои мысли, подобно индийскому священнослужителю, ушедшему в созерцание мандалы. В руке она держала щетку, но, только услышав шаги Майкла, спускавшегося вниз с верхнего этажа, провела первый раз ею по волосам; к тому времени как он, побыв недолго в своей комнате для переодевания, проходил через спальню, можно было подумать, что только этим она и была занята.

– На западном фронте без перемен! – воскликнул Майкл. – Что может быть лучше фунта отменных карамелек, если требуется заткнуть рот малышам и их братцам, причем недовольство Финти бесконечно улучшает их вкус.

– Кит знает, что один кулек он должен увезти в школу.

– «Поздно! – вскричал страж».

– Ты портишь его, Майкл.

– Я? Ты так думаешь? Возможно. Но, наверное, не больше, чем он портит меня. Эй!.. А ведь я знаю этого мальчишку.

Майкл шагнул прямо к постели, а у Флер с такой силой перехватило дыхание, что даже в ушах зашумело, и она притворилась, что щетка застряла в запутавшихся волосах. Но это же невозможно! Откуда мог знать его Майкл?

– Мы ее видели сегодня в галерее, – весело продолжал он, – какое совпадение, что ты решила купить ее.

– Да, действительно! – Что еще она могла сказать? Только когда же Майкл был там? Глупый вопрос: ясно, что прежде, чем она и аргентинец. – Я проходила мимо, возвращаясь от Эм, – сказала она. Легче всего солгать, не слишком отдаляясь от правды, и потом уж держаться этой лжи.

– Получилось, что мы с тобой сыграли в «Бокса-и-Кокса»²³. – Майкл взял постель в руки – из-за серебряной рамы она оказалась тяжелее, чем он думал. – Мы с Китом тоже решили навестить маму и по дороге зашли в галерею. Выбор был между двумя разновидностями погружения – в искусство или в водную стихию. Вообще-то наш сын и наследник, наверное, предпочел бы нырнуть в воду.

Теперь, вторично рассматривая постель, Майкл понял, что она действительно хороша, много света, экспрессии, и к тому же была в ней, как это говорится, увлеченность, что ли?

– Гм, Джолион Форсайт хорошее имя для вызова духа на спиритический сеанс.

Флер продолжала работать щеткой.

– Он что, один из Старых Форсайтов?

Даже после девятнадцати лет тесного знакомства с семейной хроникой Форсайтов Флер часто приходилось разъяснять Майклу ее запутанный ход – оплошность, конечно, но человек не столь великодушный мог бы решить, что она умышленно что-то темнит.

– Нет, – невозмутимо ответила Флер, – он из следующего поколения папиного и Уинифрида.

– Еще жив?

– Умер несколько лет тому назад, кажется, так.

– Кит увидел имя и спросил меня, были ли картины этого художника в коллекции деда?

Как ты думаешь, он будет понимать толк в живописи?

По причинам собственным и не перестававшим тревожить ее, Флер была убеждена, что картина прекрасна, одухотворенна, и, по-прежнему неправильно истолковывая слова мужа, ответила убежденно и совершенно спокойно:

– Я считаю, что мальчик нарисован довольно мило. Разве нет? Взгляни хотя бы на эту морщинку.

Развернув пакет, она только на нее и смотрела.

– Да, суть века Разума им хорошо ухвачена. Собственно, я имел в виду Кита. Он сделал несколько замечаний в галерее, из которых я заключил, что он может увлечься коллекционированием.

– Что ж, может, пойдет в папу.

Собственно говоря, к этому выводу как раз и пришел Майкл.

Сознавая, что она лишь усугубляет обман, Флер прибавила:

– Мальчик в своей матроске похож на Кита в детстве, тебе не кажется? Когда на него надевали матроску? Поэтому я и обратила внимание на этот портрет.

Помимо того, что у мальчика в серебряной раме были светлые волосы и глаза, как у их сына, Майкл не находил между ними большого сходства, разве что какое-то отдаленное, семейное, но он был готов поддержать ошибочное суждение пристрастной матери.

– Ну так кто же кого портит? – сказал он, целуя ее в лоб.

²³ Название комедии Мортон, где два персонажа, Бокс и Кокс, поочередно занимают одну и ту же комнату.

Он осторожно поставил пастель на стол среди прочих портретов, и при других жизненных обстоятельствах его наивность могла бы вызвать у Флер слезы. Волосы она довела до прямо-таки умопомрачительного блеска!

Поворачиваясь, чтобы пойти к себе в комнату, Майкл скинул пиджак и осмотрел его: моросивший дождь почти не оставил следов на тонкой шерстяной ткани. И тут же сердито ругнулся под нос – из внутреннего кармана выпал на ковер запечатанный, с марками, конверт. Письмо в газету! Весь день он собирался отправить его и вот, нате вам, принес обратно домой. Вот же растяпа! Но когда он подбирал конверт, ему пришло в голову, как загладить вину. Не так уж это сложно.

– Пожалуй, я съезжу и проведу старину Льюиса, – сказал он Флер, садясь на край кровати. – Нанесу ему завтра визит в миссии.

– Это еще зачем? – спросила Флер – собственные слова резанули ей слух. Ну почему, стоило Майклу выказать беспокойство по поводу кого-то или чего-то, по поводу жизни, наконец, и жесткие слова уже навораживались на язык. Она попыталась смягчить их.

– Я хочу сказать – ну что ты еще можешь сделать для него?

Майкл пожал плечами.

– Показать, что я не забыл. Угостить его обедом. Сунуть в задний карман пять фунтов. Не так уж много, но, черт возьми, не могу же я просто умыть руки.

– Нет. Ты не можешь. Ты наделен чувством долга. Готов отдавать себя людям. Чувства, которых я, похоже, начисто лишена.

– О, Флер, но это же ерунда.

– Забавно. Эм тоже употребила это слово сегодня.

По выражению лица Майкла можно было понять, что он ранен в самое сердце и готов порвать всякие отношения со своей матерью за то, что она могла предположить такое.

– Да это относилось не ко мне. Она жаждет расквартировать в Липпингхолле эвакуированных, но тот район не был предназначен для их размещения. Ты знал об этом? Она заявила, что это ерунда, и собирается поселить у себя десятерых.

– Еще бы! И еще половину Бетнел-Грина, если ей дать волю.

– Но ведь это же и есть самоотдача. Желание сделать для людей что-то, что ты не должен делать. А я на это не способна, так ведь?

– Рискую прослыть человеком, безнадежно приверженным к принятым в семье оборотам речи, – нежно сказал Майкл, – я повторю еще раз – ерунда!

Но не всерьез же она? А если всерьез? Тревожный знак, и не первый из тех, что он стал замечать последнее время.

Флер устало подошла к кушетке, стоявшей под окном, и встала на колени на шелковую полосатую подушку. В сквере зажглись фонари, желтовато-бледный свет упал ей на лицо, и он увидел, что глаза ее странно лишены выражения. Господи Боже! Она это серьезно. Очевидно, он последнее время манкировал своей обязанностью поддерживать в ней бодрость духа.

– Ты просто не хочешь этого видеть, Майкл, правда?

– Чего? – Он подошел, сел рядом и взял ее руку. – Что ты сильна, полна жизни и искришься, как бриллиант...

Флер отдернула руку.

– И так же тверда?

– Милая моя, теперь ты не хочешь видеть. – Он побаивался отвечать ей в том же духе. Нужно еще раз попытаться развеселить ее:

– А как насчет твоих благотворительных дел?

Флер опустила ресницы и приподняла брови – гримаска, обнаруживавшая ее французское происхождение и говорившая «Делаю то, чего от меня ждут».

Майкл перешел к теме, в которой чувствовал себя уверенней.

– А как насчет этого молодого человека... – он указал на пастель головой и потому не заметил, как она вздрогнула, – насчет одиннадцатого баронета? и его сестры? Для них ты делаешь все. Я убеждаюсь в этом ежедневно.

– Но они же часть меня самой, Майкл. А если я когда-нибудь кого-то любила, то только себя. Наверное, во мне слишком много форсайтского, и другой я быть не могу.

Майкл быстро оценил разговор и определил, к чему он может привести. Что он мог возразить ей? Разве она проявляла когда-нибудь эти спорные качества? Положа руку на сердце, он не знал, что ответить на это. Но ведь это и не входило в «соглашение», как говорят в Америке. С тех пор как он впервые увидел ее – все в той же маленькой галерее на Корк-стрит, – он пребывал в отчаянии, с ума сходил от желания назвать ее своей. В конце концов она стала его женой. И только. Вот это входило в «соглашение». Флер, очевидно, тоже увидела выход – внезапно она нетерпеливо задернула шторы. Скрывшийся за ними Биг Бен начал отбивать ранний, теперь уже вышедший из моды час обеда.

Глава закрыта – временно.

– Динни шлет тебе привет. Она прямо-таки расцвела.

Глаза ее вновь обрели выражение – надолго ли? – подумал Майкл.

– Это все воздух Кондафорда, – ответил он. – Черрелам пора начать разливать его по бутылкам. По крайней мере у Юстэйса будет запасная профессия, если избиратели когда-нибудь возьмутся за ум и погонят его.

Смешить, подбадривать! Что ж, во всяком случае, она улыбнулась.

Глава 10

Уинифрид навещает прошлое

Утром на следующий день после замечательного ужина у Флер миссис Уинифрид Дарти и сэр Майкл Монт восседали на заднем сиденье принадлежащего Уинифрид небольшого автомобиля – модного ландо с не опущенным, несмотря на жару, верхом, торжественно катившего в направлении, трудно ассоциирующемся с Форсайтами, – в сторону северной окраины Лондона. Уинифрид предпочла бы, чтобы их необычайное путешествие состоялось не в воскресенье, однако для Майкла это был самый удобный день, а согласиться на поездку было с его стороны и вообще-то большой любезностью.

– Надеюсь, Майкл, я не слишком затруднила вас.

– Что вы! Отнюдь.

– Вы понимаете, почему я не могла попросить никого другого – Вэла, или Имоджин, или Флер, – мне не хотелось никого волновать. А они обязательно подумали бы, что за моей просьбой что-то кроется.

– Разумеется. – Майкл перехватил взгляд Уинифрид и понял, что короткими ответами тут не отделаешься. – Честное слово, тетя Уинифрид, мне посещение этого места пойдет только на пользу. Уверяю вас.

– Да, это уж конечно. В конце концов, они ведь все собрались там...

Но тут Уинифрид неожиданно вспомнила, что на деле все обстоит не совсем так. Под словом «они» она подразумевала Старых Форсайтов – необычайно прочное поколение, предшествовавшее ее собственному. Она прекрасно знала, что из тех десяти братьев и сестер только восемь, не расставшись даже в вечности, покоились в том лондонском предместье, куда они с Майклом направлялись сейчас по идеально гладкому шоссе; Старый Джолион – старший из братьев и Сьюзен – младшая из сестер предпочли для упокоения другое место. Сьюзен, вдова Хэймена, который был родом из Уокинга, по необъяснимым причинам остановила свой выбор на кремации, с тем чтобы ее прах был затем развеян неподалеку от этого городка – «на последней крупной станции жизненного пути». Что же касается последнего приюта дяди Джолиона

на погосте в Робин-Хилле, неподалеку от того дома... Унифрид медленно помотала головой, отгоняя мысли.

– ...и там скоро буду и я, – закончила она.

– Тетя!..

– Очень мило с вашей стороны, Майкл, но, увы, это так. Мне ведь скоро исполнится восемьдесят один год, я уже очень стара. Конечно, для Форсайтов это не так уж и много – мой отец дожил до девяноста лет, дожил бы до этого возраста и Сомс, если бы не тот ужасный пожар. Я могу и сама дотянуть до этих лет, но, если нет... – Унифрид даже не попыталась закончить фразу и снова стала с неудовольствием рассматривать дома, мимо которых они проезжали.

– Понимаю, – сказал Майкл. – То есть это своего рода перестраховка?

– Совершенно верно. А если у нас будет война, а она будет, я полагаю? – Унифрид заметила, что племянник дипломатично пожал плечами. – Нет, нет, вы правы, можете ничего не говорить мне. Так вот, что бы ни случилось, я хочу знать, что все будет в порядке.

– Отец Флер как-то сказал мне, что знает по собственному опыту – возникают лишь те случайности, которые не были предусмотрены.

Унифрид хмыкнула в знак согласия:

– Тут он не ошибался, хотя не думаю, что он стал бы настаивать на своей правоте, зная об обстоятельствах своей кончины.

Последнюю милю они ехали в молчании, но думали об одном и том же. Майклу с его ироническим складом ума всегда казалось величайшей насмешкой судьбы, что такой осторожный во всех отношениях человек, как его покойный тесть, мог пасть жертвой столь странного ее выверта.

Во время пожара, загадочно начавшегося в картинной галерее его дома в Мейплдерхеме, Сомс Форсайт спас жизнь дочери ценой собственной, вытолкнув Флер из-под падающей картины и приняв на себя всю тяжесть ее. В этом поступке проявилась вся сила духа Сомса, его мужество, способность забыть о себе ради другого – качества, которые он и не подозревал в себе и которые если когда-то и выказал в прошлом, то всего лишь один раз.

То, что он, сперва раб Красоты, а затем ее жестокий господин, был в конце концов уничтожен Искусством, которому поклонялся всю жизнь, воспринималось Майклом главным образом как некий иронический замысел судьбы, непостижимый для него из-за недостаточного знакомства с форсайтскими летописями. Он знал, однако, что картина, нанесшая смертельный удар, была копией с полотна Гойи, которую Сомс заказал из-за сходства изображенной на ней женщины с Флер. Погибнуть от копии, чтобы спасти оригинал. Страховка, оправдавшая себя, но какой ценой!

Шофер сбавил ход, остановился и почтительно распахнул заднюю дверцу. Майкл помог Унифрид выйти.

– Вот и приехали, – сказала она, выпрямляясь – от этого усилия дал себя почувствовать минутной болью прострел.

Они приехали на Хайгейтское кладбище, где было погребено Викторианство и его верные поборники Форсайты.

Майкл прочел надпись над коваными железными воротами:

«Там восседала Тень, страшась человека и положившая конец нашей светлой дружбе!»

– Да, Альберту чувства юмора было не занимать.

– Да уж, – кисло улыбнулась Унифрид. – Подумать только, что Виктория так никогда и не догадалась, что писал он о другом мужчине.

Улыбнувшись неожиданной житейской мудрости своей тетки, Майкл предложил ей руку, и они вместе вошли в раскрытые ворота.

Когда в середине прошлого столетия мистер Гири основал Лондонскую кладбищенскую компанию, он достиг действительно вершины викторианского предпринимательства. Сделать из фактов, свидетельствующих о росте в прошлом веке числа сторонников секуляризации, вывод, что его сограждане охотно воспользуются возможностью за сумму в двести гиней и выше вкусить от своего бессмертия уже при жизни, было гениальным озарением, вполне заслуживавшим состояния, которое оно принесло. Таким образом, Хайгейтское кладбище стало бастионом ценностей крупной буржуазии. Без всякого сомнения, утверждали фамильные склепы из резного гранита, оповещали пухлые херувимы, молились печальные каменные ангелы, без всякого сомнения, всем тем, кто так хорошо представлен здесь в смерти, гарантировано лучшее из того, что может ожидать человека в загробной жизни.

И тут страховка! А может, бог богатства Мамона был в начале жизни страховым агентом? – подумал Майкл.

Промозглый холодный туман окутывал все вокруг, даже лучи утреннего солнца не могли пробиться сквозь него, хотя и играли весело на колоннах, статуях и горельефах. Поднимающаяся от земли холодная сырость проникала сквозь кожу ботинок – а может, это был холод смерти, таившийся в ней. Да нет, это просто ветерок, дувший с горы, открытой всем ветрам и не способной сохранять дневное тепло. Майкл повел лопаткой – той, что была дальше от Унифрида, – стараясь унять дрожь.

Они подошли к форсайтскому склепу, находившемуся в Ливанском круге. Рядом, как часовой, стоял крепкий одинокий кедр. Редкие облака, похожие на заячьи хвостики, были рассеяны в быстро меняющемся небе. Массивное, прочное сооружение олицетворяло, казалось, саму сущность людей, чье имя носило. По мнению Майкла, больше всего оно было похоже на уже смонтированную стандартную пристройку к клубу для избранных. В некотором смысле так оно и было. К клубу, предъявлявшему своим членам только два требования: вечное членство и вступительный взнос, не подлежащий возврату. Высокое, безобразное, ни на какое другое не похожее, с меньшим, чем на других, количеством завитков и украшений, с одним-единственным каменным венком в самом центре фасада над строго выгравированными словами: «Семейный склеп Джолиона Форсайта. 1850 г.». При виде его Майкл невольно подумал, что должного восхищения перед этой семьей он до сих пор никогда не испытывал. Уважение, которое он чувствовал к своему тестю, должно было распространяться на всех ее членов, на всех предков. Создать такую семью на пустом месте – без высочайшей милости, без пожалованной земли, как это было с его собственной семьей, – только тяжелым трудом и усердием! Флер как-то говорила ему, что ранние Форсайты были мелкими фермерами-арендаторами. Неудивительно, что они, рожденные на земле, были сильны и выносливы. Прodelать за два поколения путь от мелкого фермера до джентльмена! Неплохой урожай!

Майкл почувствовал легкое шевеление сбоку – это Унифрид вынула руку из-под его локтя. Он понял ее жест и приостановился – последние несколько шагов она прошла одна.

Она принадлежала к тому классу и к тому времени, когда женщинам полагалось ожидать дома, пока мужчины хоронят близких, и Унифрид впервые видела семейный склеп. Его простота и внушительность удивили ее и в то же время произвели большое впечатление. Так вот где покоились Старые Форсайты, как их называли еще при жизни. Энн, Джемс, Сьюзен, Роджер, Джулия, Эстер, Николас и «беби» Тимоти – все они были погребены здесь. Схоронила Унифрид и многих из своего поколения: двоюродные братья и сестры – Джордж и Фрэнси, молодой Роджер, молодой Николас, Юфимия, и ее родные сестры Речел и Сисили – тоже лежали здесь. Ну, а ее любимый брат, который здесь не лежал, а был по собственному желанию похоронен под стволом старой дикой яблони на погосте в Мейплдерхеме. Сомс! Когда-то он считался самым несокрушимым Форсайтом из них всех.

Протекали минуты, а Уинифрид все стояла, не шевелясь, чувствуя себя одинокой, как никогда в жизни. Никого из них больше нет, все они, персонажи, игравшие очень большую роль в ее жизни, ушли из нее; ушел и ее век – век нарядов и карет, перьев и кружев, танцев, веселья и юности – все это исчезло вместе с ними. Она попыталась вспомнить, когда последний раз все они, живые, собирались вместе. На ее собственной свадьбе? Нет, конечно же, нет. Это было... И тут она вспомнила. На приеме у дяди Джозиона, когда была объявлена помолвка его внучки Джун и молодого архитектора Филипа Босини. Как закружились события после того рокового дня! Он положил начало всему.

С нее было довольно! Хотя, прежде чем признаться в том, что силы ее уже на исходе, она долго еще могла бы держаться, но... внезапно Уинифрид почувствовала смертельную усталость. Она вернулась к Майклу, и какое-то время они молча ходили по поросшим травой дорожкам, она снова держала племянника под руку, только опираясь на него чуть сильнее, чем прежде.

– Хотела бы я знать... – сказала она. Они прошли еще несколько шагов, и только тогда она закончила фразу. – Хотела бы я знать, как все сложилось бы, не женись тогда Сомс первый раз.

Неясное предчувствие еще раньше подсказывало Майклу, что, сопровождая Уинифрид, он становится как бы землепроходцем в прошлое семьи, но даже и на этой священной территории не предвидел каких-то неожиданных откровений. С того самого дня, когда он впервые столкнулся с этой удачливой породой в той маленькой галерее, Майкл чувствовал себя как слепой нищий, проникший в залы форсайтской истории и вынужденный из-за своего увечья жаться к стенам и огибать громоздкие предметы мебели, попадавшиеся ему на пути, сознавая, что в любой момент может споткнуться и растянуться на полу, и, ориентируясь по периметру, постоянно гадать, где же находится невидимый центр. Теперь похоже было, что зрение его может быть частично восстановлено благодаря этому случайно зашедшему разговору. Майкл только один раз прежде слышал о «первом браке». Это случилось, когда Флер снова встретила со своей большой любовью (он никогда не думал о ее кузене как о любви «первой», поскольку знал, что второй у нее не было), и он попытался узнать правду у единственной из знакомых ему Форсайтов, которая казалась ему искренней. Но Джун, обладавшая, как он полагал, этим качеством, лишь чуть приоткрыла завесу над семейной тайной. Ее искренность не простиралась так далеко, чтобы она могла рассказать о собственной роли во всем случившемся, а без этого рассказ оставался неполным, отвлеченным. Она сказала ему лишь, что отец Флер был когда-то женат на матери Джона, но что брак оказался неудачным.

– Представить себе только – силой овладеть женщиной, которой ты неприятен! – прибавила Джун со своей обычной резкостью.

Зная это свойство Джун, совершенно ему самому не присущее, Майкл не воспринял истинного смысла ее слов.

Она всегда едко отзывалась о не нравившихся ей людях, и поэтому из ее слов он сделал вывод, что отношения тестя и его первой жены чем-то напоминали их собственные с Флер: то есть в их отношениях не всегда присутствовало взаимное влечение.

Итак, Майкл знал о семейной, тщательно скрываемой тайне Форсайтов; достаточно хорошее представление имел он и о кое-каких подробностях, но о сути дела и – тем более – о страстях, которые разыгрались вокруг него, не имел никакого представления. Может быть, Уинифрид просветит его?

Построив свой вопрос так, как будто все это давно ему известно и мало интересно, – прием, которому он научился в парламенте, – Майкл спросил:

– Это произошло задолго до того, как он женился на матери Флер?

Как и надеялся племянник, Уинифрид не поняла, что кроется за этим вопросом, и ответила так, как ответила бы человеку, который умудрился каким-то образом пропустить главу, читая роман.

– Господи, ну конечно же! Они ведь были женаты семнадцать лет.

Майкл вдруг ощутил легкое болезненное покалывание в затылке. Он понимал, что наконец-то движется туда, где ему вот-вот что-то может открыться, и внезапно ему стало страшно покидать привычные, так надолго затянувшиеся сумерки неведения. Семнадцать лет! Неудивительно, что все это зашло так далеко! Они с Флер были женаты всего лишь на два года дольше. Но сравнение тут неуместно – они были довольны. То есть он был доволен – а она?..

– Вообще-то прожили они вместе не больше трех лет... – продолжала Уинифрид, – или, может, четырех? Видите ли, Ирэн ушла от него. Но Сомс с этим не смирился. И очень долго думал, что сможет вернуть ее.

«Что отец, что дочь», – мелькнуло у Майкла в голове. Беспокоясь, как бы рыба не сорвалась с крючка, он осторожно держал леску на плаву.

– Они что, характерами не сошлись?

– Вы хотите сказать – ей так и не удалось совладать с моим братом?

Майкл только собрался возразить, что в его вопросе не крылось никакой задней мысли, но Уинифрид успокаивающе похлопала его по руке.

– Ладно, ладно. Я прекрасно знаю, какой у Сомса был трудный характер. Сомневаюсь, что я сказала бы это, пока он был жив, но... что уж там. Моя мать любила моего отца, но это не мешало ему по временам быть сущей Божьей карой. А Сомс во многом был похож на отца.

– А может, она – я хочу сказать, Ирэн, – он затруднился, произнося имя, которое до этого дня слышал только из уст Джун, – может, она просто не умела проявлять свою любовь? – И, вспомнив свой разговор с Флер, прибавил: – Не все на это способны.

– О, – сказала хмуро Уинифрид, приостановившись. – Если бы так. Бедный Сомс! Мне кажется, для него худшее во всей этой истории было то, что, выйдя замуж второй раз, она оказалась на удивление любящей женой. Так что, понимаете...

Пессимизм Майкла опередил его мысль – интересно, стала бы любящей женой Флер, если бы?..

– Но, как видите, все обернулось к лучшему. – Еще теплящиеся в ее душе остатки материнских чувств вызвали у Уинифрид желание утешить, хотя порыв был не вполне осознан, недостаточно силен и, к сожалению, не достиг своей цели. – В конце концов Сомс встретил Аннет.

– И тогда родились Джон и Флер, – тихо сказал Майкл. В сущности, он обращался к себе самому, мысли его находились за сотни ярдов отсюда. И тихонько прибавил: «И в роковом объятии тех двух врагов...» Женщина, которую по-настоящему любил ее отец, стала матерью человека, которого по-настоящему любила Флер! Бедные, не под той звездой родившиеся любовники. В ушах у него до сих пор звучал печальный голос Флер, попросившей его как-то вечером, еще до того, как они поженились, до того, как он решил, что никакого шанса у него нет:

– Вернитесь, когда станет ясно, что желание мое не исполнится.

Он давным-давно выяснил, что это было за желание – получить разрешение любить и быть любимой ее кузеном Джоном. Позднее от Джун он узнал последнюю недостающую деталь. Причину, почему ей было отказано в этой любви. Теперь он знал всю историю – во всяком случае, так ему казалось. И в истории этой не было... не было ничего смешного.

– Да, – твердо сказала Уинифрид. – Брак этот положил начало... всему. – Она хотела было сказать «семейной вражде», но передумала. Не в ее характере было произносить громкие слова там, где можно было обойтись спокойными.

Уинифрид продолжала рассказ, Майкл сосредоточил все свое внимание.

– Сначала все мы порадовались за Сомса. Я считала, что Ирэн тонкая натура с артистическими «наклонностями». И уж он делал для нее все, стремился удовлетворить каждое ее желание, но впечатление было, что у нее нет никаких желаний. – Тут Уинифрид сделала гри-

маску, поджав рот и опустив книзу уголки губ, отчего все припудренные морщинки на ее лице пришли в движение, придав ему особую выразительность. Самый факт отсутствия желаний был для нее, убежденной сторонницы форсайтского мировоззрения, сестры Сомса, аргументом для обвинения в «артистизме». – Он даже выстроил для нее прекрасный загородный дом, хотел попытаться начать все сначала.

– Но это не помогло? – предположил Майкл.

– Нет! Ирэн изменила ему с архитектором.

Оценивая воздействие страстей на человеческую натуру, Уинифрид невольно обнаружила полное отсутствие таковых в себе самой. Напрасна была надежда, что именно она сможет оживить забытые страницы семейной хроники.

Упоминание о доме мало заинтересовало Майкла – еще одна область семейных отношений, доселе неведомая ему. Его нисколько не удивило, что Сомс пытался скрепить распадающийся брак, подперев одну основу права другой, а именно собственностью. Считая так, Майкл был ближе к истинной сути дела, чем думал.

Сомс, этот архитипичный Форсайт, не считал, что, основываясь на имеющихся в его распоряжении фактах (как они трактовались в 1887 году), следует рассматривать брак и собственность как основы права, хотя, конечно же, таковыми они были; вернее, он полагал, что и жена, и дом были его собственностью, и, исходя из этой предпосылки, законной и верной, и решил действовать тогда, много лет назад. И для тени Сомса Форсайта могло быть небольшим утешением, что среди тех, кто сейчас, пятьдесят лет спустя, находился на Хайгейтском кладбище, только один человек – и тот уже покинувший этот мир – знал точно, к каким крайним мерам ему пришлось прибегнуть.

Однако Уинифрид еще не совсем закончила свой рассказ.

– Сомс был так очарован ее красотой, что, казалось, вовсе не замечал, что творится вокруг, а если и замечал, то его это не беспокоило. Она действительно была хороша. И сейчас еще хороша, насколько я знаю, хотя мы почти однолетки.

В голосе Уинифрид прозвучала легкая обида, как будто бы возраст, обычно стирающий различия между людьми, должен был бы устранить вообще всякую разницу между ней самой и ее бывшей невесткой.

И, ставя последнюю точку на своем объяснении, она сказала:

– Нет, этот брак с самого начала не обещал ничего хорошего. Ирэн была слишком чувствительна, слишком артистична для Сомса – для всех нас, если уж на то пошло. Но, конечно, с кузеном Джолионом все обстояло иначе – он ведь был художником. Членом Академии художеств. Вы знали это?

Нет, этого Майкл раньше не знал, а теперь его мысли, настороженные бесконечным переплетением вещей и событий, устремились дальше. «Джолион Форсайт. Член Королевской Академии художеств». Изображенный на ней мальчик – вне всякого сомнения, Джон, а Флер поставила портрет у себя в комнате.

* * *

Вернувшись на Грин-стрит, Майкл сперва вежливо отклонил предложение тетки остаться к завтраку, а затем и предложение воспользоваться ее автомобилем. Пройтись пешком до Саут-сквер будет только приятно, сказал он. Он не сказал, однако, что любезность, оказать которую он не задумываясь согласился, на деле обошлась ему дорого и что, как он надеется, прогулка в одиночестве поможет ему осмыслить и усвоить только что узнанные подробности. Если бы это случалось чаще, он, наверное, заметил бы, что подобное чувство возникало у него всякий раз после того, как он узнавал что-то новое о форсайтском прошлом.

Возвращаясь от Унифрид, Майкл непроизвольно провел рукой по пиджаку, словно тревожившая его боль находилась в желудке, а вовсе не в сердце. Под рукой нащупался какой-то плоский четырехугольный предмет. Письмо! Он вынул конверт из кармана – наклеенная на него коричневая марка стоимостью в полтора пенса франкировала его вину – и опустил письмо в почтовый ящик на углу. Теперь при удаче попадет в номер во вторник. Бедный Льюис! Бедные влюбленные! Бедные все!

Перед отходом Майкл поцеловал Унифрид в щеку, она проводила его взглядом. До чего же приятный человек, и какое стабилизирующее влияние он оказывает на Флер!

Усаживаясь за одинокий завтрак – во время которого ей вполне мог вспомниться вчерашний гость, – Унифрид Дарти призналась себе, что после предпринятой экспедиции неожиданно чувствует себя очень освеженной, – то, что она переложила большую часть собственных забот на чужие плечи, прошло для нее совершенно незамеченным. По ее ощущению можно было подумать, что она побывала на курорте, а не на кладбище. Она попросила принести утреннюю почту, чтобы просмотреть ее за завтраком, и ощутила приятную теплоту (отнюдь не от тарелки холодного огуречного супа) при виде лежащих поверх писем трех визитных карточек. Увы, ни на одной не стояло имени очаровательного аргентинца; но нельзя же ожидать, что он так скоро снова посетит ее. Одна карточка была от Летти Мак-Эндер, которая извещала, что она снова в городе и проведет здесь «сезон», вторая от Грейс – младшей дочери молодого Роджера, которая не очень-то вежливо вычеркнула на ней карандашом имена своих сестер, давая понять, что приходила одна, и третья от преподобного Джона Хэймена. Этот молодой человек был достаточно дерзок, но и очень забавен. Ну что ж, очень жаль, что все они ее не застали, но то, что сама она нанесла визит Старым Форсайтам, было ей приятно. Она действительно чувствовала прилив бодрости. Просто замечательно, даже морской воздух не подействовал бы на нее столь бодряще. Вскрывая письма, Унифрид невольно улыбнулась. Все три карточки были оставлены утром. Только подумать, что сказала бы тетя Энн, узнав об этом.

* * *

Чтобы опровергнуть превалирующее заблуждение, что Форсайт, очутившись за пределами Лондона, уподобляется рыбе, вытасненной из воды, исследователям форсайтизма следует обратить внимание на то, что в разных уголках страны, где условия наиболее благоприятны, встречаются целые вкрапления их. Так, например, на южном побережье. Не то чтобы все они были Форсайты по фамилии, конечно, нет, но, поскольку все они были теснейшим образом связаны с национальным капиталом и своими вложениями в него, в широком смысле слова их можно считать Форсайтами – представителями той осторожной живучей породы, которые, свив гнездо и выведя птенцов в городских джунглях, мигрируют уже в уменьшенном семейном составе в районы с более мягким климатом, у теплого моря, где за свои деньги, помимо законных пяти процентов, они могут получать сколько угодно свежего воздуха. Не будет преувеличением сказать, что побережье между Истборном и островом Хейлинг в настоящее время буквально кишит Форсайтами.

Вот по этой причине мисс Эли Смизер, прежде проживавшая на Грин-стрит, а еще раньше в «Коттедже» Тимоти на Бэйсуотер-роуд, с радостью обосновалась именно там, когда пришла пора заканчивать полезную деятельность.

Сидя в крошечном эркере с освинцованными рамами – до чего же мило они выглядят! – Смизер следила за тем, как медленно угасает свет за горизонтом. Закаты здесь замечательные – какое счастье, что она может наблюдать их! С тех пор, как семь лет тому назад она удалилась на покой и купила себе на побережье этот крошечный *maisonnette*²⁴ на участке «Вязы» (стран-

²⁴ Домик (фр.).

ное название – на всем участке ни одного вяза, только полоска излишне подстриженной живой изгороди и еще кусты шиповника позади дома), Смизер никогда не уставала восхищаться цветами, в которые солнце окрашивало воду, – отраженное великолепие этих красок она молча созерцала из своего эркера, не прямо, но «почти что» выходявшего на море.

День прошел быстро – для разнообразия это было даже приятно, – хотя ей было стыдно, что она так и не выбралась в церковь, но, по правде говоря, она с самого утра чувствовала себя неважно. Не то что плохо, просто неважно. Как будто выпила лишнего, так она назвала бы свое состояние, вроде как когда она со старой Джейн, кухаркой мистера Тимоти, выпивали на Рождество по рюмке хереса! Странно, почему это вдруг так потемнело – это в июне-то, может, гроза подходит? Нигде грозы так не неистовствуют, как на побережье. Невольно начинаешь бояться, как бы трубу не сломало; а бывает, что они и ломаются. И похолодало как-то, наверное, дождь будет. Она натянула на плечи свой лучший шотландский плед – прощальный подарок мисс Уинифрид, когда Смизер уходила на покой, – купленный не где-нибудь, а у «Эспри»! Она лучше завернется в него и приляжет вздремнуть – совсем ненадолго, до ужина, а за это время, может, и гроза пройдет. До чего же темно!

Она заснула, и ей приснился сон – ясный, подробный и волнующий. Один за другим перед ней проходили Форсайты – такие, какими она знала их когда-то, и каждый исполнял специально для нее немую сценку из прошлого. Она видела свой первый день в огромном доме на Бэйсуотер-роуд, когда мисс Энн начала обучать ее обязанностям горничной. Каждое утро в течение почти двадцати лет она помогала старой даме совершать свой утренний туалет и прочие интимные дела, назвать которые она постеснялась бы даже сейчас. У мисс Энн было чувство собственного достоинства, и, щадя его, Смизер в определенные моменты всегда поворачивалась к госпоже спиной – например, когда та пристраивала на голове накладные букли.

Большой дом на Бэйсуотер-роуд – интересно, кому принадлежит он теперь? Нехорошо, что он больше не принадлежит семье, но что поделаешь – молодые люди хотят иметь новые, собственные дома. Это естественно. Смизер казалось, что она видит одновременно все, что когда-либо происходило там. Словно предрождественский календарь, в котором растворены все окошки. Торжественный прием, когда ей впервые разрешили подавать чай, – мистеру Тимоти исполнилось тогда пятьдесят. А потом она вспомнила, как им всем сообщили, что умерла супруга мистера Джолиона. Как опечалился старый господин, когда, вернувшись домой, узнал о случившемся, ведь это произошло совсем скоро после той истории с мистером молодым Джолионом, когда он сбежал из дома с гувернанткой. Не выдержало всего этого сердце мисс Энн, это уж точно. Ведь он был старшим из всех внуков и, конечно, ее любимцем. Глава следующего поколения, так сказать. Мисс Энн считала, что за ним будущее. Смизер сама себе удивилась, произнося мысленно эти слова. «За ним будущее». Да, так оно и было. Но мистер Сомс очень скоро занял освободившееся место в сердце старой госпожи. Вот уж действительно ответственный и достойный господин был – и какой ужасный конец! Мисс Уинифрид – то есть миссис Дарти – очень недоставало брата все эти годы. Так хорошо с ее стороны было, что после смерти старой Джейн – когда это было, в двадцать втором или двадцать третьем? – она снова взяла Смизер в услужение. Сейчас на Грин-стрит работает горничной Миллер. Она ее хорошо выучила... внимательная девушка, шустрая, но надежная.

Тут сон Смизер снова перешел в полусон-полуявь. Воспоминание о миссис Дарти навело ее на мысль о собственном завещании. Большим утешением было знать, что оно находится у мистера молодого Роджера, «очень молодого», точнее сказать, – и что теперь все в порядке. Недоразумение с «одним пунктом» много лет мучило ее... Приятно сознавать, что все, что она заработала у них, к ним и вернется.

Смизер приоткрыла старые глаза и разочарованно осмотрелась. Гроза, должно быть, еще не разразилась, на дворе было темнее прежнего. Ой... внезапно предчувствие чего-то дурного охватило ее, может, она проспала время ужина и сейчас уже ночь. Никогда не знаешь, сколько

может продлиться хороший, крепкий сон. Старый мистер Тимоти всегда приходил в дурное расположение духа, проспав слишком долго, а умер он, когда ему перевалило за сто. Смизер дотянулась дрожащей рукой до шнура настольной лампы, стоявшей справа. Бледно-желтый луч осветил циферблат часов, стоявших на каминной доске. Ну конечно! Уже девять часов, неудивительно, что так темно. Но до чего же холодно, надо бы развести огонь. Сколько же времени она проспала? Вот беда какая, что бы сказала, узнав об этом, мисс Энн.

– Смизер, девушка вы старательная, ничего не скажешь, но до чего же копуша! Вас разве что за смертью посылают.

Смизер начала подыматься из кресла – корсет на ней при этом отчаянно скрипел, но встать так и не смогла. Ну и ну, наверное, она спала в неудачной позе – такое странное ощущение во всей левой половине тела, будто она онемела, и в то же время колотье какое-то. Отлежала себе бок и руку, догадалась она, как раз когда надо бы зажечь свет и развести огонь. Ну да ничего, смотритель должен зайти с минуты на минуту. Он не откажется растереть ей запястья, если она попросит, а это всегда оказывает хорошее действие. Мистер Фэрлоу – славный человек, всегда рад помочь, хотя кое-что в нем ей не нравилось, зачем он постоянно говорит, что в этом году непременно начнется война? Хоть он и ветеран, но тем не менее... Смизер не любила спорить, но в душе была твердо уверена, что при ее жизни никакой войны не будет. Мистер Чемберлен такой милый, никогда этого не допустит. Отец его тоже был очень порядочный человек. Ее потянуло зевнуть. Может, подремать еще немного до прихода смотрителя? Вот только холодно очень!

Когда стоявшие на каминной доске часы пробили четверть часа, Смизер – без сомнения, самая преданная из всех форсайтовских слуг, гордо и счастливо отдавшая услужению им шестьдесят лет жизни от девичества до старости, снова задремала и так, в полудреме, отбыла из своего эркера в «Вязах» и совершила последнюю переправу через невидимые, но вполне доступные воображению воды. Точное время ее ухода из жизни в этот безоблачный июньский день пришлось, были бы уши это услышать, на последний удар часов, отбивавших три четверти двенадцатого.

А в девять часов вечера того же дня (старые глаза Смизер спутали перед тем часовую и минутную стрелки, так же как ошиблась она, приняв померкший в слабеющих глазах свет за вечерние сумерки) смотритель этого крошечного поселения для стариков, расположенного на небольшом участке, «почти» на самом побережье, отворил заднюю дверь и произнес привычное: «Приветствую вас!».

Не услышав в ответ столь же привычного «А, это вы, мистер Фэрлоу!» (в большинстве случаев он был ее единственным за день посетителем), он осторожно, как и подобает старому солдату, прошел в ее маленькую гостиную.

Он нашел ее сидящей в старом кресле с высокой спинкой, уютно укутанной в красный шотландский плед, голова немного набок, глаза закрыты. Кто другой мог бы подумать, что она просто уснула, – кто другой, но только не Альберт Фэрлоу. Старый солдат, он не раз видел все это раньше, и даже при свете лампочки с низким напряжением сразу распознал все признаки. Дело даже не в том, что она была бледна, – старые люди и на побережье часто не блещут яркостью красок. Насторожила его и не ее неподвижность: ведь он знал, что старики во сне (самому ему немного не хватало до шестидесяти) дышат иногда почти незаметно. Нет, это было нечто совсем другое: что-то, что он впервые увидел в Ипре, когда его лучший друг получил как-то на рассвете пулю в спину; ну и конечно, за время этой последней работы он тоже кое-что насмотрелся. Нет, Альберт Фэрлоу по опыту знал, что никогда у спящих людей не бывает такого спокойного выражения лица, как у мертвых.

Глава 11

Майкл наносит визит

После длительной поездки в удобном теткинском автомобиле аристократу, владевшему феодальными землями и не лишенному сознательности, не требовалось менять внутренних скоростей, чтобы запрыгнуть в двухэтажный автобус на Пиккадилли-серкес и, демократично заняв место на залитом солнцем верхнем этаже, ехать в отдаленный район Хакни. Кстати сказать, было что-то умиротворяющее в натужном пытении автобуса на протяжении всего длинного петляющего маршрута с неторопливыми остановками и отправлениями, с дружелюбной толкотней в проходе пассажиров, слышавших звонок, и непрестанной трескотней кондуктора, так что все заботы и тревоги Майкла, как личного так и делового свойства, временно отошли на задний план.

– Наверху есть свободные места! Осторожно, бабушка! Эй, малыш, а полпенни-то у тебя есть? Держись крепче! – то и дело вскрикивал кондуктор.

День-день!

Ко времени второй остановки на Каледония-роуд Майкл решил, что поездка по Лондону в автобусе в воскресенье после обеда – это нечто совершенно особенное. И к тому же можно не сомневаться, что на много миль вокруг не найдется ни одного Форсайта.

На соседнем сиденье кто-то оставил газету – еженедельник. Газета оказалась развернутой на странице, одна половина которой была отведена новостям – очевидно, в противовес сплетням, рецептам, советам хозяйкам и конкурсам, – вторую же занимала политическая карикатура.

«Трое погибли при взрыве газа», «Собака вытащила мальчика из канала», «Угроза менингита в одном из лондонских районов». При ближайшем рассмотрении выяснилось, что это не тот район, куда он едет, и не тот, из которого выехал, а совсем другой, дальше на восток. «Летние температуры растут»... и так далее. Ерунда, а не новости, и новости о ерунде! Майкл скользнул взглядом по карикатуре, потом присмотрелся внимательнее – ничего не скажешь, здорово сделано; художник изобразил премьер-министра и немецкого канцлера в виде боксеров на ринге. Судья поднял кверху руку маленького австрийца – тот в позе победителя стоял в самом центре рисунка, одетый в шорты и форменную фуражку, тогда как озабоченный тренер – с лицом министра иностранных дел – обмахивал Мюнхенским соглашением обвисшего на канате Чемберлена. Подпись под рисунком гласила: «Чемберлен на канатах». «Именно там он и находится, – подумал Майкл. – И мы все вместе с ним!» Но вот портить настроение своим спутникам он не даст. Ни к чему это, решил Майкл, складывая забытый экземпляр «Санди блэргард» и осторожно сбрасывая его на пол.

Слезая с автобуса на улице, похожей на все главные улицы предместий, Майкл сообразил, что не знает точного адреса. Он уже хотел остановить кого-нибудь из приветливых местных жителей и спросить, куда ему идти, приложив, если нужно, к вопросу монетку, но в этот момент увидел столь нужный ему указатель. Его обогнал чудовищно неуместный на этой пыльной, без всяких признаков растительности, улице, на которую с двух сторон глядели немые окна, некто в безукоризненном черном цилиндре, из-под полей которого выглядывало почти девически нежное лицо, безошибочно выражавшее высокомерие. Лицо подпирал крахмальным воротничком слепящей белизны, а ниже был жилет ярко-лилового цвета. Сзади ансамбль дополняли великолепно отглаженные фалды. В общем, это было зрелище, которое вряд ли можно увидеть где-то еще в цивилизованном мире. Выпускник Итона в полном параде, идущий выполнять назначенное на этот семестр доброе дело. «Ибо филантропу можно сто грехов простить, – вспомнилось Майклу. – А как же... и ему и мне, нам обоим!» Он повернулся на каблуках и пошел следом за юношей на некотором от него расстоянии, признав с сожалением,

что при всех своих социалистических устремлениях по-прежнему нуждается в том, чтобы путь ему указал кто-то из «своих».

Войдя в миссию, Майкл не увидел Льюиса, но двойники его – в одиночку или собравшись кучками – были рассеяны по всему залу, все одетые в разной степени поношенности форменную одежду людей, выброшенных за борт жизни.

Еще какие-то люди – новобранцы, а также, без сомнения, некоторое количество добровольцев – просочились внутрь вслед за Майклом. В зале пахло варящимся супом; этот запах, перебивавший более устоявшиеся запахи: невымытых тел, дешевого табака и даже слабого раствора карболки, подтверждал, что приехал Майкл как раз вовремя, чтобы застать прототип.

– Вы не знаете случаев человека по фамилии Льюис? – спросил Майкл у сидевшего поблизости на одном из шатких венских стульев, однако тот при первой же попытке ответить зашелся в кашле, щеки его побагровели и надулись над прокуренными усами, сухожилия на шее натянулись, грудь судорожно вздымалась и опускалась, и за все это время ни одного звука он так и не издал.

Чтобы уберечь легкие человека от перенапряжения и стул от ненужной перегрузки, Майкл прибавил:

– Он бывший солдат.

– А мы все, господин хороший, по-вашему, кто? – вымолвил человек наконец, задыхаясь, и стал выгирать тыльной стороной дрожащей руки слюну с подбородка. А затем указал рукой на дальний конец комнаты, не потревожив при этом невероятной длины пепел своей самокрутки.

В углу, куда падал свет высоких окон, на каком-то подобии эстрады сидел Льюис; он читал, подпирая жилистой рукой голову. Подходя, Майкл прочитал название книги – это было дешевое библиотечное издание «Воздавая должное Каталонии».

– Ну как Оруэлл? Хорошо пишет?

Льюис вскинул на него затравленный взгляд и засуетился, вставая. Он хотел вытянуться перед Майклом во фронт, но тот остановил его:

– Не надо! Я и так найду себе место. – Он подтянул брюки и опустился на соседний стул. – Что ты о нем думаешь?

Льюис загнул верхний уголок страницы и, прежде чем захлопнуть книгу, решительно провел по нему черным ногтем.

– Во многом он прав, сэр, этого у него не отнимешь. Только вот, как я понимаю, он больше ни во что не верит.

– Наверное, Испания вышибла из него остатки веры. А из тебя нет?

– И вовсе нет! – горячо воскликнул Льюис. – Вы уж меня извините, капитан, но я отвечаю – нет! Там мы проиграли сражение, но никак не войну.

Он сунул руку под стул, вытащил старую брезентовую сумку и засунул книжку в наружный карман. Затем, словно что-то надумав, Льюис, с улыбкой поглядывая на потрепанные остатки прежней гордости, показал рюкзак Майклу. Брезент, как и его владелец, истрепался и обесцветился под жарким солнцем испанских дней и холодом страшных испанских ночей; и тем не менее не узнать его было нельзя – армейский вещевой мешок британского солдата!

– Сложите-ка в него свои заботы, а, капитан Монт?

Майкл улыбнулся в ответ лучшей своей улыбкой, призванной вселять бодрость:

– Было время, пытались.

– У меня тут есть одна штучка, капитан, которую вы вряд ли где еще увидите. Вроде как сувенир с войны.

Льюис откинул клапан мешка и достал какой-то предмет, завернутый в обрывок мешковины. Он положил предмет на ладонь одной руки, а другой стал стягивать с него обертку – ну прямо старый пират, демонстрирующий свое сокровище.

Майкл уставился на ладонь Льюиса с таким видом, будто ожидал увидеть там будущее. В некотором смысле, подумал он, так оно и было. Не успел Льюис развернуть обертку до конца, а Майкл уже увидел, что под ней скрывается, – на мозолистой ладони лежал небольшой немецкий револьвер, маузер. И тут же из складок тряпицы вывалились три цилиндрических предмета и с металлическим стуком упали на голые доски. Майкл вздрогнул. Льюис весело посмотрел на него и подобрал рассыпавшиеся патроны.

– Не беспокойтесь, сэр! Оружие и патроны в казармах всегда содержатся порознь.

– Рад слышать это, – сказал Майкл, быстро беря себя в руки. – Но надо ли, я хочу сказать, надо ли тебе здесь?..

– Видите ли, сэр... – Льюис посмотрел на него, как часто бывало во Франции, когда Майкл добивался от него, откуда взялись крутое яйцо или чистый воротничок. – Что-то не больно вы мне доверяете, как я посмотрю.

Он отстегнул защелку предохранителя и повернул револьвер рукояткой вверх Майклу на обозрение.

– Видите?

Майкл осторожно заглянул в ствол револьвера и увидел улыбающееся лицо Льюиса с другой стороны.

– Никакой опасности не представляет, сэр! Видите – пружинки от курка нету. Немец, наверное, пустил себе пулю в лоб, когда дошел до ручки. – Льюис рассмеялся жестко и сдавленно. – Вроде как я сейчас. Никогда не было денег, чтобы починить его как следует. Вообще-то обидно, отличная вещица. Люди говорят – музейная.

Майкл подумал, что револьвер у него выглядит как новенький. Чем же он столь дорог Льюису, если тот так бережно хранит его? Может, видит в нем оселок, на котором можно проверить действительность, никогда еще не подводившую его? Какой страшный завет нашему времени! Льюис начал полировать револьвер ветошкой, сразу войдя в нужный ритм. Движение, казалось, настроило его на созерцательный лад. Оба они, не отводя глаз, смотрели на револьвер.

– Я так полагаю, до конца лета начнется, а, капитан Монт?

Майкл, второй раз сегодня повторив парламентский жест, пожал плечами.

– Боюсь, люди начинают терять надежду на то, что без нее обойдется.

– Да, теперь уж никуда не денешься, верно? Не надо было уступать с Судетами, чехов предавать.

Майкл подумал, что, может, он прав. Когда в прошлом году Чемберлен, прочитав записку лорда Галифакса, переданную ему сэром Джоном Саймоном, объявил парламенту, что поедет в Мюнхен на встречу с Гитлером, член парламента от Мид-Бэкса вместе с друзьями-парламентариями стали бросать в воздух лежащие перед ними повестки дня. И даже вдовствующая королева Мэри, сидевшая на галерее для высоких гостей, милостиво улыбалась. Облегчение, испытываемое при избавлении от непосредственной опасности, как правило, не позволяет рассуждать здраво – иначе как могли бы здравомыслящие люди согласиться с расчленением страны, которую сами признали суверенной? А когда Чемберлен вернулся с клочком бумаги, как Моисей с горы Синай, Майклу так хотелось верить.

Несколько секунд оба сидели молча, и каждый хорошо понимал, что думает другой; наконец Льюис снова заговорил.

– Нет... нужно было решаться на это еще в прошлом году, – сказал он, словно в ответ на мысли Майкла, соглашаясь с ними. Он потянул носом воздух, как сторожевой пес перед рассветом. – Не скажу, что буду против, когда она начнется. Пожалуй, только в солдатах я себя человеком и чувствовал. Хорошо бы в этот раз посмотреть, как их погонят; эти чернорубашечники разгромили нас в Испании, но в другой раз это им не удастся. Нет, черт подери! Теперь русские их вовремя остановят. Вот увидите, сэр!

Майкл, который знал, что переговоры с русскими далеки от завершения, вряд ли мог быть столь же оптимистичным, хотя готов был разделить мнение Ллойд Джорджа, что, если русские пойдут на уступки, вероятность войны снизится до одного к десяти. Может, старый солдат и прав – как-никак то, что он говорит об Испании, – это сведения из первых рук. Но Льюис говорил слишком горячо, не как человек, действительно в чем-то уверенный. В его убежденности проглядывала некоторая лихорадочность. Все время разговора он не переставал полировать ветошкой свой револьвер, пока тот не заблестел почти ослепительно.

– Как здесь кормят? – спросил Майкл.

– Неплохо, сэр. Главным образом супом, однако грех жаловаться.

– Ты не знаешь поблизости хорошей закуской? Я хотел бы зайти.

– На следующем углу есть. «Корабль надежды» называется.

– Ну конечно! Самое подходящее для него место. Сходим со мной? Угощаю!

– Вы добрый человек, капитан Монт, – ответил Льюис, произнеся именно те слова, которые так не хотелось услышать от него Майклу. Он повторил про себя: «Очень добрый».

* * *

За час лучшие блюда, предложенные владельцем этого заведения, были съедены двумя посетителями, правда, порции, съеденные одним из них, значительно превышали порции другого. Выбрав момент, Майкл вынул из кармана бумажник и достал из него карточку. Он протянул ее Льюису.

– Спрячь ее где-нибудь, – сказал он. – Но обещаю тебе, что, если в ближайшие недели в твоей жизни не наметится поворот к лучшему, ты мне позвонишь.

Майкл мало представлял себе, что он сделает, если звонок действительно раздастся, и ему понадобилась вся его парламентская выучка, чтобы не дать сомнению отразиться на своем лице.

Льюис взял карточку и, робко поморгав, кивнул. Было видно, что он тронут.

Помедлив из приличия секунду-другую, Майкл снова вынул бумажник и достал из него пять фунтов. При виде сложенной белой банкноты Льюис слегка отшатнулся.

– Позволь мне? – осторожно попросил Майкл. – Ты не раз спасал мне жизнь, и это хоть немного облегчит мне совесть.

– А вот это уж зря, капитан Монт! – Льюис взъерошился, как бойцовый петух перед боем. – Вы исполняли свой долг, равно как и я, – совесть тут ни при чем. Если вы добились успеха впоследствии, что ж, в добрый час, сэр! Виноват строй, а вовсе не вы.

Для Майкла с его повышенной чувствительностью в области социальных прав такое освобождение от ответственности пришлось как удар по голове; рука, в которой он держал деньги, упала плашмя на стол. Спустя несколько секунд он провел свободной рукой по усам и тут же нахмурился. Вдохнул, глядя на деньги, сознавая, что больше ему сказать нечего. Постепенно хмурость перешла в какую-то угрюмую серьезность. Майкл долго смотрел на Льюиса и наконец сказал просто:

– Прошу тебя!

Льюис воспринял просьбу как то, чем она, собственно, и была – приказанием.

– Ну, если вы настаиваете, сэр.

Он взял у Майкла пять фунтов, осторожно перегнул банкноту еще раз и засунул ее вместе с карточкой во внутренний карман пиджака. Потом вытащил руку и хлопнул раз по карману, словно давая понять, что вся эта операция была джентльменским соглашением между ними.

– Я потрачу их на что-нибудь действительно необходимое. Можете быть уверены.

Глава 12

Смерть в семье

– А вот и я!

– Тебя напечатали?

– Еще бы – на центральных полосах, все как полагается. Даже уилфридовские стихи идут курсивом.

Флер доела яичницу без всякого удовольствия – новая кухарка повадилась все пересаливать, – и сейчас, начиная день, она мысленно отметила, что вечером надо будет обязательно сказать ей об этом. Сделать замечание сразу же мешали намеченные на утро дела. Она поднесла к губам чашку.

– Прочитай мне.

Майкл расправил газетный лист и, пока она медленно пила свой кофе, стал читать.

«От сэра Майкла Монта, Баронета, члена парламента от Мид-Бэкса» – до чего же они обожают всякие титулы.

Майкл вводил в свою речь ту искусно отмеренную долю иронии и серьезности, которая помогала ему оставаться в здравом уме после стольких лет занятия политикой.

«Сэр,

Недавно мне довелось встретиться с человеком, знакомым мне со времен войны, служившим во Франции под моим началом. Сказать, что эта встреча доставила мне удовольствие, нельзя, так как я натолкнулся на него в тот момент, когда он просил на улице милостыню. Сначала он не хотел поведать мне, что с ним произошло, – на удивление, этот человек еще сохранил остатки гордости, – однако, добившись от него в конце концов рассказа, я почувствовал себя обязанным взяться за перо, хотя чего я надеюсь достигнуть этим, кроме как зафиксировать узнанное на бумаге, судить не берусь».

– Напыщенный осел! – заметил Майкл, прервав чтение.

«Этот человек самоотверженно подвергал свою жизнь смертельной опасности ради других не один раз – это могут с полным правом утверждать, говоря о себе, многие представители нашего поколения, – но дважды, поскольку только недавно вернулся из Испании, где сражался, без сомнения, доблестно, но на стороне, потерпевшей поражение. Вернулся совершенно разбитым. Не имеет ни жилья, ни работы и лишен почти всяких средств к существованию; помогают ему жить только надежда и скудные подачки.

Мы уже давно потеряли всякое представление о том, что такое страна, обеспечивающая достойную жизнь своим героям, но я убежден, что никто из нас не имеет права на достойное существование в стране, не способной предоставить нормальную жизнь простым смертным».

– Дальше идет Уилфрид и... «Остаюсь», – ну и прочая чепуха...

Он положил газету и грустно посмотрел на нее.

– Ну что ж, свой долг ты выполнил.

– Ты так считаешь?

– А разве нет? Ты съездил к нему, и теперь это. Ты же сам говорил, что больше ничего сделать не можешь.

– Знаю. Но сделать то, что можешь, – не совсем то, что сделать то, что должен.

– Майкл, твои слова звучат как переведенный с латыни дешевый школьный лозунг.

Упрек был мягким, но Майкл быстро решил, что в данном случае сдержанное согласие уже включает в себя добрую долю мужества.

– Неужели! Боюсь, что виной тому мое постоянное местонахождение. Когда ты только и делаешь, что обращаешься к кому-то: «Мой друг, достопочтенный член парламента...» – и то же самое слышишь в ответ... я часто думаю, как хорошо бы накинуть тогу.

Флер поставила чашку и положила на стол салфетку.

– Ну, мне пора отправляться. Тебе не кажется, что кухарка чересчур щедра с солью?

Майкл считал, что пересолена была только его овсянка. Он почувствовал легкое прикосновение ее губ к щеке – при этом на него пахнуло от ее платья восхитительной свежестью – и проводил ее улыбкой. С ее стороны было очень мило прослушать чтение письма и продолжать выказывать интерес к его делам, хотя, принимая во внимание его пеструю карьеру, наверное, ей не так-то легко. Начиная с фоггартизма (иными словами, детской эмиграции), его первой, окончившейся неудачей, попытки борьбы в парламенте за правое дело, – затем он боролся за очистку трущоб, отстаивал пацифизм, когда еще считалось неприличным проповедовать его, потом была работа во всевозможных комитетах, и так до настоящего времени, когда он сам не мог бы сказать, за что, собственно, ратует, – Флер всегда была рядом с ним, то защищая его, то утешая. Если в личной жизни их брак не совсем оправдал надежды, то – и в этом Майкл был уверен – в областях профессиональной и светской он превзошел эти надежды во много раз. И за это он был искренне благодарен ей – мечтать о большем было бы чересчур.

* * *

За те несколько минут, которые потребовались Майклу, чтобы попросить принести ему еще кофе и просмотреть в газете главные новости, Флер уже ушла из дома; парадная дверь захлопнулась, как раз когда он, закончив передовицу, потянулся за сахарницей. Ушла рано, даже для себя, но она что-то говорила накануне вечером о каком-то заседании... Майкл тотчас устыдился, что, погруженный в собственные заботы, не потрудился запомнить. Не мешало бы следить за собой в этом отношении. Склонный к самоуничижению, Майкл был твердо убежден, что, если Флер когда-нибудь станет скучно с ним, под угрозой окажется самая основа их брака. Он понимал, что последнее время искушает в этом отношении судьбу. Что касается себя самого, то первым долгом надо постараться не схватить сегодня замечания за невнимание в парламенте. Проснитесь-ка, Монт-старший, вон там, на задней скамейке! Он энергично помешал кофе и снова взялся за газету.

Возможно, тот факт, что он до этого искал в газете свою фамилию, был причиной того, что Майкл сразу же увидел ту, другую. Глаза привычно выхватили из текста фамилию Форсайт, на этот раз напечатанную заглавными буквами. И находилась она в колонке, озаглавленной «Смерти»!

Его первая мысль, незавершенная и неясная, была, что он должен был бы знать, кто это; поддавшись настроению, в котором он часто находился последнее время, он стал укорять себя за то, что не может вспомнить человека, носящего это имя. И тут же, пока он водил глазами по строчкам, как привидение на пиру, возникла вторая и более законченная мысль.

«Форсайт, Энн, урожденная Уилмот. В воскресенье ... июня в своем поместье в Грин-Хилле. Сев. Уонсдон, Суссекс. Скоропостижно. В возрасте 34 лет».

Тридцать четыре – поколение Флер! Какая-нибудь родственница? И вдруг совершенно произвольно представил себе стройную темноволосую молоденькую женщину с русалочьими глазами, так мягко, с легкой американской запинкой выговаривающую слова. Господи Боже! Да это же Энн Форсайт, жена Джона, – конечно, это она! Майкл продолжал читать, чувствуя, как его охватывает паника, как теплеют ладони, держащие газету, которую он неизвестно зачем

поднес ближе к глазам. Да, так оно и есть: «Горячо любимая жена Джона Форсайта и обожаемая мать Джолиона и Энн».

Двое детей – мальчик и девочка, как у них самих! Сердце Майкла сжалось, однако сначала собственная отвратительно недостаточная память не хотела ничем помочь ему. Он старался, но никак не мог восстановить в памяти черты лица того человека – лица обожаемого кузена Флер. Помнил он лишь, что тот был белокур и хорош собой, с рано обозначившимся фамильным подбородком, который, однако, не портил его. Если бы Майкл хотел найти себе оправдание, он мог бы утешиться тем, что хоть одно воспоминание будет преследовать его до могилы – лицо Флер в тот момент, когда она поняла, что окончательно потеряла человека, которого любила по-настоящему; этого воспоминания было достаточно, чтобы заслонить собой многие другие. И все же в то время Майкл чувствовал, что не способен отозваться на ее горе! Потеря оставила Флер безутешной, но это была ее собственная потеря, тогда как потеря ее кузена не могла не затронуть чего-то в сердце Майкла, и оно сжалось. Потерять тогда, много лет назад, Флер, а теперь еще и жену! Не всякий сможет сохранить после этого рассудок.

В гостиной зазвонил телефон. Он бросился к нему с такой поспешностью, словно ждал, что главное несчастье еще впереди.

– Вы видели «Таймс», дорогой?

Звонила Унифрид.

– Я да, но Флер еще не видела.

– Я бы узнала об этом раньше, но Вэл и Холли во Франции. Вэл только что звонил. Они возвращаются сегодня. Какой ужас! Ее сбросила лошадь. Бедняжка, она была моложе Флер.

Майкл понимал, что ирония Унифрид по этому поводу была неумышленной.

– Вы скажете Флер? – спросила она.

– Да, конечно, так будет лучше, чем если она сама прочтет. Но она уже вышла, и я не знаю, увижу ли ее до того, как она увидит газету.

Голос Унифрид на другом конце провода звучал далеко-далеко:

– Такая смерть!

– Пожалуйста, если вы будете разговаривать с Холли, передайте ей мое... наше глубокое сочувствие.

– Конечно, голубчик, – что еще нам остается.

В последних словах Унифрид Майкл нашел крупицу утешения и для себя. Может, действительно все это так просто? Всем будет жалко тех, кого непосредственно коснулась эта трагедия. И Флер будет жаль, не меньше, чем остальным, но пройдет немного времени, и жизнь пойдет дальше «fin d'histoire»²⁵. От всей души желая, чтобы так оно и было, Майкл, тем не менее, решил перед уходом в парламент отнести газету в свой кабинет и припрятать ее там.

Закончив разговор, Унифрид какое-то время продолжала сидеть, держа телефонную трубку в руке. Обычно она не была суеверна, но совпадение во времени этой скоропостижной смерти – слышимость из Франции была скверная, и она так и не поняла, что, собственно, произошло, – с ее посещением Хайгейтского кладбища так просто отместить было нельзя. Ей казалось, что это не просто несчастный случай и все предвещает еще какую-нибудь беду. Впервые за всю ее сознательную жизнь Унифрид испытывала свойственный ее отцу нервный пессимизм. Плохо, если все начнется снова между ее племянницей и мальчиком молодого Джолиона – так она все еще называла в мыслях Джона, хотя его отец умер около двадцати лет тому назад. Нет, это невозможно. Флер слишком разумна, Майкл слишком любит ее, дети слишком дороги им обоим. Ну и потом, надо надеяться, думала Унифрид безо всякого недоброжелательства, что мальчик любил свою жену – неужели он сможет взять и жениться на ком-то еще и затем долгое время не сметь поднять ни на кого глаз. Так было всегда и так и будет. Она состарилась,

²⁵ История окончена (фр.).

поглупела – вот ей постоянно что-то и мерещится. Не желая видеть в себе известную семейную черточку, Уинифрид предположила, что безотчетные страхи говорят о том, что она начинает впадать в маразм – это она-то, всю жизнь славившаяся своим «sang-froid»²⁶. Но все равно ей было не по себе от этого совпадения и хотелось, чтобы оно если и означало что-то, то хорошо бы не это.

Она вздрогнула, как молоденькая овечка, – не успела положить трубку, а телефон снова зазвонил, не дав ей додумать.

– Тетя Уинифрид?

– А кто говорит? – Ожидая снова услышать голос Вэла, она не сразу узнала голос говорившего.

– Это Роджер, тетя. Как вы себя чувствуете?

Говорил «очень молодой» Роджер Форсайт, старший сын ее покойного кузена молодого Роджера, в настоящее время единственный из семьи совладелец адвокатской и нотариальной конторы «Кэткот, Кингсон и Форсайт».

– А, Роджер. Спасибо, ничего.

– У вас голос какой-то не свой. Вы правда ничего?

– Да! – Суеты вокруг себя она не допустит.

– Дело в том, что я должен сообщить вам плохую весть. Не знаю, может, не стоит делать это по телефону. Может, я лучше зайду?

Газета, – Роджер, без сомнения, уже видел ее.

– Не беспокойся – я уже знаю. Ты видел объявление в «Таймс», я полагаю.

– Нет... – В голосе Роджера прозвучало сомнение. – Интересно, кто мог поместить его?

– Ее семья, без сомнения. – Уинифрид начинала раздражаться. Обычно Роджер все понимал с лету – тоже, наверное, слишком много работает.

– Но, тетя, у нее же никого не было – я отчасти потому и звоню вам.

Поскольку все это могло привести только к досадной путанице в голове, совершенно нетерпимой в такой момент, Уинифрид призвала на помощь давно присущее ей умение сохранять спокойствие в минуты всеобщей смятенности и решительно прервала своего более молодого родственника:

– Роджер... Роджер!

Он замолчал.

– Не можешь ли ты просто сказать мне, о ком именно ты говоришь?

– О Смизер.

– Смизер?

– О вашей бывшей горничной.

– Да, да! – Дальше больше. А Роджер обычно такой понятливый. – Это я знаю, мой милый. Так что же с ней случилось?

– Она умерла, тетя. В конце прошлой недели, в воскресенье.

Уинифрид сильнее прижала телефонную трубку к уху. На память пришла фраза, не раз слышанная от отца, – фраза, повторить которую она никогда не испытывала желания. Роджер услышал, как на другом конце провода она прошептала: «Ну вот, так я и знала».

* * *

День обещал быть таким занятым, так много дел требовало внимания Флер, что братья за них нужно было с раннего утра. Ни одно из них не было важным – во всяком случае,

²⁶ Спокойствие (фр.).

настолько важным, чтобы полностью захватить ее, – все же она была даже рада, что, благодаря им, будет занята большую часть дня.

Сейчас ей нужно было присутствовать на первом из двух назначенных на сегодняшнее утро заседаний благотворительных обществ. Благотворительное общество, основанное для помощи детям в Восточной Европе, сочло нужным созвать внеочередное заседание безо всякого предупреждения, чтобы обсудить положение дел в Чехословакии – если эта страна еще называется так. Очевидно, ни у кого из присутствующих не было полной уверенности на этот счет, и секретарше было поручено отметить это в протоколе. Вообще-то, на их попечении находились румынские дети, но, как выяснилось, некоторые небеспричинно встревоженные матери бросились увозить своих ребятишек за границу, что, естественно, сильно осложнило финансовое положение общества. Все присутствующие на заседании дамы воспринимали, по-видимому, создавшуюся ситуацию как личное оскорбление – право же, со стороны германского канцлера было низко вторгнуться на территорию, которую они рассматривали почти что как свою. Неужели правительство Великобритании не могло что-то предпринять еще тогда, в марте? Флер возмутили устремленные на нее взгляды. Она была здесь не единственная жена парламентария; муж Эмили Эндовер был членом палаты лордов и занимал пост в каком-то министерстве.

И тем не менее, наблюдая комитетских дам, собравшихся за одним с ней столом, Флер жалела, что не может разделить их чувства по поводу зла, причиненного не им, а кому-то другому. Глаза у иных просто горели желанием что-то сделать, совершить Поступок! Все это пустые затеи, и больше ничего!

Затем она примеряла осенние костюмы – кошмарное занятие в жару, когда легкая шерстяная ткань воспринимается кожей через белье, как дерюга.

На втором заседании благотворительные дамы, трудившиеся на внутреннем фронте, рассматривали квартальный финансовый отчет Дома призрения для престарелых женщин в Доркинге, открытого Флер, когда она поняла, что занятие благотворительностью предоставляет прекрасную возможность использовать запас энергии, сохранившейся со времени Всеобщей забастовки 1926 года, когда она организовывала столовую, которой сама и управляла. На заседании Флер намылила – во всяком случае, устно – головы членам комитета за непорядки в ведении бухгалтерских книг, чего они не так уж заслуживали. При ее сегодняшнем настроении ей было противно самое невинное напоминание о забастовке того года. Можно подумать, что она сама постоянно не напоминала себе о ней. Тогда она снова встретила Джона, выращивавшего до этого персики в Северной Каролине и явившегося «прямо с парохода»: под руку с молодой женой-американкой. Несмотря ни на что, Флер почти что удалось удержать его. А потом был пожар в Мейплдерхеме, стоивший жизни ее отцу, было обещание, данное ею умирающему. Она обещала, как ребенок: «Я больше не буду, папочка!»

Желание совершить Поступок! Пустая затея, и больше ничего!

Позднее она зашла к Унифрид, но только оставила карточку. Миллер по секрету сообщила ей, что миссис Дарти в парикмахерской.

Она позавтракала в своем клубе «1930», где не разговаривала ни с кем, кроме швейцара и официанта, а за едой просматривала «Дэйли мэйл».

После завтрака она зашла в магазин Гудса, где выбрала новый кофейный сервиз, отложила серебряный прибор для будущего ребенка Динни, на котором нужно будет впоследствии выгравировать монограмму, и купила графин для виски агенту Майкла, который в будущем месяце собирался выйти в отставку из-за болезни печени; подарок – идея Майкла – придется ему весьма кстати.

Поворачивая ключ в дверном замке на Саут-сквер, Флер мечтала об одном – как можно скорее сменить жаркое платье на открытое летнее и, скинув туфли на каблуках, походить в

домашних тот час, что оставался у нее до следующей деловой встречи, и очень удивилась, услышав, что кто-то поспешно отворяет ей дверь изнутри.

Тимс робко присела перед хозяйкой, затем сделала еще один реверанс, повернувшись к двери, ведущей в гостиную.

– Мистер Баррантес, мадам, – сказала она, – он уже три раза заходил, и вид у него был такой озабоченный, что завернуть его еще раз мне как-то не по душе было. Прошу прощения, мадам! – Тимс сделала еще один реверанс.

В правила домашнего обихода входило категорическое запрещение Флер впускать кого бы то ни было в дом в ее отсутствие. Но на подносе лежали визитные карточки аргентинца, говорившие о том, что он действительно уже приходил. Две карточки, одна для нее и другая для Майкла, на обеих верхний правый уголок был аккуратно загнут внутрь. До чего же корректен! Явиться с визитом сразу же после того, как побывал на званом обеде, в этом было что-то старомодное. Но он приходил три раза? Нет, очевидно, ему что-то нужно! Тут же лежала записанная школьным почерком горничной телефонограмма: «Звонила миссис Дарти, будет звонить еще». Флер скользнула взглядом по всему этому и кивком отослала Тимс, которая заспешила прочь, довольная тем, что ее отпустили без замечания.

Флер медленно сняла шляпу и перчатки и под взглядами смуглых гогоновских женщин, никогда не имевших подобных предметов одежды, положила их на стоявший в холле старинный сундук. Приглаживая волосы перед зеркалом в черепаховой оправе, Флер видела через плечо, как смуглянки лениво тянутся за доступными плодами островной жизни. А почему бы и нет: их мир был прост, в нем существовало лишь повелительное наклонение: «смотри, тянись, хватай, владей, держи крепко», сослагательное было им неведомо. Она тоже потянулась, и не один раз, а дважды, и схватила... тень, а не нечто осязаемое! Ладно, неважно – теперь она тоже может целый час ничего не делать и ни о чем не думать! Интересно, каков будет следующий маневр аргентинца и как она должна реагировать на него, вяло подумала Флер, входя в гостиную.

– Я хотел сказать, что я в полном вашем распоряжении, – сказал Баррантес, как только Флер переступила порог и он увидел, что она одна. Он стоял у окна, и на его выразительное и печальное лицо вдруг упал, красиво осветив, солнечный луч. Казалось, что он шагнул в эту выдержанную в строго современном стиле комнату прямо с запрестольного образа работы Эль Греко. – Если я могу что-то для вас сделать, вам достаточно сказать мне.

Флер смотрела на него, ничего не понимая, с холодным выражением лица – защита против его крадущегося всепроникающего очарования. Он неудачно выбрал день, чтобы покорить ее сердце своей угодливостью.

– И прошу вас принять мои глубокие соболезнования... – прибавил он, – они идут от самого сердца...

Соболезнования? По какому поводу? Ведь никто же не умер.

– Ваши соболезнования? – повторила она. – Но по поводу чего?

– О, Madre de Dios!²⁷ – сказал он тихо, отведя в сторону глаза, потемневшие и обеспокоенные. – Вы не слышали?

– Что я не слышала? Скажите мне, пожалуйста.

– Это было в утренней газете. Я думал...

– Скажите мне!

– Ваш троюродный брат Джон Форсайт...

– Нет!!! – Это слово она прошептала – прокричало его ее сердце.

– ... умерла его жена. Энн Форсайт умерла в воскресенье.

²⁷ О, Пресвятая Богородица! (ит.)

Энн Форсайт умерла в воскресенье. Эти простые, ничем не прикрашенные слова беспорядочно забились у нее в голове, точь-в-точь как испуганные кем-то курицы в курятнике, когда они, отчаянно гомоня, начинают метаться, сшибаясь на лету и порождая все большее смятение среди остальных его обитателей.

– ...я не представлял себе, что вы можете не знать, – сказал он, когда она опустилась на диван. Сделала она это непроизвольно; к дивану подвел ее Баррантес. Теперь он сидел рядом, как-то боком, одним коленом чуть не касаясь ковра, – как всегда, воплощенная почтительность.

– Я не... Я не знала. – Флер уже полностью овладела собой, осознав, что известие это не способно затронуть ни ее сердца, ни чувств. Однако мысль судорожно работала.

Пока этот человек сидит рядом, бесполезно пытаться определить, какое значение может иметь это событие, – а то, что для нее значение оно имеет будет, можно было не сомневаться. Она должна остаться в одиночестве и подумать.

– Простите меня, – сказал он мягко.

По его пронизательному взгляду – тяжелые веки и густые пушистые ресницы приподнялись немного, открыв большие темные глаза, – она поняла, что допустила промах, так ответив ему. Известие явно потрясло ее – что уж тут притворяться, он умел видеть больше, чем ему показывали, но как объяснить ему то, что она ничего не знала.

– Благодарю вас. За себя и за своего кузена. Наши семьи встречаются не часто, но я знаю, он тяжело воспримет эту потерю.

Еще одна ложь, граничащая с правдой, – да, она, конечно, жалеет Джона, и ему, конечно, тяжело, – что же касается потери...

– Не смогу ли я чем-нибудь?..

– Нет!.. – Необходимо оборвать этот разговор, прежде чем она вынуждена будет пускаться еще в какие-то объяснения; это единственный путь. Флер быстро встала – хотя ей показалось, что аргентинец оказался на ногах прежде, чем она. До чего же нервирует это непрерывное предвосхищение любого действия, и притом без всякого усилия, без спешки!

– Мне нужно будет сделать несколько визитов. Я очень благодарна вам, сеньор Баррантес, за то, что вы сказали мне, и ценю ваше участие.

Она протянула руку и позволила ему чуть-чуть задержать ее в своей. На этот раз, смотря на нее, а не на ее руку, он ответил:

– Я сказал то, что принято говорить в таких случаях, но сказал от души.

И, в последний раз склонив голову, исчез.

Глава 13

Флер продолжает думать

Не успела изящная тень Александра Баррантеса покинуть вслед за его элегантной фигурой гостиную Флер, как он тут же улетучился из ее мыслей. Сохранилось от его визита лишь принесенное им известие. В комнате снова стало тихо и спокойно. Флер беспомощно опустилась в одно из глубоких кресел, подперла кулаком выдающийся подбородок и дала волю мыслям, быстро завертевшимся в голове.

Эта Энн – имя вспомнилось само собой, для Флер оно ничего не значило, – которой достался Джон, потому что Флер сама упустила его, умерла, ее больше нет. Флер подумала, что даже не знает причины ее смерти. И тут же пришла к заключению, что из всех возможностей вероятны только две – несчастный случай или внезапная болезнь. Если бы это было что-то другое, какие-нибудь давнишние нелады со здоровьем, она обязательно уловила бы, что что-то не так, на ужине в пятницу; при всей скрытности и осторожности Холли скрыть это было бы невозможно. Кроме того, Холли и Вэл в субботу утром уехали во Францию, и их отъезд

временно отрезал Уинифрид от того, что делается в Грин-Хилле. Установив этот факт, Флер отмела раздражающую мысль, – а не скрывают ли от нее что-то, – подозрительность, свойственная многим членам их семьи.

Как собаку на дичь, она напустила свои мысли на единую цель, вышелушив суть дела из плотной оболочки второстепенных соображений. Сутью был Джон, одна-единственная интересовавшая ее дичь, – он, и только он. Несчастный случай или болезнь были малозначительной подробностью, значение имела лишь реакция Джона на них. Поскольку это произошло внезапно, Джон, безусловно, потрясен. Он был впечатлительным, глубоким, лояльным – слово «любящий» было здесь неуместно – и, конечно, остро воспримет потерю; потребуется немало времени, прежде чем он сможет оправиться. Холли, вернувшись, конечно, будет помогать ему – Холли и Джон очень близки, несмотря на то, что они всего лишь сводные брат и сестра, – ну и потом, Уонсдон находится всего лишь в нескольких милях от Грин-Хилла. Сама она будет связана с ними через Уинифрид, через Уинифрид она будет «au fait»²⁸, не выказывая при этом излишнего интереса. Именно в этот момент Флер начала понимать, сколь велик был ее интерес. И повторила про себя: «Ее больше нет».

Произнеся мысленно эти слова, она почувствовала, как сильно напряжены ее нервы. Означает ли все это, что она снова сможет заполучить Джона? Не слишком ли ее занесло? Так человек, стоящий у подножия горы, пытается представить себе вид, который откроется ему с вершины, – туманная, далекая перспектива, едва ли вообще достижимая. Долгосрочная стратегия, столь высоко ценяемая политиками и дипломатами, никогда не была сильной стороной Флер. Достижения ее относились скорей к сфере тактики. Она мастерски разыгрывала карты, бывшие у нее на руках, и сейчас поспешно их оценивала. Безусловно, главными ее козырями были: безупречное поведение после того, как роману с Джоном пришел конец; она оказала неоценимую поддержку мужу в его парламентской карьере; прекрасная хозяйка, она сумела создать для него и для себя твердое положение на зыбучем песке, именуемом «светское общество»; она произвела на свет второго ребенка – все это были факты чрезвычайно ценные. Даже обещание, данное умирающему отцу, даже его она считала берущей картой. Но еще большую ценность, чем все эти карты – вместе взятые или в отдельности, – имел тот факт, что никто (насколько она знала, абсолютно никто) не мог допустить и мысли, что она воспользуется хотя бы одной из этих карт, даже если кто-то рискнет заподозрить ее в желании остаться в игре.

Этот нелюбезный взгляд своим возможностям и достаточно утешительные выводы подтолкнули Флер к действиям. Надо позвонить Уинифрид – наверное, она звонила по этому поводу. Но прежде всего надо просмотреть газету. Беглый осмотр гостиной, холла и Испанской столовой показал, что газета, обычно оставляемая Майклом в одной из этих трех комнат, отсутствовала.

Флер позвонила горничной, все еще взволнованной после допущенной ошибки с аргентинцем. Нет, мадам, она не убирала газеты. Тимс сделала реверанс и, поджав губы, вышла из комнаты, решив сохранить выражение лица невинно оклеветанной, до тех пор пока не спустится вниз и не расскажет обо всем кухарке.

Флер рассеянно покусывала палец. Значит, Майкл взял «Таймс» с собой. Зная, что в вестминстерский кабинет ему приносят еще один экземпляр, она пришла к заключению, что он прочел объявление о смерти и решил скрыть его от нее. До чего же, право, скучна эта их всеобщая привычка! Что ж – придется и ей включиться в эту игру.

Взглянув на часы, Флер увидела, что час отдыха – увы, несостоявшегося – истек. Она пошла наверх, переоделась, причесалась, освежила макияж, задержалась на секунду перед пемброкским столом и снова покинула дом – и все это время она думала, думала, думала.

– Алло?

²⁸ В курсе дела (фр.).

– Уинифрид, это Флер. Какой ужас с женой Джона.

Сама того не зная, Уинифрид имела удовольствие внимать в этот момент специальному «благотворительному» голосу, к которому Флер прибегала в тот день уже не впервые: спокойному, участливому, сдержанно-озабоченному, очаровательно-благожелательному и в то же время деловитому. Уинифрид, как и многие спонсоры до нее, первоначально не желавшие поддаваться уговорам, была убаюкана ее тоном. Нет, все-таки Флер у нас умница!

– Да, дорогая, и так внезапно.

Флер вежливо осведомилась, известны ли Уинифрид подробности, сама она узнала только из газеты.

Это было своевременно. Уинифрид только что закончила часовую беседу с сыном, который недавно вернулся в Уонсдон.

– Они пробыли в пути целый день, Представляешь, и у Вэла очень разболелась нога. Так вот, ее, по-видимому, сбросила лошадь – шарахнулась от чего-то, – и она неудачно упала. Внутреннее кровоизлияние, насколько я понимаю.

– Какой кошмар! – воскликнула Флер непроизвольно.

– Хорошо еще, что она была не одна. Молодой Джон ехал рядом, он отнес ее домой.

Представляешь?

Флер сказала, что представляет, и это была правда.

– Вэл говорит, ему всегда казалось, что у ее лошади глаза какие-то шальные. Но что делать? Бедный мальчик!

Флер со всем согласилась. Действительно, делать нечего, действительно, Джона жалко.

На этом разговор мог бы и закончиться, если бы Уинифрид не вздумала добавить:

– Но, тем не менее, с приездом матери ему станет легче.

Это вполне заурядное сообщение Флер восприняла как удар с размаха по уху. Словно полузабытый призрак возник вдруг, чтобы погреметь своими цепями – цепями законного владельца, который уже раз преграждал ей дорогу. У призрака было прелестное лицо Ирэн, матери Джона, несчастной первой жены ее отца и одушевленной причины, почему они с Джоном не смогли пожениться.

– Я думала, она в Париже.

– Вэл и Холли привезли ее с собой. Они с Холли поехали прямо в Грин-Хилл...

Вернулась, чтобы заявить на него права, думала Флер, чтобы не дать его мне.

А Уинифрид все журчала:

– ... милый Вэл, он так не любит оставаться в Уонсдоне в одиночестве, но он, разумеется, понимает.

Флер ответила ей под стать все тем же «благотворительным» голосом:

– Без сомнения. Какие, по-твоему, цветы...

Но мысли ее были далеко, далеко.

* * *

Ужиная в одиночестве, Флер лишь чуть-чуть поковыряла вилкой еду, тогда как мысли ее продолжали беспорядочно крутиться в голове. Затем она перешла в гостиную, какое-то время следила за тем, как угасает закат за парком в Сити, и так много раз, что не хотелось и считать, прослушала, как бьют каждые четверть часа куранты Биг Бена, словно провожая уходящие в вечность часы. Проходили через холл служанки, убиравшие со стола и тушившие повсюду свет. До нее донесся даже приглушенный смех: решив, наверное, что хозяйка уже удалилась на покой, они шутили насчет чего-то. Сидя в неосвещенной гостиной, Флер наблюдала, как постепенно расплываются очертания разных предметов, а затем и вовсе утрачивают форму, начинают перемещаться, подыматься в воздух и парить там – темные бесформенные тени впе-

ремешку с более светлыми. Даже двери гостиной растаяли, стали частью иллюзорных стен, сливаясь с ними, уходя куда-то вглубь, меняя место и цвет, становясь то серыми, то черными, то снова серыми. В детстве ей не раз снился сон, что она ищет дверь и не находит. То же чувство испытала она и сейчас во мраке гостиной. Флер даже беззвучно всплакнула один раз.

Глава 14

Задумывается и Майкл

Майкл всегда недолюбливал клубную жизнь – хотя пользовался репутацией весьма компанейского человека, – в последнее же время он стал испытывать к клубам откровенное отвращение. Возможно, виной тому были годы, проведенные в стенах главнейшего клуба страны – Вестминстера. А может, его ироничный взгляд обнаруживал в невозмутимой инертности государства микроскопическое отражение всех его невзгод и читал на его стенах запоздалый некролог всему прочно сложившемуся образу жизни. Еще в бытность свою начинающим издателем он с большим удовольствием проводил время в «Айсиуме» в обществе политических журналистов, своих сверстников, – «реформаторов и подрывателей основ», которых Уилфрид называл «чернильная братия». Но его членство там закончилось вместе с юностью. Сейчас он был членом клуба «Ремув»²⁹, рекомендацию туда дал ему не очень-то склонный к подобным жестам тесть, продемонстрировавший тем самым, что доволен зятем, и Майклу, естественно, пришлось воспользоваться его любезностью. Никаких особенных достоинств баронет здесь не находил и продолжал платить членские взносы только потому, что клуб предоставлял весьма полезную иной раз возможность встретиться с нужными людьми из обеих палат в любое время суток. Во всех других отношениях клуб был ему совершенно не нужен.

Царство дремлющих покойников, думал Майкл в тот самый вторник, входя вечером в вестибюль мимо дорических колонн. Отдавая шляпу швейцару, он невольно подумал, что не видит большой разницы между этим заведением и тем, которое посетил в воскресенье в Хайгейте; интересно, в чем заключается эта разница? Не в оформлении и, уж во всяком случае, не в разговорах. И здесь и там изобиловали скрижали, постаменты и фризы; здесь был увенчанный лаврами генерал, там старый епископ рядом с низложенным королем – и все это всего лишь скульптуры! Фактически каждая эмблема этой нелепой помпезности говорила о необходимости хранить приоритетную роль мужчин. Ну что это за неоклассическая чепуха!

Он пришел сюда в поисках Эберкромби – члена парламентского комитета по делам помощи бывшим ординарцам, но, как выяснилось, его уже и след простыл.

– Вчера-то мистер Эберкромби здесь точно был, сэръ Майкл... весь вечер, – сказал ему швейцар.

– Старина Перси? Как же, был. И под хмельком! – подтвердил другой член парламента, забиравший у швейцара шляпу и случайно услышавший знакомое имя.

Майкл продолжил поиски в библиотеке и выяснил там, что, по общему мнению, эта мегера миссис Эберкромби готова была нынче вечером мобилизовать всю его команду, лишь бы удержать мужа дома. По общему убеждению, вторичный побег ему вряд ли мог удалиться.

Спускаясь по широкой мраморной лестнице, Майкл прошел мимо кого-то из членов клуба и почувствовал вдруг, что его схватили за плечо. Он быстро повернулся, решив, что уронил что-то и его хотят предупредить об этом. Но плечо сжималось все сильнее, более того, ему, очевидно, сознательно причиняли боль. Он поднял глаза и увидел худое, с заостренными чертами лицо человека немногим старше его самого, смутно напоминавшее кого-то, некогда хорошо знакомого. От природы жесткое выражение лица делали тем более неприятным налитые злобой глаза.

²⁹ Remove (англ.) – здесь: отстраненность.

– Мэллион!

Это был Чарлз, старший брат Уилфрида, вступивший после смерти отца во владение гемпширским поместьем и унаследовавший его титул. Он стоял ступенькой выше Майкла и, будучи и без того выше ростом, использовал свое положение с максимальным для себя преимуществом. Говоря, он буквально нависал над Майклом.

– Как вы осмелились? – резко, с угрозой в голосе прошипел он.

– На что осмелился? Пожалуйста, отпустите мою руку.

Рука была отброшена с такой силой, что в суставе что-то хрустнуло.

– Какая гадость! Какое вероломство! Неужели вы его и в могиле не оставите в покое!

– О чем вы? Какое вероломство? – холодно переспросил Майкл, хотя понимал, что речь идет о его письме и процитированных в нем стихах.

Сцена на лестнице уже привлекла внимание нескольких человек, которые, задржав головы, прежде склоненные к телеграфному аппарату в холле, смотрели на них.

Майкл, понизив голос, сказал:

– Боюсь, что ваше поведение мало соответствует окружающей обстановке.

– Вы совершенно открыто поставили Уилфрида на одну доску с этими гнусными коммунистами!

Дезерт, которому было немногим более пятидесяти, говорил слишком для себя заносчиво и был сильно взвинчен. Несомненно, ему, типичнейшему представителю консервативных кругов, был нанесен ощутимый моральный удар. Вот и еще один повис по какой-то причине на канатах, подумал Майкл; сам он, однако, крепко держал себя в руках.

– Я уверен, что Уилфрид так это не воспринял бы, – просто сказал он, – и вряд ли его это задело бы...

– Ничего, кроме презрения, вы у него не вызвали бы.

– Вот уж не соглашусь.

– Он был моим братом...

– И моим лучшим другом...

В ответ над его головой раздался сдавленный рык.

– Если ваши симпатии на стороне большевиков, это, по всей вероятности, ваше дело, но от имени нашей семьи я требую, чтобы вы взяли свои слова обратно!

– Если вы не прекратите своих заявлений, мне, возможно, придется потребовать того же самого от вас, – ответил Майкл.

Посмотрев вниз, он увидел, что один из задржавших сверху голову людей был только что вошедший и видевший всю эту сцену Эберкромби. Повернувшись к новоиспеченному лорду Мэллиону и снова заметив злобные огоньки в его глазах, Майкл вдруг интуитивно понял, что это всего лишь эпизод в задуманной пьесе, ему пока неизвестной. Чем бы ни была вызвана ярость этого человека, он явно переигрывал.

– Вы заплатите за это, Монт.

– Как вам угодно.

На какой-то, очень напряженный, момент его обличитель уставил свирепый взгляд прямо в глаза Майклу, а затем кинулся вверх по лестнице, как спугнутый ночной вор.

* * *

Те двадцать минут, которые требовались, чтобы дойти до Саут-сквер, мысли Майкла были полностью заняты инцидентом в клубе. Только тут он вспомнил тревожный сигнал, с которого начался день, и стал гадать, знает ли Флер о случившемся, и если знает, то что. Холл был освещен, как обычно, – горели бра по обе стороны двери: Флер, уходя спать до его возвращения из парламента после ночных заседаний, всегда оставляла их зажженными. Но кладя

шляпу на старинный сундук, Майкл вдруг почувствовал, что что-то таится во встретившей его тишине, словно что-то нависшее над ними могло в любой момент оборваться и упасть или взорваться, а может, и то и другое. Сначала он прошел мимо двери, ведущей в гостиную, но потом вернулся и заглянул в широкую дверь, за которой притаилась неосвещенная пустота. Ощущение чего-то непривычного в воздухе обострилось, когда глаза, освоившиеся с темнотой, нашли то, что искали. Да, она была здесь – почти черный силуэт, вправленный в темный вакуум погруженной во мрак комнаты. Знает! Он направился к ней.

Она сидела в уголке дивана совершенно неподвижно, похожая на брошенную марионетку, и едва взглянула на него, когда он опустился на диван рядом с ней.

– Я очень сожалею! – сказал Майкл первые слова, пришедшие на ум. Но ему и правда было жаль – вот только чего? Жаль, что она потеряла родственницу – вернее даже, свойственницу, – с которой была едва знакома и которую не любила? Вряд ли. А может, он просил прощения за то, что вообще женился на ней, тогда как единственно, чего она хотела, – это принадлежать другому, и своим присутствием постоянно напоминал, что ее желание так и не осуществилось? Или за то, что он связывает ее теперь, когда ее обожаемый кузен свободен, а она нет? Майкл не знал. Но сожалел.

Флер немного повернула к нему лицо. В проникающем с улицы гнетущем свете оно казалось призрачным – маска цвета слоновой кости с черными пятнами глаз. Непонятно было – плакала она перед этим или нет, однако интуиция подсказывала – да, плакала.

– Да, – сказала она наконец тихим, отрешенным голосом.

Майкл подождал, не скажет ли она еще что-нибудь, но это было все. Тишина и темнота снова поглотили ее, и, поднявшись, он вышел из комнаты.

В слабо освещенном двумя бра холле Майкл снова подошел к картине Гогена. Сколько раз он проходил мимо нее, вобрав перед уходом уголком глаза краски – и отметив какую-то деталь в положении руки, в изгибе талии по возвращении. А вот теперь он захотел вдосталь налюбоваться ею, как человек, давно купивший билет на выставку и не успевший насладиться чувственным восприятием ее.

Как все великие произведения искусства, картина по-разному воспринималась глазами зрителей, в разное время находивших в ее красоте каждый свой смысл и свой повод для восхищения. Когда после внезапной смерти отца Флер картина впервые появилась у них, она олицетворяла в каком-то смысле преемственность поколений. Непреклонные, крупные женщины, со смуглой и теплой кожей, бесстрастным и безмятежным выражением лица, без труда срывающие спелые фрукты с поникших под их тяжестью ветвей, осознанно утверждали жизнь – так, по крайней мере, считал Майкл. А вот теперь, стоя перед знаменитым полотном, таким внушительным даже при тусклом освещении, он засомневался. Само название картины словно вдруг поставило перед ним какую-то новую загадку. «D’ou venons nous, que sommes nous, et ou allons nous».

Оно звучало как обычное упражнение в учебнике его сына. «Откуда мы приходим, кто мы и куда идем?» – «Обсудите, исходя из того, что мирные времена для нашего поколения кончаются». И еще название это можно было полностью отнести и к ним самим, к их с Флер отношениям, изменившимся и, как он надеялся, устоявшимся после пережитых ими тяжелых дней.

Услышав историю романа жены с ее кузеном Джоном Форсайтом, Майкл прежде всего испытал мучительную жалость и желание как-то утешить ее. Он сознавал, что, став ее мужем, лишь подобрал осколки ее сердца, и с радостью занялся бы этим снова, позволь она ему. Но готовность Майкла помочь осталась неостребованной, и гордость, от которой не застрахованы даже самые бескорыстные, заставила его смолчать. Ему досталась роль стороннего наблюдателя, пока измученное создание, которое он так любил, забившись в норку, зализывало свои раны. Он помнил, как она три дня не выходила из своей комнаты после похорон отца, а когда

наконец вышла, кожа у нее на лице походила на алебастр, придавая ей какую-то призрачность. Он знал, что оплакивает она не только отца, но и вторичную потерю своей истинной любви. Рыдания, доносившиеся из ее комнаты по ночам, разрывали ему сердце – это плакала надежда, удушаемая подушкой.

Он никогда не переставал любить Флер и в те трудные молчаливые дни любил ее ничуть не меньше, чем когда они только что поженились. И до сих пор любил, хотя, не будучи Парисом, не брался судить за что – за красоту, за силу воли или за ум. Но постоянство сердца не помешало переменам, происшедшим в его душе.

После того как он узнал об их романе, подтвердила, что он был, Холли, когда, набравшись храбрости, он в лоб спросил ее об этом; сама же Флер никогда ни словом не обмолвилась при нем на эту тему, – так вот, когда Майкл узнал, что все, что могло произойти, произошло, он неожиданно испытал чувство освобождения. Окончательно осмыслив то, что открылось ему, Майкл почувствовал, что он – подобно Атланту – сбросил с плеч груз, который так долго носил, не представляя себе возможности освободиться от него. Однако, спустя какое-то время, он – тоже подобно Атланту – почувствовал, что отсутствие груза беспокоит его, а вовсе не радует. И хотя теперь в своем сердце он уже не был арендатором, который может быть выселен в любой момент, неведомое прежде чувство, что они с Флер в чем-то равны, как ни странно, приводило его в смущение. Без всякого сомнения, его новоприобретенная свобода неминуемо предполагала, что ту же свободу обретет и она.

В последующие тринадцать лет Флер ни разу не дала ему повода усомниться в своей восстановленной верности, а сам он никогда не пытался откопать такой повод, но относительно того, что действительно творится в ее сердце, он по-прежнему имел весьма смутное представление. «Il y a toujours un qui baise, et l'autre qui tend la joue»³⁰.

С Майклом теперь дело обстояло не совсем так. Но каково было ей, как обстояли ее сердечные дела, он просто не знал.

Испытывая все то же давно знакомое чувство утраты и недостижимости цели, которое представлялось ему в хорошие минуты забрезжившим вдали за горизонтом рассветом, а в плохие – мнимой потребностью вытянуть ампутированную конечность, Майкл задвинул засов на входной двери, потушил бра и, включив свет на лестничной площадке, пошел наверх.

Глава 15

Джун

Чем щедрее осыпало лето своими зелеными и благоуханными дарами наше полушарие, тем ироничнее казалось, что все наиболее трудные моменты жизни Джун Форсайт приходились именно на ее собственный месяц или где-то по соседству от него.

О романе ее «маленького» брата Джона с Флер – дочерью ее двоюродного брата Сомса, стоявшего, по мнению Джун, у истоков худшей из ее бед, она впервые узнала в июне 1920 года. В том же месяце в 1926 году ей стало известно о том, что с приходом зрелости любовь эта вновь вспыхнула и запылала ярким пламенем. И окончательная катастрофа наступила тогда же, в конце жаркого короткого лета. А за сорок лет до этого, тоже в июне, был прием по случаю ее помолвки в доме Старого Джолиона, ее деда, на Стэнхоп-Гейт. Как горда она была тогда! Как влюблена в своего жениха, молодого архитектора Филипа Босини, познакомиться с которым была созвана вся родня. Как прекрасно держался Фил, как независимо!.. и сколь смутной была улыбка на прелестном лице ее лучшей подруги Ирэн, жены Сомса, когда Джун представила ей Фила. Спустя год он стал любовником Ирэн, а не ее.

³⁰ «Всегда есть тот, кто целует, и тот, кто подставляет щеку» (фр.).

Еще кое-какие картины прошлого промелькнули в памяти Джун, пока она запирала в субботу вечером свою маленькую картинную галерею. По характеру она не была склонна подолгу задерживаться мыслью и огорчаться по поводу упущенных возможностей, поэтому она сосредоточилась на том, как несправедлива порой бывает жизнь. Она нечасто вспоминала те события, но сегодня почему-то – может быть, из-за того, что кто-то купил пастель, нарисованную ее отцом, – обрывочные воспоминания снова посетили ее. Обычно в таких случаях в ней подымался гнев – пламя его до сих пор полыхало у нее в сердце, хотя далеко не столь ярко, как прежде; цвет ушел из него, как и из ее некогда рыжих волос, – праведный гнев, что молодым людям могут препятствовать в их поисках счастья.

Вопрос о том, были ли эти события как-то связаны с ее месяцем и были ли они случайным совпадением или над ней тяготело проклятие, никогда не вставал перед ней. Да и тот факт, что в этом году июнь, вступив уже в свою вторую неделю, до сих пор ничем плохим себя не проявил, не показался ей знаком беды, предвестником того, что на горизонте маячат неприятности.

Поэтому, когда Джун села в автобус на Гайд-парк-Корнер, который должен был отвезти ее домой в Чизик, ничто, кроме мелких житейских досад, не возбуждало в ней раздражения. Всегда в разгар выставки на нее нападала паника: а вдруг ей не удастся продать достаточно картин очередного таланта, которого она пропихивала в гении, однако с таким расчетом, чтобы материальная заинтересованность не наложила сомнительную тень на произведения чистого искусства. Кроме того, ее постоянно раздражало, что ее помощник по управлению галереей был таким безнадежным дураком. В автобусе было жарко, и любимые обиды, которые она упорно холила и лелеяла, еще больше усиливали ощущение жары. Она твердой рукой постучала по спине сидевшего перед ней и ехавшего без взрослых мальчика приблизительно того же возраста, что ее племянник, и велела ему открыть окно. Мальчик хотел было огрызнуться – «тоже еще командирша выискалась», но, увидев выражение ее горящих глаз, быстро передумал. Он невольно вспомнил кусачего терьера их соседей в Хаммерсмите и беспрекословно открыл окно. Джун коротко поблагодарила его и принялась обмахиваться перчатками.

Когда парк остался позади и Кенсингтон-Гор перешел в Хай-стрит, Джун задумалась, не следует ли ей отказаться от галереи. Эта мысль возникала у нее периодически и становилась предметом споров с самой собой, разрешавшихся после того, как она всесторонне и серьезно все обдумывала, и вновь возникала, лишь когда она успевала начисто забыть все свои «за» и «против». Автобус ритмично попыхивал, преодолевая свой маршрут, и шляпа Джун, пристроившаяся поверх замысловатого устройства из оранжевато-седых волос, покачивалась в такт. Направляясь к выходу, мальчик из Хаммерсмита, порядком удивив и себя и Джун, притронулся к козырьку своего картуза. Его место заняла продавщица из магазина с анемичным лицом и растрепанными волосами. По ее облегченному вздоху можно было понять, что сесть ей удалось впервые за весь день.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.